

ISSN 2500-3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 3 2025 (МАРТ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

Подписано в печать 11.03.2025 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

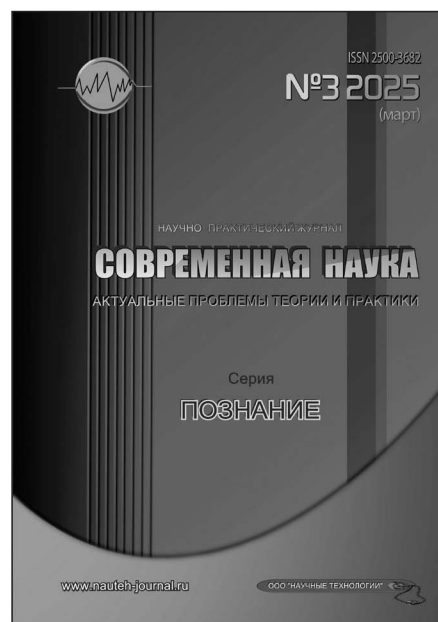
Серия: Познание №3 (март) 2025 г

© Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики». Серия «Познание».

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(BAK - 5.3.x, 5.7.x, 5.10.x)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филос.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филос.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филос.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филос.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филос.н, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филос.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филос.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филос.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филос.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филос.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр — Михайлович д.псх.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филос.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

Авдеева Я.Т. – Китайский и японский жестовые языки как аксиология культуры приёма пищи
Avdeeva Ya. – Chinese and Japanese sign languages as an axiology of nutrition culture 5

Лу Юйся, Се Хуэй – Инновационное использование моделей этнических меньшинств Китая в современном дизайне одежды
Lu Yongxiang, Xie Hui – Innovative use of Chinese ethnic minority models in modern fashion design 9

Петрова С.И. – Культура и кризис репрезентации
Petrova S. – Culture and the crisis of representation 12

Скопа В.А., Кисатова С.Т. – историко-культурное наследие Ибрая Алтынсарина как источник в изучении культуры казахстана
Skopa V., Kisatova S. – Historical and cultural heritage of Ibray Altynsarin as a source in the study of the culture of Kazakhstan 18

Филиппова О.Н. – «Сергей Сказкин - педагог и художник» (по материалам архива РАН)
Filippova O. – "Sergei Skazkin - teacher and artist" (based on the materials of the archive of the RAS) 22

Цзинь Фэн, Федоровская Н.А. – Искусство цзяньчи г. Гаоми из провинции Шаньдун в творчестве художника Фань Цзосинь
Jin Feng, Fedorovskaya N. – The art of the jianzhi of the city of Gaomi from Shandong province in the work of the artist Fan Zuoxin 25

Чжэньцзюнь Юань – Влияние европейских традиций на развитие системы академического пения в Китае
Zhenjun Yuan – The influence of European traditions on the development of the academic singing system in China 31

Психология

Булич М.О. – Применение качественных методов для анализа вторичных данных в психологических исследованиях

Bulich M. – Application of qualitative methods for analysis of secondary data in psychological research abstract 35

Кадырбеков Д.Д. – Типы и различия смешанных браков
Kadyrbekov D. – Types and differences of mixed marriages 40

Кюршева Е.А., Рыжова Е.Г. – Стабилизация нейрофункционального состояния пациента с помощью методики «нейрообаяние»
Kursheva E., Ryzhova E. – Stabilization of the neuro-functional state of the patient using the "neurocharm" method 43

Причина Д.Ю. – Жан-Этьен Доминик Эскироль: предшественник коррекционной психологии
Prichina D. – Jean-Etienne Dominique Esquirol: the forerunner of correctional psychology 48

Талызина Н.К. – Особенности коммуникативных умений детей с ОНР и ЗПР
Talyzina N. – Features of communication skills of children with general underdevelopment of speech and mental retardation 52

Трубицына Л.В., Трубицын А.В. – Собака в кадре
Trubitsyna L., Trubitsyn A. – Dog in the frame 57

Хамзина Ю.С. – Теоретическое осмысление сценариев управления возможностями в кризис
Khamzina Yu. – Theoretical understanding of opportunity management scenarios in crisis 62

Чижова К.И. – Саморегуляция подростков и детско-родительские отношения
Chizhova K. – Adolescent self-regulation and child-parent relations 66

Философия

- Васильева Е.Н.** – Любовь как основа права и справедливости в учении Иисуса Христа
Vasilyeva E. – Love as the basis of law and justice in the teaching of Jesus Christ 71
- Жаворонкова Г.А.** – Особенности современного эффективного социального конструирования «творческой личности»
Zhavoronkova G. – Features of modern effective social construction "creative personality" 74
- Москвитин В.А.** – Герменевтика техники и проблема языка в философии Хайдеггера
Moskvitin V. – The hermeneutics of technology and the problem of language in Heidegger's philosophy 78

- Панова Ю.В.** – Цивилизационная идентичность США: реальность и перспективы
Panova Yu. – Civilization identity of the USA: reality and prospects 87

- Шустов А.Ф.** – Проблема социальной оценки развития технической деятельности
Shustov A. – The problem of social assessment of the development of technical activities 91

Информация

- Наши авторы. Our Authors..... 94
- Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 95

КИТАЙСКИЙ И ЯПОНСКИЙ ЖЕСТОВЫЕ ЯЗЫКИ КАК АКСИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ ПРИЁМА ПИЩИ

Авдеева Яна Тарасовна

Аспирант, Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова
avd9597@yandex.ru

CHINESE AND JAPANESE SIGN LANGUAGES AS AN AXIOLOGY OF NUTRITION CULTURE

Ya. Avdeeva

Summary: The article is devoted to the comparison of signs in Chinese and Japanese sign languages related to the culture of eating, describes the similarities and differences. Food is considered as a carrier of culture and spirituality, and therefore signs related to the culture of eating are considered from the point of view of a value component. The culture of eating is considered as the realization of culture, which is embodied in nutrition, and the food itself as a system of signs bearing special cultural meanings.

Keywords: sign language, food culture, cultural everyday life, Chinese sign language, Japanese sign language.

Аннотация: Статья посвящена сравнению жестов в китайском и японском жестовых языках, связанных с культурой приёма пищи, описываются сходства и различия. Пища рассматривается как носитель культуры и духовности, в связи с этим жесты, связанные с культурой приёма пищи рассмотрены с точки зрения ценностного компонента. Культура приёма пищи рассматривается как реализация культуры, которая воплощается в питании, а сама пища как система знаков, несущая в себе особые культурные смыслы.

Ключевые слова: жестовый язык, культура питания, культурная повседневность, китайский жестовый язык, японский жестовый язык.

Влияние и взаимодействие культур – общепризнанный факт. Огромное количество исследовательских работ посвящено взаимовлиянию японской и китайской цивилизаций. В виду общности письма между Китаем и Японией постоянно происходил языковой и культурный обмен, в 1895-1945 годах учителя из Японии основали школу для глухих детей, в результате чего, сегодня носители японского и китайского жестовых языков в 60-70% случаев способны понять друг друга. Особое внимание уделяется сравнению жестов в китайском и японском жестовых языках связанных с культурой приёма пищи. Жесты рассматриваются с точки зрения знаков, способных отражать культурные и ценностные смыслы, способа отражения бытия и носителей духовности. Жесты в китайском и японском языках способны отражать разницу в культуре питания, быту и другие культурные явления, и события.

История языка очень тесно связана с историей самих носителей этого языка. «Каждый язык принадлежит известному обществу, известному общественному союзу, то есть каждый язык принадлежит людям как членам того или другого общества»¹. Еда и культура приёма пищи является носителем культурных ценностных смыслов и духовности. В японской и китайской культурах

приёма пищи уделяется внимание формам, в которых еда обретает свой культурный смысл. При деятельностном подходе к понятию «культура», сам процесс приёма пищи человеком может рассматриваться, как культура, так как процесс приготовления пищи является человеческой деятельностью, а не природной. Однако, если подходить с точки зрения аксиологии – рассматривать необходимо именно компонент человеческого питания. Аксиологический подход заключается во взаимосвязи культуры и человеческих ценностей, стремлении выразить своеобразие человеческого существования и развития. Аксиологический подход к пониманию культуры выделяет ценностный смысл, что является важным элементом, в жесте можно увидеть онтологическую связь с миром, которая позволяет отразить действительность бытия².

Пища является носителем духовности, культуры, именно поэтому изучение и сравнение жестов, связанных с приёмом пищи в китайском и японском жестовых языках, можно рассматривать с точки зрения ценностного компонента. Культура – «практическая реализация общечеловеческих и духовных ценностей в людских делах и отношениях»³. Культура в узком смысле – практически реализуемый духовный опыт, содержащий ценностные

¹ Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. Т. 1. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1956.

² Бахтин М.М. Литературно-критические очерки. М., 1986. С. 62

³ Выжлецов Г.П. Аксиология культуры. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1996. 152 с.

смыслы явлений, которые выражаются в знаковой форме, определяет В.П. Большаков⁴.

Закреплению духовного опыта способствует овеществление и опредмечивание, более того, выражение в знаках и знаковых системах, одним из которых является жестовый язык. Стоит отметить существующие жесты, обозначающие не только сам предмет, но и демонстрирующие форму. Такую особенность в жестовых языках определяют, как «иконичность», она возникает в силу специфических возможностей, которые представлены визуальной модальностью.

Таким образом рассмотрение жестов, связанных с культурой приёма пищи, можно рассматривать, как носитель ценностных смыслов. В культуре питания важную роль играют не только отдельные знаки, символы и культурные коды, но и сам процесс приготовления и потребления пищи. Культура приёма пищи – это реализация культуры, которая воплощена в питании, знаковые системы, связанные с приёмом пищи, могут выражать и высшие ценности. Важно отметить, что не все традиции и обычаи культурны⁵, однако духовный опыт существовать сам по себе не может, а для его усвоения и передачи он должен быть закреплён в знаковых и символических предметах и процессах.

Пища на сегодняшний день рассматривается, как система знаков, несущая особые культурные смыслы. В культуре питания важно рассматривать не отдельные знаки и символы, культурные коды, но и сам процесс приготовления. Практика в данном случае – это «деятельность или поведение человека по освоению действительности: сохранение, порождение, реализация и трансляция опыта и навыков, и освоение этих навыков»⁶. Культура приёма пищи является и демонстрацией социального статуса для всех присутствующих, отражает проявление духовности, например демонстрировать уважение, через поднесение еды. Аксиологический подход к теме культуры питания, позволяет определить одухотворение питания, хранение и передачу ценностных смыслов. Ценностные смыслы в культуре приёма пищи можно наблюдать в ежедневных культурных процессах, выражаются в системах знаков и знаках. Такие знаки могут отсылать нас к культурным событиям, они способны сохранять и передавать смыслы с особой духовной ценностью.

Различие Востока и Запада в приёме пищи палочек и ножа с вилок весьма очевидны, однако несмотря на

одинаковость приёма пищи в Китае и Японии палочками, демонстрация жестов неидентичная. Рассмотрим демонстрацию жеста «есть» в китайском жестовом языке рис. 1.

Жест демонстрируется с помощью всей ладони, направление движения от груди ко рту. Однако, в японском жестовом языке жест «есть» демонстрируется отличным способом, рассмотрим рис. 2.

Жест «есть» в японском жестовом языке является иконическим, демонстрируется с помощью двух пальцев (указательного и среднего), которые имитируют палочки. Несмотря на сходство употребления пищи палочками, жесты отличны друг от друга, обращаясь к мысли Ф.Ф. Фортунатова о тесной связи языка с историей его носителя, можно предположить, что носители китайского жестового языка стараются сегрегироваться, в виду этого жесты, связанные с базовыми витальными потребностями так сильно отличаются.

Жест «креветка» исполняется с помощью указательного пальца, имитируя движения креветки справа налево, стоит отметить и наличие артикуляции. Японский же жест на рис 4. демонстрируется двумя пальцами (указательным и средним), а направление движения противоположно китайскому жесту, то есть слева направо, артикуляция присутствует.

Разница в направлении движения справа налево в китайском жестовом связана с языковыми способами выражения представления о временно-пространственном механизме в китайской лингвокультуре. Стоит отметить, что в китайском языке, как и в любом другом, время и пространство являются фундаментальными категориями, которые лежат в основе языковой картины мира. Дж. Лакофф и М. Джонсон⁷ отмечали существование *физического пространства* и *когнитивного*, а существующие схемы пространственных ориентаций и их отличия и неидентичность можно встретить в акте коммуникации представителей разных этносов, более того, такие схемы могут быть рассмотрены, как различные когнитивные маркеры. В китайской культуре время и пространство являются неделимым целым, а также центральным понятием в познании китайцев. Стоит отметить, что направление времени в китайском языке имеет следующую ориентацию «будущее находится за нами, а прошлое – перед нами», демонстрация жеста с направлением движения нетипичной для русского и японского жестовых языков.

4 Большаков В.П. Культурные практики в процессах становления культуры // Вестн. С.-Петерб. гос. ун-та культуры и искусств. 2016. № 2 (27). С. 16-22.

5 Большаков В.П. Понимание культуры как проблема современной теории // Тр. С.-Петерб. гос. ин-та культуры. 2015. Т. 210: Петербургская культурологическая школа С.Н. Иконниковой: история и современность. С. 17-18.

6 Там же.

7 Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // Ortony A. (ed.). Metaphor and thought. – Cambridge. University Press, 1993.

Рис. 1. CSL жест «есть»

Рис. 2. JSL жест «есть»

Рис. 3. CSL жест «креветка»

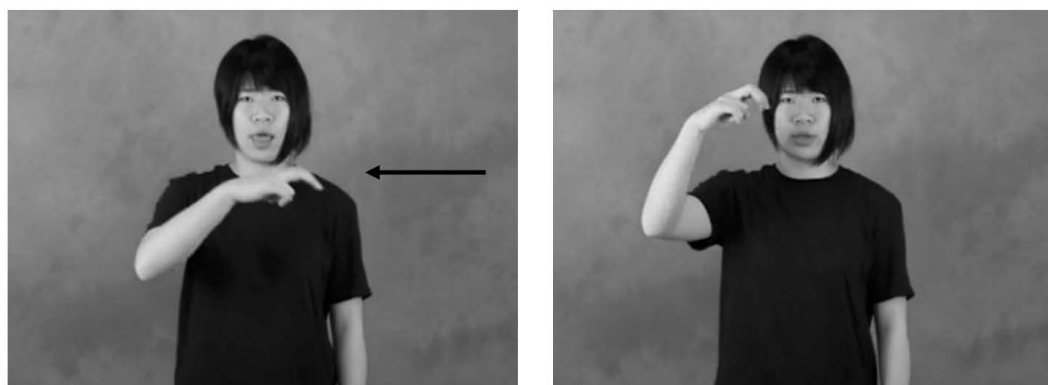

Рис. 4. JSL жест «креветка»

В японской культуре время и пространство эквиваленты друг друга и не противопоставляются.

В повседневной культуре питания реализуются ценностные смыслы культуры, которые выражаются в знаках и системах знаков, знаки отсылают нас к культурным

явлениям, событиям, знаки способны сохранять и транслировать особые духовные смыслы. Жестовый язык благодаря иконичности способен отражать культуру, культурные особенности, благодаря формам жестов и способам их демонстрации можно увидеть и своеобразие культуры, и культурные смыслы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Литературно-критические очерки. М., 1986. С. 62
2. Большаков В.П. Культурные практики в процессах становления культуры // Вестн. С.-Петерб. гос. ун-та культуры и искусств. 2016. № 2 (27). С. 16-22.
3. Большаков В.П. Понимание культуры как проблема современной теории // Тр. С.-Петерб. гос. ин-та культуры. 2015. Т. 210: Петербургская культурологическая школа С.Н. Иконниковой: история и современность. С. 17-18.
4. Выжлецов Г.П. Аксиология культуры. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1996. 152 с.
5. Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. Т. 1. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1956.
6. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // Ortony A. (ed.). Metaphor and thought. – Cambridge. University Press, 1993.

© Авдеева Яна Тарасовна (avd9597@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИННОВАЦИОННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОДЕЛЕЙ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ КИТАЯ В СОВРЕМЕННОМ ДИЗАЙНЕ ОДЕЖДЫ

Лу Юйся

Доцент, Хэйхэский университет

dkl_fa@mail.ru

Се Хуэй

Профессор, Хэйхэский университет

INNOVATIVE USE OF CHINESE ETHNIC MINORITY MODELS IN MODERN FASHION DESIGN

Lu Yongxiang
Xie Hui

Summary: This article examines the issues of innovative use of Chinese ethnic minority models in modern fashion design. It seems positive to us that Chinese designers, when developing modern collections, certainly try to make sure that the ethnic features of the traditional costume make up the "highlight" of the image, presenting the model of China's ethnic minorities in new forms that are interesting to representatives of various cultures. It is determined that the development of Chinese fashion is very active. When designing modern Chinese clothes, the culture and motifs of traditional costume are used, which keep up with the times. Conclusions are drawn: the innovative use of Chinese ethnic minority models in modern clothing design is the basis for modeling. For modern designers, national costumes are one of the main ethnocultural sources. This is due to the richness and diversity of ethnic costume forms, their deep connections with the history of the people, mythology and art. In this regard, modern designers present all new options for combining the ideas of mastering national clothing. Interest in the models of China's ethnic minorities is increasing. The traditional details of the models are combined with the details of the modern cut. When sewing clothes, traditional silk fabric, traditional patterns, embroidery and a traditional combination of colors and patterns are used. These elements in clothing strengthen people's connection with the rich cultural heritage of ethnic minorities.

Keywords: ethnic minorities, innovations, clothing, traditional costume, cultural heritage, embroidery.

Аннотация: В настоящей статье рассмотрены вопросы инновационного использования моделей этнических меньшинств Китая в современном дизайне одежды. Положительным нам представляется то, что китайские дизайнеры, при разработке современных коллекций, безусловно, стараются сделать так, чтобы этнические особенности традиционного костюма составляли «изюминку» образа, представляя модель этнических меньшинств Китая в новых формах, интересных представителям самых разных культур. Определено, что развитие китайской модной одежды идет очень активно. При проектировании современной китайской одежды используются культура и мотивы традиционного костюма, которые идут «в ногу со временем». Сделаны выводы: инновационное использование моделей этнических меньшинств Китая в современном дизайне одежды является основой для моделирования. Для современных дизайнеров национальные костюмы – это один из основных этнокультурных источников. Это обуславливается богатством и разнообразием этнических костюмных форм, их глубинными связями с историей народа, мифологией и искусством. В связи с чем современные дизайнеры представляют все новые варианты комбинирования идей освоения национальной одежды. Интерес к моделям этнических меньшинств Китая все возрастает. Традиционные детали моделей сочетаются с деталями современного кроя, при пошиве одежды используется традиционная шелковая ткань, традиционные рисунки, вышивка и традиционное сочетание цветов и вариантов узоров. Эти элементы в одежде укрепляют связь людей с богатым культурным наследием этнических меньшинств.

Ключевые слова: этнические меньшинства, инновации, одежда, традиционный костюм, культурное наследие, вышивка.

Введение

В настоящее время мода – это стихия большого города, она влияет не все сферы жизни и деятельности людей, в том числе и на одежду. Время меняет отношение к одежде. В прошлые времена в одежде большую роль играли обычаи, благодаря которым национальные костюмы разных народов называют традиционными. Именно силой обычая можно объяснить особенности национальной одежды каждого народа и то, что она не изменялась в течение столетий. В настоящее время можно отметить, что лишь элементы прошлого связывают нас с настоящим временем. Вместе с тем, в последние десятилетия в Китае наблюдается возрождение моды на традиционную китайскую одежду, использование

отдельных элементов одежды в новых коллекциях. Ее часто носят на различных праздниках, таких как китайский Новый год, Праздник цветов, Праздник девушек, Праздник Шанси. Позитивным нам представляется то, что в Домах моды при создании новых образов и моделей заметно обращение к использованию элементов народного костюма. В частности, как указывается Г. Г. Коломиец: «Национальное – это шаг к мировому искусству в условиях многокультурного взаимного столкновения, смешения и пропагандистской персонализации, чтобы подчеркнуть в произведениях чувство времени и культурные, пограничные области национальных традиционных элементов в дизайне занимает важное место, и становится новой формой выражения» [1. С. 231-237].

Изложение основного материала статьи

Китайские дизайнеры, при разработке современных коллекций, безусловно, стараются сделать так, чтобы этнические особенности традиционного костюма составляли «изюминку» образа, представляя модель этнических меньшинств Китая в новых формах, интересных представителям самых разных культур. Это является своего рода инновациями, имеющими в своей основе обращение к национальным истокам. Таким образом, развитие данного направления современного дизайна идет по нескольким направлениям и отражается в форме кроя, в цветовом решении, в использовании вышивки и аксессуаров.

В качестве одного из направлений в моделировании современной одежды следует выделять использование конструктивной формы этнических меньшинств Китая, существующих в этой сфере закономерностей и нюансов. Особая целостность китайской традиционной одежды является ее важным свойством и проявляется в: неотделимости формы и материала, формы и декора, декора и материала, материала и техники исполнения.

Так, в начале XX века использовались юбки-плахты. Если раньше они являлись непременным элементом женского костюма, то в настоящее время они исчезли из китайского быта, уступив место ципао, европейскому платью и юбке или ансамблю штаны-кофта, который еще в конце XIX в. был типичен лишь для простых китайок.

Инновационное использование этих классических форм имеет своей целью создание выкроек с простыми геометрическими линиями, которые отражает и уникальность народного кроя, и создают образ модной одежды.

Указанное нами направление отражает преемственность творчества прошлых поколений, которое, в процессе работы Домов моды, обогащается современными требованиями к разработке одежды и формирует уникальный, неповторимый, авторский стиль. Эта одежда составляет гардероб современной женщины, следящей за модными тенденциями. Причем с учетом влияния моды меняются пропорциональные соотношения деталей и формы, нагрузки декора. Однако, стилевые особенности традиционной одежды, являющиеся инновационными разработками дизайнеров, остаются прежними.

Некоторые формы кроя костюма просты, другие же, наоборот, весьма сложные. В последнем случае на помощь приходят конструктивные линии, которые условно можно разделить на основные конструктивные и конструктивно-декоративные. В большинстве композиционных решений конструктивные швы, участвующие в

решении формы, внешне остаются малозаметными. Глаз их воспринимает как неизбежную закономерность построения формы.

При изучении различных коллекций в Домах моделей можно отмечать, что в процессе проектировании современной женской одежды используют определенные детали кроя традиционной одежды, а именно: вертикальный воротник, боковой разрез, закатка кромок. Отметим, что дизайнерам-модельерам удастся удачно сочетать традиционные детали кроя с деталями современного кроя. Вследствие этого в настоящее время определились стиль и своеобразная классика современной легкой женской одежды, разработанной по мотивам одежды этнических меньшинств Китая.

Если рассматривать крой современной одежды, в основе которой – формы народного кроя, то можно выделить три основных фактора:

- логика построения главных конструктивных узлов, их подвижность по отношению к женской фигуре;
- умелое распределение объемов основных частей одежды, пропорциональность ее частей относительно фигуры;
- преобладание прямой силуэтной формы и мягких линий в одежде.

Тема моделирования уже многие годы занимает китайских художников-модельеров. Особое внимание ими уделяется творческому опыту безымянных художников прошлых лет. Конечно, имеются самые различные мнения о том, как возможно (и возможно ли) сочетать произведения народного искусства и современные изделия, изготавливаемые фабричным способом. Кто – то полагает, что это невозможно, а кто – то идет по пути моделирования, считая, что использование моделей этнических меньшинств, наоборот, обогащает разработку одежды, придавая ей неповторимый стиль. Один из вариантов подобного взаимообогащения – технология традиционной китайской вышивки.

Выразительность китайской вышивки отмечалась исследователями китайского народного костюма Л. П. Сычевым и В. Л. Сычевым [3]. История китайской вышивки насчитывает, по крайней мере, четыре тысячи лет, данное направление является уникальным видом искусства, воплощающее глубокую традиционную культуру и народные представления о прекрасном. Виды, качество и стиль вышивки в большой степени зависят от характера стежков.

Выделяют традиционные школы вышивки: Сучжоускую, Гуандунскую, Хунаньскую и Сычуаньскую. Они были сформированы в период династий Мин и Цин и передаются из поколения в поколение.

Вышивка имеет свои уникальные отличия по композиции, краске, стежков и мотивам. Это дает современным модельерам возможность применять различные стили вышивания, которые отличаются друг от друга. Особо остановимся на использовании в дизайне современной одежды так называемых «счастливых» рисунков, которые применяются с давних времен в народной китайской одежде. Так, если обратиться к религиозным представлениям, красивые узоры и изображения обеспечивают необходимые блага. Они несут скрытые послы и просьбы: о счастье, благополучии и иных благах. Этими «счастливыми» рисунками выражается любовь народа к жизни и тяга к красоте.

В своем многообразии рисунки отражают разные желания и отношение к жизни, любви к труду, стремление быть счастливыми. Эти «счастливые» рисунки, как правило, размещали на краю правой полы, на обшлаге и на нижнем крае. Для выделения определенного смысла рисунки использовались в определенных местах [4].

Внешний признак «счастливого» рисунка также мог быть разнообразен. Это могли быть: животные, растения, различные знаки. Всем им был присущ скрытый символический смысл. К примеру, изображение дракона символизировало благополучие и счастливую судьбу, защиту от вредных поветрий и зла. Журавли и черепаха отражают счастье, благополучие и долголетие. В свою очередь, цветок лотоса и рыба – это мотив, символизирующий рождение сыновей. Цветок лотоса имеет функцию продолжения рода, рыба, плавающая среди лотосов, – это изображение любви мужчины и женщины, надежды на рождение сыновей.

Цветовая гамма, определенные цвета в дизайне ки-

тайской одежды также имеют значение. К примеру, вечная жизнь выражается в зеленом цвете, а красный цвет – это счастье.

Таким образом, при проектировании современной китайской одежды используются культура и мотивы традиционного костюма, которые идут «в ногу со временем».

Таким образом, следует говорить о том, что развитие китайской модной одежды очень активно [2].

Выводы

Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что инновационное использование моделей этнических меньшинств Китая в современном дизайне одежды является основой для моделирования.

Для современных дизайнеров национальные костюмы – это один из основных этнокультурных источников. Это обуславливается богатством и разнообразием этнических костюмных форм, их глубинными связями с историей народа, мифологией и искусством. В связи с чем современные дизайнеры представляют все новые варианты комбинирования идей освоения национальной одежды. Интерес к моделям этнических меньшинств Китая все возрастает.

Традиционные детали моделей сочетаются с деталями современного кроя, при пошиве одежды используется традиционная шелковая ткань, традиционные рисунки, вышивка и традиционное сочетание цветов и вариантов узоров. Эти элементы в одежде укрепляют связь людей с богатым культурным наследием этнических меньшинств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коломиец Г.Г. Национальное и транснациональное бытие искусства в пространстве глобализирующегося мира // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 11 (186). С. 231-237.
2. Ли Су. Этнокультурные традиции национального костюма в дизайне современной китайской одежды: дис. ... канд. иск. наук. - СПб., 2010.
3. Сычев В.Л. Из истории китайского женского костюма с древности до эпохи Сун // Научные сообщения ГМВ. Выпуск XXII. М., 1996.
4. Ян Пэн Тао Новейшие модификации в китайской культуре одежды – путь интегрирования в мировую индустрию моды // Современные философские исследования. 2021. №3.

© Лу Юйся (dki_fa@mail.ru), Се Хуэй.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КУЛЬТУРА И КРИЗИС РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Петрова Софья Игоревна

Академия маркетинга и социально-информационных
технологий – ИМСИТ, г. Краснодар
Sofya8888@yandex.ru

CULTURE AND THE CRISIS OF
REPRESENTATION

S. Petrova

Summary: The article is devoted to the problem of the crisis of representation in culture. A crisis of representation in culture is a situation where traditional ways of representing and interpreting cultural phenomena become insufficient or inadequate. This affects the development of culture as a whole, limiting the diversity of creative voices and perspectives, which leads to an impoverishment of the cultural landscape and a decrease in the potential for innovation and the development of new forms of cultural expression. The article shows that the crisis of representation in culture is a symptom of profound transformations affecting the foundations of cultural self-knowledge and self-expression of society. This indicates that in order to overcome the crisis of representation, systemic changes are needed at all levels, taking into account both technological and socio-cultural aspects of modern society. This is a long-term process that requires constant rethinking and adaptation of strategies in accordance with the changing conditions of the cultural environment.

Keywords: culture, crisis, crisis of representation, environment, society, process, mass media.

Аннотация: Статья посвящена проблеме кризиса репрезентации в культуре. Кризис репрезентации в культуре – это ситуация, когда традиционные способы представления и интерпретации культурных явлений становятся недостаточными или неадекватными. Это влияет на развитие культуры в целом, ограничивая разнообразие творческих голосов и перспектив, что приводит к обеднению культурного ландшафта и снижению потенциала для инноваций и развития новых форм культурного самовыражения. В статье показывается, что кризис репрезентации в культуре является симптомом глубоких трансформаций, затрагивающих основы культурного самопознания и самовыражения социума. Это свидетельствует о том, что для преодоления кризиса репрезентации нужны системные изменения на всех уровнях учитывающий как технологические, так и социокультурные аспекты современного общества. Это долгосрочный процесс, требующий постоянного переосмысления и адаптации стратегий в соответствии с меняющимися условиями культурной среды.

Ключевые слова: культура, кризис, кризис репрезентации, среда, общество, процесс, СМИ.

Однозначно определить временные рамки кризиса репрезентации в культуре сложно, так как это комплексный и многоаспектный процесс, который развивался постепенно и по-разному проявляется в разных областях. Можно говорить о том, что предпосылки этого кризиса наметились ещё в XX веке, с развитием массовой культуры, усилением процессов глобализации и появлением новых медиа. Однако наиболее остро проблема репрезентации встала в последние десятилетия в контексте усиления социальных движений, борющихся за права меньшинств, равноправие и расширение представленности различных групп в культурном пространстве. Цифровизация и распространение социальных сетей сделали дискуссии о репрезентации более публичными и острыми, что позволяет говорить о начале XXI века как о периоде, когда кризис репрезентации в культуре проявился с наибольшей силой.

Важным фактором, обострившим кризис репрезентации, стало осознание ограниченности и предвзятости традиционных нарративов, доминировавших в культуре на протяжении долгого времени. Европоцентризм, колониализм, патриархат – эти и другие системы формировали искажённую картину мира, исключая из фокуса внимания опыт и голоса множества социальных групп,

что порождало серьёзные социальные последствия, которые затрагивают различные аспекты общественной жизни и влияют на формирование идентичности отдельных слоев населения. Недостаточное или неточное представление определенных социальных групп в медиа, искусстве и популярной культуре приводит к закреплению существующих стереотипов и предрассудков, что в свою очередь усиливает социальное неравенство и дискриминацию. Люди, не находящие отражения своего опыта и идентичности в культурном пространстве, часто испытывают чувство отчуждения, изоляции и неполноценности. Это может привести к снижению самооценки, психологическим проблемам и трудностям в социальной адаптации. Особенно остро эта проблема затрагивает молодое поколение, которое находится в процессе формирования собственной идентичности и мировоззрения. Отсутствие позитивных ролевых моделей и релевантных культурных референций может ограничивать их представления о собственных возможностях и потенциале. Кроме того, кризис репрезентации способствует поддержанию существующих властных иерархий и социальных барьеров, затрудняя социальную мобильность и препятствуя развитию инклюзивного общества. В экономическом плане это может приводить к недооценке потребностей и интересов определенных

групп потребителей, что влияет на развитие рынков и бизнес-возможностей. В политической сфере недостаточная репрезентация может приводить к игнорированию интересов отдельных социальных групп при принятии важных решений и формировании государственной политики. Это создает замкнутый круг, где отсутствие представленности в культурном пространстве ведет к уменьшению социального и политического влияния, что в свою очередь еще больше закрепляет маргинализацию.

На уровне межгрупповых отношений кризис репрезентации может способствовать усилению социальной напряженности, недопониманию между различными группами населения и затруднению межкультурного диалога. Отсутствие разнообразных и аутентичных репрезентаций различных социальных групп ограничивает возможности для развития эмпатии и взаимопонимания между людьми с разным социальным опытом. В долгосрочной перспективе это может привести к фрагментации общества и усилению социальных конфликтов. Кроме того, кризис репрезентации влияет на развитие культуры в целом, ограничивая разнообразие творческих голосов и перспектив, что приводит к обеднению культурного ландшафта и снижению потенциала для инноваций и развития новых форм культурного самовыражения.

Важно отметить, что кризис репрезентации не ограничивается только количественным присутствием разных групп в медиа. Не менее важна «качественная репрезентация», которая предполагает отказ от стереотипов и искаженных образов в пользу многогранных, реалистичных и аутентичных историй.

Кризис репрезентации в культуре - это ситуация, когда традиционные способы представления и интерпретации культурных явлений становятся недостаточными или неадекватными. Приведем несколько примеров такого кризиса. Так, происходит переосмысление классических художественных канонов. В постмодернистском искусстве художники часто подвергают сомнению и переосмысливают традиционные эстетические нормы, правила композиции, жанровые границы. Это создает ощущение кризиса привычных способов репрезентации. Последнее время феминистские и ЛГБТ движения бросают вызов традиционным представлениям о гендерных ролях и сексуальности, что ставит под вопрос устоявшиеся способы их культурного отображения. Происходящее столкновение различных культурных традиций и быстрая трансформация культурных ландшафтов затрудняют применение единых, универсальных моделей культурной репрезентации. Стоит упомянуть и о кризисе доверия к СМИ и распространение альтернативных медиа: возникновение новых медиаплатформ и подходов к предоставлению информации подрывает

доверие к традиционным СМИ как источникам достоверных культурных репрезентаций. Развитие цифровых технологий и распространение виртуальной реальности создают новые формы культурной репрезентации, которые подвергают ревизии границы между реальным и воображаемым. Постколониальные теории игнорируют традиционные способы представления и интерпретации культур, которые основывались на европоцентричных взглядах и игнорировали или искажали опыт немодернизированных обществ. Возрастающее культурное разнообразие и голоса маргинализированных групп (этнических, религиозных, сексуальных меньшинств и т.д.) бросают вызов монокультурным репрезентациям, требуя большей инклюзивности и справедливого отображения.

Переосмысление места человека в природе и осознание экологических проблем ставят под сомнение традиционные антропоцентричные модели культурной репрезентации, требуя более экологических подходов. Распространение новых медиа, алгоритмических систем, искусственного интеллекта, трансформируют способы производства, распространения и восприятия культурных артефактов, создавая новые вызовы для репрезентации.

Растущая политизация культурных вопросов, связанных с идентичностью, памятью, репрезентацией, провоцируют конфликты по поводу легитимности тех или иных способов культурной репрезентации. Распространение цифровых медиа, социальных сетей, виртуальной и дополненной реальности создают новые платформы и форматы для культурного самовыражения, бросая вызов традиционным медиа и институтам. Интенсификация культурного обмена и взаимодействия на глобальном уровне порождают гибридные формы и стирают четкие границы национальных культур, усложняя процессы их репрезентации.

Таким образом, изменяющаяся роль социальных, экологических, феминистских и других движений в культурной сфере выдвигает новые требования к репрезентации, подрывая устоявшиеся иерархии и модели. Индивидуализация культурного потребления и распад единых массовых культур ведут к плюрализации перспектив и противоречивости культурных репрезентаций. Возрастает внимание к этической стороне культурной репрезентации, как в отношении уязвимых групп, так и в плане ответственности за производство и распространение культурных продуктов.

Приведенные примеры демонстрируют, что кризис репрезентации в культуре является симптомом более глубоких трансформаций, затрагивающих основы культурного самопознания и самовыражения. Это свидетельствует о том, что для преодоления кризиса репре-

зентации нужны системные изменения на всех уровнях. Необходимо создавать условия для того, чтобы люди из разных социальных групп имели равные возможности для обучения, профессионального роста и продвижения в сфере искусства и медиа. Это может включать в себя программы грантовой поддержки, менторства, а также борьбу с дискриминацией при приеме на работу и распределении ролей. Важно обучать людей критическому осмыслению медиаконтента, умению распознавать стереотипы и предвзятость. Целесообразно использовать язык, который уважает достоинство и многообразие всех социальных групп, избегая дискриминационных и стигматизирующих выражений.

Таким образом, кризис репрезентации в культуре имеет глубокие социальные последствия. Во-первых, недостаточная представленность различных социальных групп в искусстве и медиа ведет к искаженному восприятию реальности. Люди, чьи истории, опыт и идентичность не находят отражения в культуре, становятся невидимыми для общества, их проблемы и потребности игнорируются. Это может приводить к маргинализации и дискриминации, поскольку доминирующие группы, видя себя в качестве «нормы», не осознают сложность и многообразие социального опыта. Во-вторых, отсутствие репрезентации ограничивает возможности для самоидентификации и формирования позитивного образа себя у представителей маргинализированных групп. Видя только стереотипные или негативные образы в медиа, молодые люди могут сталкиваться с трудностями в принятии своей идентичности, что ведет к снижению самооценки и психологическому дискомфорту. В-третьих, кризис репрезентации препятствует развитию эмпатии и социальной сплоченности. Когда люди не видят себя или свой опыт в культуре, им сложнее понять и сопереживать другим, особенно тем, кто отличается от них. Это может приводить к росту нетерпимости, ксенофобии и усилению социального расслоения. Таким образом, борьба с кризисом репрезентации является не просто вопросом справедливости и равенства, но и необходимым условием для формирования более гармоничного и инклюзивного общества.

Кризис репрезентации тесно связан с развитием цифровых технологий и виртуальной реальности [4]. В цифровую эпоху граница между «реальным» и «репрезентируемым» становится все более размытой. Социальные сети и цифровые платформы создают новые формы репрезентации идентичности и социального взаимодействия, где *authenticity* (подлинность) становится все более проблематичным понятием. Кризис репрезентации проявляется в самых разных сферах культуры: от кино и литературы до музеев, памятников, образования.

В философском плане кризис репрезентации поднимает фундаментальные вопросы о природе знания и

возможности объективного познания мира. Постструктуралистская критика показала, что любая форма репрезентации неизбежно включает элементы власти и идеологии, что ставит под сомнение возможность «нейтрального» или «объективного» представления реальности.

В академической среде кризис репрезентации привел к переосмыслению методологических подходов в гуманитарных и социальных науках. Исследователи все больше внимания уделяют рефлексии над собственными методами производства знания и способами его представления. Это привело к развитию новых междисциплинарных подходов и методологий, которые учитывают проблематичность традиционных форм репрезентации.

В образовательной сфере кризис репрезентации ставит важные вопросы о методах передачи знаний и компетенций. Традиционные модели образования, основанные на передаче устоявшихся представлений о реальности, сталкиваются с необходимостью адаптации к новым условиям, где сама возможность объективного представления знания ставится под сомнение.

В политической сфере вопросы репрезентации тесно связаны с проблемами власти и доминирования в обществе. Критика традиционных форм репрезентации часто становится частью более широкой критики существующих социальных и политических структур.

В медиасфере кризис репрезентации проявляется в феномене «постправды» и растущем недоверии к традиционным источникам информации. Множественность интерпретаций и версий реальности, распространяемых через различные медиаканалы, создает ситуацию, в которой становится все сложнее определить, что является «истинным» представлением действительности.

Одним из следствий кризиса репрезентации является возрастающая роль перформативности в современной культуре. Вместо того чтобы стремиться к «правдивому» изображению реальности, многие культурные практики фокусируются на создании событий и опыта, которые существуют здесь и сейчас, избегая проблем репрезентации через непосредственное действие. Художники все чаще обращаются к метарефлексивным стратегиям, исследуя границы и возможности различных форм репрезентации, что приводит к появлению новых художественных практик и жанров. В литературе это выражается в экспериментах с нарративными структурами, в визуальном искусстве - в отказе от традиционных форм изображения в пользу концептуальных подходов.

Все эти аспекты кризиса репрезентации создают сложную и многогранную картину современной куль-

турной ситуации, требующую новых подходов к пониманию и интерпретации процессов производства и передачи смыслов в обществе. О кризисе репрезентации в культуре в разное время писали: Р. Барт, В. Беньямин, Ж. Бодрийяр, П. Вирильо, Г. Дебор, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ю. Кристева, Ж.-Ф. Лиотар, Ф. Джеймсон, Ж.-Л. Нанси, Х. Фостер, М. Фуко, Ю. Хабермас, С. Холл и др. Общий контекст исследований этих ученых заключается в осмыслении культурных, социальных и технологических изменений, которые приводят к кризису репрезентации в современном обществе. Каждое из направлений освещает различные аспекты этого явления, позволяя глубже понять сущность изменений в культуре и их последствия для нашего восприятия реальности.

Юлия Кристева, исследовала кризис репрезентации в культуре через призму психоанализа и семиотики, показывая, как язык и субъективность взаимосвязаны в этом процессе [3]. Так, в искусстве, например, он проявляется следующим образом: происходит отказ от миметического принципа; проводятся эксперименты с формой и содержанием; развивается концептуальное искусство; размываются границы между различными видами искусства; появляются новые медиа и формы художественного выражения. В литературе: разрушаются традиционные нарративы структур; проводятся эксперименты с языком и стилем; используют смерть автора как концепцию и т.д.

Юрген Хабермас в своих работах затрагивал вопросы кризиса репрезентации в культуре, особенно в контексте современного общества и его культурных институтов [7]. Кризис репрезентации, по сути, отражает проблему того, как различные социальные группы и индивиды могут быть представлены в общественной дискуссии и как эти представления воздействуют на формирование общественного мнения и демократии. Одним из ключевых аспектов его анализа является идея о том, что традиционные формы представительства, такие как государственные институты и политические партии, становятся все менее способными эффективно представлять интересы граждан. Это связано с возрастающей сложностью современного общества, где разнообразие интересов и мнений усложняет создание единой платформы для представительства.

Жан Бодрийяр стал известен своими исследованиями в области симуляции, знаков и медиа. Его работы касаются кризиса репрезентации в культуре, который можно рассматривать как глубоко философскую и социальную проблему [1]. Одним из ключевых аспектов его теории является идея о том, что в современном обществе репрезентация (то есть способ, которым мы представляем, интерпретируем и воспринимаем реальность) утрачивает свою связь с «оригиналом». В его понимании, современная культура не просто изображает

реальность, а создает симуляции, которые затмевают саму реальность. Это приводит к тому, что мы начинаем воспринимать симуляцию как нечто более реальное, чем само реальное. Ж. Бодрийяр называл это состояние «гиперреальностью».

Хэл Фостер, искусствовед и культуролог, высказывал множество мыслей о кризисе репрезентации в культуре, особенно в контексте постмодернизма. В своих работах он обсуждал, как современное искусство и массовая культура справляются с вопросом представления реальности, идентичностей и социальных структур [5]. Х. Фостер акцентировал внимание на том, что репрезентация не является простым отображением реальности, но включает в себя сложные процессы, связанные с властью, идентичностью и механизмами восприятия. Он указывает на то, что в условиях постмодернистского общества понятие «репрезентация» становится кризисным, поскольку разные культурные и социальные контексты обостряют вопросы о том, кто и как представляется, а также, чьи нарративы доминируют.

Мишель Фуко не так непосредственно рассматривал кризис репрезентации в культуре, как это делали некоторые другие мыслители, например, постструктуралисты или деконструкторы. Тем не менее, его идеи о власти, знании и субъективности имеют большое значение для понимания этой проблемы [6]. М. Фуко полагал, что знание и власть неразрывно связаны, и именно в этом контексте он анализировал, как различные системы репрезентации формируют наши представления о реальности. Он подчеркивал, что репрезентация — это не просто отражение действительности, а конструкция, которая активно формирует наше понимание мира.

Поль Вирильо известен своими исследованиями в области восприятия пространства, времени и технологий. Он рассматривал кризис репрезентации в культуре как следствие изменений, вызванных новыми медиа и технологическими инновациями [2]. П. Вирильо подчеркивал, что традиционные методы репрезентации, такие как живопись или литература, перестают быть актуальными в условиях, когда информация передается мгновенно и в больших объемах. Одним из ключевых аспектов его анализа является то, что всякая репрезентация становится проблематичной в мире, насыщенном изображениями и знаками, чья значимость часто оказывается размытой. П. Вирильо акцентировал внимание на том, как новые технологии изменяют наше восприятие реальности. Он утверждал, что с появлением виртуальных сред и цифровых медиа границы между реальным и представленным миром стираются. В этом контексте кризис репрезентации проявляется в утрате подлинности и глубины опыта, когда изображения становятся самодостаточными и независимыми от референции на реальность.

Как видим, исследователи кризиса репрезентации в культуре, несмотря на разные сферы профессиональных интересов, обращали внимание на то, как символические формы и знаковые системы формируют наше восприятие реальности и как они взаимодействуют с социальными, политическими и экономическими структурами. Эти исследователи ставят под сомнение традиционные представления о репрезентации, указывая на их способность не только отражать реальность, но и конструировать её, создавая определённые нарративы и значения. Все их работы подчеркивают сложность и многообразие отношений между репрезентацией, реальностью и властью в контексте современной культуры. Они показывают, как изменения в обществе и технологиях могут влиять на то, как мы осмысливаем и представляем окружающий мир, и какой эффект это оказывает на наше понимание идентичности, культурной памяти и социокультурных практик.

В контексте преодоления кризиса репрезентации особое значение приобретает междисциплинарный подход. Необходимо объединение усилий специалистов из различных областей – культурологов, философов, социологов, специалистов по медиа и коммуникациям, технологов – для выработки комплексных решений и стратегий. Важным аспектом является развитие новых форм институционального взаимодействия в сфере культуры. Традиционные культурные институты (музеи, галереи, библиотеки) должны адаптироваться к новым условиям, осваивая цифровые инструменты и развивая новые форматы работы с аудиторией.

На наш взгляд, перспективными направлениями исследований в области преодоления кризиса репрезентации являются:

1. Изучение влияния новых технологий на формы культурного производства и потребления.
2. Анализ трансформации субъектно-объектных отношений в цифровой культуре.
3. Исследование новых форм коллективного творчества и соучастия в культурном производстве.
4. Разработка методологий анализа цифровых культурных феноменов.
5. Изучение механизмов формирования культурной идентичности в условиях множественных репрезентаций.

При этом необходимо сохранять баланс между инновациями и культурной преемственностью, переос-

мыслить роль субъекта в культурном производстве и потреблении. В условиях цифровой эпохи традиционное понимание авторства и оригинальности требует существенной корректировки. Появляются новые формы коллективного творчества, размываются границы между производителями и потребителями культурного контента, что создает предпосылки для формирования новых моделей культурной коммуникации.

Важным направлением в преодолении кризиса репрезентации является развитие медиаграмотности и критического мышления. В условиях информационного перенасыщения способность анализировать и оценивать различные формы репрезентации становится необходимым навыком. Это включает в себя понимание механизмов создания и распространения информации, своевременно выявлять манипулятивные техники и критически оценивать источники информации. Также следует отметить роль новых технологий в трансформации способов репрезентации. Виртуальная и дополненная реальность, искусственный интеллект и другие инновационные технологии создают новые возможности для культурного производства и восприятия. Однако их использование должно сопровождаться рефлексией над их влиянием на человеческое сознание и культуру в целом.

В рамках глобализации кризис репрезентации приобретает дополнительное измерение, связанное с взаимодействием различных культурных традиций и способов репрезентации. И здесь необходимо развивать межкультурный диалог и искать новые формы культурного взаимопонимания, учитывающие специфику различных культурных контекстов.

В педагогическом плане важны новые образовательные подходы, направленные на формирование компетенций в области критического анализа и создания медиаконтента. Это включает развитие навыков визуальной грамотности, понимания семиотических систем, способности к творческому самовыражению в различных медиаформатах.

Таким образом, преодоление кризиса репрезентации предполагает комплексный подход, учитывающий как технологические, так и социокультурные аспекты современного общества. Это долгосрочный процесс, требующий постоянного переосмысления и адаптации стратегий в соответствии с меняющимися условиями культурной среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – Москва: Добросвет, 2000. – 389 с
2. Вирильо П. Машина зрения. – СПб.: Наука, 2004. – 140 с.

3. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. - Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. - 656 с
4. Петров И.Ф. О «виртуальной реальности» // Вестник ИМСИТ, 2023. № 4 (96). С. 6-9.
5. Фостер Х., Краусс Р. Искусство с 1900 Года. Модернизм, Антимодернизм, Постмодернизм. - Москва: Ад Маргинем Пресс, 2015. - 816 с.
6. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. - СПб.: А-сад, 1994. - 406 с.
7. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. - Москва: Весь мир, 2003. - 414 с.

© Петрова Софья Игоревна (Sofya8888@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ИБРАЯ АЛТЫНСАРИНА КАК ИСТОЧНИК В ИЗУЧЕНИИ КУЛЬТУРЫ КАЗАХСТАНА

HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF IBRAY ALTYSNARIN AS A SOURCE IN THE STUDY OF THE CULTURE OF KAZAKHSTAN

**V. Skopa
S. Kisatova**

Summary: The article examines the historical and cultural heritage of Ibrai Altynsarin as a source in the study of the culture of Kazakhstan. Ibrai Altynsarin was one of the founders of Kazakh literature and literary language, which plays an important role in his historical and ethnographic heritage. He actively translated Russian classics into Kazakh, drawing inspiration from the teachers and writers K. D. Ushinsky and L. N. Tolstoy. Many of his works were of a social nature. Ibrai condemned corruption and tyranny. His works are a valuable source for studying the history, ethnography and culture of the Kazakh people.

Keywords: cultural studies, Kazakhstan, historical and cultural heritage, folk culture, education.

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии
естествознания, Алтайский государственный
педагогический университет (г. Барнаул, РФ)
sverhtitan@rambler.ru

Кисатова Салтанат Тасболатовна

Преподаватель, Павлодарский педагогический
университет имени Элкей Марғұлана

Аннотация: В статье рассматривается историко-культурное наследие Ибрая Алтынсарина как источник в изучении культуры Казахстана. Ибрай Алтынсарин был одним из основоположников казахской литературы и литературного языка, что играет важную роль в его историко-этнографическом наследии. Он активно переводил русскую классику на казахский язык, черпая вдохновение у педагогов-писателей К.Д. Ушинского и Л.Н. Толстого. Многие из его работ носили социальный характер. Ибрай осуждал коррупцию и произвол. Его работы являются ценным источником для изучения истории, этнографии и культуры казахского народа.

Ключевые слова: культурология, Казахстан, историко-культурное наследие, народная культура, образование.

В современных исторических исследованиях всё большее внимание уделяется роли отдельных личностей, что является абсолютно оправданным. Вклад отдельного человека зачастую оказывается более значимым, чем деятельность всей системы в целом. Переосмысленный вклад индивидуумов всегда расширяет историографические горизонты, предоставляя возможность глубже и целостнее подходить к исследуемым вопросам, а также способствует возникновению новых, иногда даже противоречивых точек зрения, что, в свою очередь, обогащает объективность исторического нарратива.

Одним из заметных казахских деятелей, внесшим значительный вклад в становление и развитие современного Казахстана, является Ибрай Алтынсарин. О его жизненном пути и деятельности написано множество исследований как в стране, так и за её пределами. Историки-исследователи предоставили беспристрастную оценку его работы в качестве новаторского педагога, просветителя и организатора массового обучения среди казахского населения. Однако его влияние затрагивало не только образование, но и этнографию, культуру, а также общественную жизнь региона [2, 3, 6]. Все эти аспекты в исторических трудах представлены в большинстве своем опосредованно, что подчеркивает необходимость переосмыслить историко-этнографическую дея-

тельность Ибрая Алтынсарина во второй половине XIX века, опираясь на выявленные источники и литературу для более полного определения его вклада в изучение региона.

Абай, знаменитый казахский просветитель и мыслитель, оставил своим потомкам небольшую, но чрезвычайно содержательную литературу. «От влияния этого наследия на развитие человеческого духа зависит не количество строк его поэзии и прозы, но вся мощь той огненной стихии, которая горит в сердце каждого слова поэта» [1]. Абай оказал значительное влияние на Ибрая Алтынсарина, его взгляды, оценки, а также восприятие отношений между казахским народом и русским.

XIX век можно считать подлинной эпохой Просвещения в культурной жизни Казахстана. Под воздействием глобальных цивилизаций возник новый интерес к восточным землям, присоединённым Россией. На территории Казахстана начали проводить свои исследования ученые-географы и востоковеды. Историки также активно занимались изучением региона. Благодаря своей деятельности значительный вклад внесли такие личности, как П.П. Семенов-Тянь-шанский, В.В. Радлов и другие. Расцвет образования и культуры был обеспечен прогрессивной российской интеллигенцией [2].

Казахстан стал объектом внимания Русского географического общества, где открывались культурные учреждения и краеведческие музеи. Общественно-политическая деятельность просветителя и демократа Чокана Валиханова в середине XIX века происходила в контексте тех исторических событий, которые происходили в жизни России и Казахстана [3]. Чокан Валиханов своими научными и просветительскими усилиями открыл дорогу передовым идеям о значении знаний и необходимости образования для народа [4]. В своих взглядах он пересекался с Ибраем Алтынсариним, который развивал подобные идеи, придавая им научную основу. Эти процессы во многом предопределялись социально-политическими изменениями, связанными с интеграцией жузов в состав Российской империи. Тесные связи Алтынсарина с коллегами из Западно-Сибирского и Оренбургского отделов Русского Географического Общества открыли перед ним возможности научной деятельности, выражающей «желание просвещать народ, обсуждать историю и политику, разъяснять колониальную политику царизма» [5]. В качестве патриота и гуманиста, Алтынсарин стремился воспитать в казахах чувство патриотизма, проявляя это через свою образовательную и просветительскую деятельность. Он был горд тем, что представителями казахского народа остаётся «всё самое лучшее, что дано нам природой и воспето в народе» [6]. Это позже отразилось в его научно-популярных сочинениях и в национальном фольклоре.

Ибрай Алтынсарин стал одним из основоположников казахской литературы и литературного языка, что также играет важную роль в его историко-этнографическом наследии. Он активно переводил русскую классику на казахский язык, черпая вдохновение у педагогов-писателей К.Д. Ушинского и Л.Н. Толстого. Его глубокие знания в области истории и состояния русской педагогики стали основой для его просветительской деятельности. Основной заслугой Алтынсарина является открытие ремесленной школы, разработка дидактических принципов образования и воспитания, создание учебных и методических пособий, а также акцент на важности обучения кочевому населению [3].

Многие из его работ носили социальный характер, в которых он критиковал «русских колониальных администраторов, казахских баев за их жадность и невежество, а также судей и чиновников за порядок произвола и насилия» [7]. Ибрай, будучи сыном зажиточного человека и внуком бая, тем не менее, осуждал коррупцию и произвол.

Не менее интересна его позиция по вопросам государственного развития и социальной сферы. Ибрай утверждал, что разрушение социального и политического строя, основанного на неравенстве, не требует насилия, хотя и подчеркивал, что никогда не одобрял насиль-

ственные перевороты [8]. Содержанием и высокопарностью своих произведений он свидетельствовал о готовности бороться со всеми формами угнетения народа. Кроме того, он выступал против суеверий и заблуждений, характерных для кочевой жизни, критикуя «служителей культа», которые использовали местные религии в целях оправдания колониального распорядка, называемого «добровольным присоединением» [9].

Влияние политического подъема и передовых идей приверженцев народничества и либерально-демократических течений 60-х годов XIX века сказалось на борьбе И. Алтынсарина за расширение прав на национальное просвещение и развитие педагогического движения. Он формировал новую концепцию, направленную на развитие казахского общества, образование как детей, так и взрослых, а также на мирное сосуществование народов.

Алтынсарин был не только педагогом, но и ученым-исследователем, занимавшимся изучением истории и традиций своего народа, обрабатывая и систематизируя полученные данные. Результатом его научной работы стали такие работы, как «Очерки обычаев при сватовстве и свадьбе у киргизов Оренбургского ведомства» и «Очерк обычаев при похоронах и поминках у киргизов Оренбургского ведомства» [10]. Эти исследовательские труды получили признание в научных кругах, а общественная организация Оренбургского отдела Русского географического общества отметила: «Живая и непосредственная манера изложения, правдивость, с которой описаны брачные обычаи киргизских кочевников, делают его материал особенно увлекательным». Очерки были опубликованы в периодических изданиях Русского географического общества.

Творчество Ибрая Алтынсарина действительно занимает значительное место в истории казахской и, шире, тюркской общественной мысли. Его работы обладали не только этнографическим, но и социально-политическим подтекстом, что выделяло их на фоне современников. Алтынсарин, как просветитель, рассматривает важные вопросы женской emancipation и социальной справедливости, что в контексте того времени действительно является революционным [11].

Система сватовства и сословные различия, описанные им, дают представление о сложной социальной структуре казахского общества, а его критические замечания касательно положения женщин и угнетения со стороны баев потенциально формировали общественное мнение и способствовали обсуждению этих вопросов. Алтынсарин не только документирует традиции и обычаи, но и анализирует их с точки зрения справедливости и культурного прогресса.

Взаимодействие Алтынсарина с «Оренбургским лист-

ком» и другими изданиями того времени помогло ему донести свои идеи широкой аудитории. Эти публикации не только обогащали местную хронику, но и служили платформой для обсуждения актуальных социальных, экономических и образовательных проблем. Его труды, такие как «Киргизская хрестоматика», сыграли ключевую роль в формировании образовательной системы и методологии обучения казахского населения, что обеспечивает его наследию вечную актуальность.

Таким образом, Ибрай Алтынсарин не только отражает дух своего времени, но и становится предшественником дальнейших изменений в обществе Казахстана, поддерживая идеи просвещения и социальной ответственности. Его работы по-прежнему служат ценным источником для исследований и понимания казахской культуры и истории, тем самым придавая значимость его вкладу в систему образования и общественную мысль.

Ибрай Алтынсарин был одним из самых значимых просветителей Казахстана и активно способствовал развитию образования и культуры среди казахского народа. Его «Киргизская хрестоматия» стала важным инструментом для формирования образованного общества, способного к самосознанию и прогрессу.

В четырех разделах «Киргизской хрестоматии» он внедрил разнообразные темы, начиная с детской литературы и заканчивая сборниками пословиц, что позволяло охватить разные аспекты жизни и культуры народа. Такой подход подчеркивал важность образования не только как средства накопления знаний, но и как инструмента воспитания нравственности и социальных ценностей.

Алтынсарин также был свидетелем тяжелых событий своего времени, таких как голод 1880 года. Его письма, запечатлевшие страдания и бедствия казахского народа, показывали глубину его сопереживания и активное участие в жизни своей страны. Он не оставлял без внимания необходимость социальной солидарности, пропагандируя идеи братства между народами, что особого значения набирало в контексте казахско-русских отношений.

Кроме того, Алтынсарин старался использовать опыт и достижения русской цивилизации для блага казахского народа, стремясь наладить взаимопонимание и со-

трудничество между различными этносами, что способствовало унификации культурных и образовательных стандартов в регионе. Его высказывания о значении русского поселения и города в казахских степях выразили надежду на нестандартный путь развития, основанный на передовых формах образования и цивилизации. Таким образом, Ибрай Алтынсарин не только занимался вопросами просвещения, но и олицетворял идею интеграции и единения различных культур, выдвигая на первый план гуманистические ценности и необходимость развития общества в целом.

Ибрай Алтынсарин действительно сыграл значительную роль в развитии казахского образования и культуры в XIX веке. Его активная публицистическая деятельность, направленная на защиту интересов казахского народа, толкала его к созданию множества документов и статей, которые отражали реальное положение дел в обществе. Докладная записка о состоянии народного образования в Тургайском уезде демонстрирует его глубокую заботу о развитии образования среди казахов и желание показать их достижения и культурные особенности [12].

Алтынсарин не только акцентировал внимание на социальных и экономических трудностях своего народа, но и старался предложить пути для их преодоления. Его критический взгляд на ситуацию, в которой оказались казахи, остается актуальным и в наше время. Он подчеркивал значимость административной и материальной помощи со стороны властей, а также солидарности внутри самого казахского сообщества [9]. Благодаря своим усилиям в распространении образования и культурного наследия, Алтынсарин способствовал созданию образовательных учреждений и разработке учебных материалов на родном языке. Он понимал, что его знание способствовало интеграции казахов в более широкие социальные и культурные контексты, а также сформирует у них национальное самосознание.

Таким образом, Ибрай Алтынсарин оставил после себя важное историко-культурное наследие, которое сыграло ключевую роль в укреплении казахской идентичности и поддержке культурного и образовательного прогресса. Его работы остаются ценным источником для изучения истории, этнографии и культуры казахского народа, и его вклад в сохранение языка и традиций будет вспоминаться еще долго.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алдибеков Ж.С. Алтынсарин Ы. – политико-правовые взгляды. Алматы, 2006. – 185 с.
2. Алтынсарин И. Собр. соч. в 3-х томах: Т. 1. Алма-Ата, 1975. – С. 185.
3. Алтынсарин И. Собр. соч. в 3-х томах: Т. 2. – Алма-Ата, 1975. – С. 215.
4. Антология педагогической мысли Казахстана. Сост. Калиев С., Аюбай К. Алматы, 2012 – С. 47-52.

5. Бекмаханов Е. Казахстан в 20-40 годы XIX в. Алматы. 1995 г. – С. 75-84.
6. Джумагулов К.Т. Ибрай Алтынсарин и развитие культуры казахского народа. Алматы, 1994. – С. 83-89.
7. Ильминский Н. Самоучитель русской грамоты для киргизов. Казань 1861. – 187 с.
8. Ирмуханов Б.Б. Исторические воззрения мыслителей XIX века. Алматы. 1999. – С. 88-101.
9. Казахи. Историко-этнографические исследования. Алматы. 1995. – С. 163.
10. Ламашев А. Ыбрай Алтынсарин. Алма-Ата. 1991. С. 65-67.
11. Фетисов М.И. Русско-казахские литературные отношения в первой половине XIX века. Алматы. 1959. – С. 66-68.
12. Янушкевич А. Дневники и письма из путешествия по киргизским степям. Алматы. 1966. – С. 115-121.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru), Кисатова Салтанат Тасболатовна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

«СЕРГЕЙ СКАЗКИН – ПЕДАГОГ И ХУДОЖНИК» (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА РАН)

Филиппова Ольга Николаевна

Искусствовед, Ведущий специалист отдела
комплектования личных фондов РГАНТД (г. Москва)
iscusstvo0891@mail.ru

"SERGEI SKAZKIN – TEACHER AND ARTIST" (BASED ON THE MATERIALS OF THE ARCHIVE OF THE RAS)

O. Filippova

Summary: The article is devoted to the work of S.D. Skazkin, the analysis of his paintings and graphic works. The purpose of this study is to reveal the talent of S.D. Skazkin - an artist for whom dedication was important in creativity. The result of this work will be an original analysis of essays on the research, pedagogical and social activities of S.D. Skazkin, literature about the life and works of the scientist, written under the supervision of E.V. Gutnova, N.M. Druzhinin, A.L. Narochnitsky, M.Yu. Kiseleva and others. In conclusion, it is shown that the creative heritage of S.D. Skazkin exceeds 400 works, including the books "The Old Order in France", "Essays on the History of the Western European Peasantry in the Middle Ages", "Reader on the History of the Middle Ages (co-authored)", "History of France" (two chapters of the first volume), "History of Diplomacy" (collective work, awarded the Stalin Prize). A major scientist, Sergei Danilovich was also a talented artist, collector of paintings, a good violinist, an expert in literature, poetry, philosophy.

Keywords: S.D. Skazkin, teacher, artist, outstanding Soviet historian, talented researcher, popularizer of historical knowledge, tireless public figure, drawing, watercolor, pencil, landscapes.

Аннотация: Статья посвящена творчеству С.Д. Сказкина, анализу его живописных и графических работ. Цель данного исследования заключается в том, чтобы раскрыть талант С.Д. Сказкина – художника, для которого важна была в творчестве самоотдача. Результатом данной работы послужит оригинальный анализ очерков научно-исследовательской, педагогической и общественной деятельности С.Д. Сказкина, литературы о жизни и трудах ученого, написанных под руководством Е.В. Гутновой, Н.М. Дружинина, А.Л. Нарочницкого, М.Ю. Киселева и др. В заключении показано, что творческое наследие С.Д. Сказкина превышает 400 трудов, среди которых книги «Старый порядок во Франции», «Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века», «Хрестоматия по истории средних веков (в соавторстве)», «История Франции» (две главы первого тома), «История дипломатии» (коллективный труд, удостоенный Сталинской премии). Крупный ученый, Сергей Данилович был также талантливым художником, собирателем картин, хорошим скрипачем, знатоком литературы, поэзии, философии.

Ключевые слова: С.Д. Сказкин, педагог, художник, выдающийся советский историк, талантливый исследователь, популяризатор исторических знаний, неутомимый общественный деятель, рисунок, акварель, карандаш, пейзажи.

Родился Сергей Данилович Сказкин 7 (19) октября 1890 г. в Новочеркасске в семье казачьего офицера. Дома обучался игре на скрипке и рисованию. По окончании Донского кадетского корпуса в 1909 году поступил на историко-филологический факультет Московского университета, который окончил в 1915 году. «Еще во время учебы в Донском кадетском корпусе С.Д. Сказкин выполнил на высоком профессиональном уровне рисунки черно-белым карандашом» [3, с. 64]. За дипломную работу «Французская деревня в Шампани накануне революции» он получил Большую университетскую премию. «В 1916-1922 годах во время подготовки в Московском университете к званию магистра С.Д. Сказкин начал преподавательскую деятельность в трудовой школе №26, а в 1920-е - начале 1930-х годов продолжал там много работать, любил ее. В 1918 году вышла его первая печатная работа - «Сорок восьмой год во Франции (февраль-июнь)», которая касалась революции 1848 г. во Франции. 20 апреля 1919 года С.Д. Сказкин выполнил рисунок карандашом «У рояля». Мы видим молодую женщину, которая играет на рояле и вся целиком

погружена в любимую музыку. В 1920 году С.Д. Сказкин защитил диссертацию, после чего началась его многолетняя педагогическая деятельность в Московском государственном университете (с 1949 года до конца своей жизни)» [3, с. 62].

В коллективе Московского государственного университета Сергей Данилович разрабатывает курс истории средних веков, новые методы преподавания, ведет подготовку молодых кадров историков-марксистов, в которых тогда ощущалась большая потребность. Он продолжал также свои изыскания в области аграрной и социальной истории Франции накануне революции 1789 года. Ей же были посвящены сборник документов «Старый порядок во Франции» (1925) и исследовательская работа «Отражение феодальной реакции в наказах некоторых бальяжей Шампани и Северо-Восточной Франции» (1926). После С.Д. Сказкин обратился к новой для него и совершенно еще не рассмотренной в русской исторической литературе теме отношений России с Австрией и Германией в 1880-е годы. Проработав почти год над материалами архива министерства иностранных дел

России, он опубликовал фундаментальную монографию «Конец австро-русско-германского союза» (1928). В этой книге, которая до настоящего времени сохраняет свое научное значение, впервые было дано точное освещение внешней политики России в 1880-е годы и убедительно показана ее прямая зависимость от внутривнутриполитических проблем. Работа была политически заострена против апологетической трактовки политики Бисмарка, которая широко пропагандировалась в буржуазной историографии и использовалась ею в целях подкрепления наиболее реакционных политических доктрин. Этот труд сделал имя С.Д. Сказкина широко известным в кругах советских и зарубежных историков. С середины 1930-х годов С.Д. Сказкин, уже известный ученый, находится всегда в центре всех важнейших событий, происходящих в советской исторической науке, и прежде всего в медиевистике. Он ведет большую научную работу, которую нельзя обойти молчанием. Он являлся членом Общества СССР - Италия, активно участвовал во многих мероприятиях по атеистической пропаганде. С 1959 года С.Д. Сказкин - ответственный редактор главного органа советских медиевистов - периодического сборника «Средние века». Многие годы он состоял членом редколлегии журналов «Вопросы истории», «Наука и религия». Будучи также с 1946 по 1959 год ответственным редактором журнала «Преподавание истории в школе», он щедро делился на его страницах своими широкими историческими познаниями и преподавательским опытом. Для школьников при его авторском участии и под его редакцией вышло несколько изданий «Книги для чтения по истории средних веков» (М., 1940, 1948, 1951, 1953), в которой в живой, образной форме, доступной для детей, излагались многие важные и интересные проблемы средневековой истории.

«В течение многих лет С.Д. Сказкин возглавлял историческую редакцию «Детской энциклопедии». Исторические разделы этого издания пробудили интерес к истории в сердцах и умах многих тысяч юных читателей. К детям старшего возраста и юношам, выбирающим свой путь в жизни, была обращена живая и увлекательная, насыщенная любовью к истории, верой в ее научные возможности брошюра ученого «История - увлекательная наука» (М., 1961)» [5]. «Талант С.Д. Сказкина проявлялся и в удивительном умении излагать в ясной и доступной даже для неспециалистов форме самые сложные, в том числе и теоретические, вопросы истории, нисколько их не упрощая. В этом состоит один из секретов того интереса к его работам, который и по сей день обнаруживают специалисты-историки и любители истории самых разных возрастов и профилей» [5]. Вообще С.Д. Сказкин обладал необычайно привлекательными человеческими качествами. Он был мягок и очень демократичен в своих отношениях со всеми - от рядового студента до академика. Отличался исключительной благожелательностью к людям, щедростью души.

Охотно делился с учениками и товарищами своими огромными познаниями, интересными научными идеями. Прекрасный ученый-исследователь, он умел не замыкаться в тиши своего кабинета. В постоянном общении с людьми ярко проявлялись его интеллект, тонкий эстетический вкус. Прекрасный художник, ценитель музыки (сам хорошо играл на скрипке), поэзии и вообще литературы, С.Д. Сказкин был интереснейшим собеседником. Однако при всей личной скромности и доброжелательности к людям Сергей Данилович показывал пример высокой принципиальности и честности в науке, умел решительно отстаивать свои исторические взгляды и концепции, иногда в достаточно острой борьбе. «В 1935 году ему была присуждена степень доктора исторических наук за книгу «Конец австро-русско-германского союза», он был избран профессором МГУ» [3, с. 62].

Одновременно с успешной преподавательской деятельностью С.Д. Сказкин в 1919-1927 годах работал старшим научным сотрудником Института истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук, в 1937-1973 годах - старшим научным сотрудником, заместителем директора, заведующим сектором истории средних веков Института истории Академии наук СССР. Он постоянно представлял советскую историческую науку за рубежом. Был членом советской делегации на X Международном конгрессе историков в Риме (1955), участвовал в конференции русских и французских историков в Париже (1958), в 1961 году по приглашению прогрессивных итальянских организаций ездил в Палермо на празднование столетнего юбилея объединения Италии и похода Гарибальди.

Имя С.Д. Сказкина и его труды широко известны в зарубежных странах, особенно в Польше, Чехословакии, Венгрии, а также во Франции и Италии. Признанием научных заслуг ученого стало избрание его в 1943 году членом-корреспондентом, а в 1958 году - действительным членом Академии наук СССР. «В 1947 году он был избран действительным членом Академии педагогических наук РСФСР» [3, с. 62].

В 1940-е годы он выполнил карандашом и акварелью рисунок и пейзаж. На них мы видим изображение природы, довольно беспокойное и напряженное по своему состоянию. На первом рисунке, на дальнем плане, видна череда, сливающихся темных деревьев, на ближнем плане весь фокус сосредоточен на двух одиноко возвышающихся более светлых по тону дерева. На втором акварельном пейзаже все соединилось воедино - земля, деревья, небо - в едином стремительном порыве. С 1968 года по декабрь 1972 года он читал новый очень сложный, по его собственному признанию, спецкурс по истории средневекового мировоззрения, вызывавший большой интерес студентов. В этом курсе, как и во всех лекциях Сказкина, замечательно сочеталось прекрасное

знание событий, источников, лиц, с глубоким философским осмыслением многих сложных явлений, например, роли античного и варварского наследия в формировании средневекового мировоззрения или места схоластической философии в решении проблемы соотношения разума и веры. Об этом курсе С.Д. Сказкин писал: «Дался он мне тяжело. Много пришлось читать и еще больше думать» [4, с. 81]. Он мечтал на основе его написать, как обычно монографию, но не успел. Скончался С.Д. Сказкин 14 апреля 1973 года в Москве. Был похоронен на Новодевичьем кладбище. Хорошо и близко знала С.Д. Сказкина его ученица – Е.В. Гутнова. Ее научная жизнь с 1936 года до его смерти в 1973 году, с небольшими перерывами, протекала рядом с ним. Сначала она была его студенткой, затем преподавателем кафедры истории средних веков истфака МГУ, на которой он работал, а потом и возглавлял. Длительное время она являлась его постоянным заместителем по кафедре. После смерти С.Д. Сказкина ей пришлось разбирать и готовить к публикации его архив. По собственным многолетним наблюдениям и воспоминаниям других его учеников

она попыталась воссоздать образ С.Д. Сказкина, как лектора. Фонд Сказкина С.Д. поступил на хранение в Архив АН СССР от вдовы Сказкина С.Д. - Сказкиной Веры Владимировны 4 июня 1981 года.

Таким образом, творческое наследие С.Д. Сказкина превышает 400 трудов, среди которых книги «Старый порядок во Франции», «Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века», «Хрестоматия по истории средних веков» (в соавторстве), «История Франции» (две главы первого тома), «История дипломатии» (коллективный труд, удостоенный Сталинской премии). Сергей Данилович был также талантливым художником, собирателем картин, хорошим скрипачом, знатоком литературы, поэзии, философии. С.Д. Сказкин мог с одинаковым интересом беседовать со студентом II курса, ученым коллегой и с крестьянином или рабочим. Во время частых поездок в электричке на дачу в Кратово спутники нередко принимали его за старенького мужичка, вели с ним разговоры, как со «своим», которые он всегда охотно поддерживал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гутнова Е.В. Памяти академика С.Д. Сказкина // Вопросы истории. 1980. №10. С. 121-128.
2. Дружинин Н.М., Гутнова Е.В., Нарочницкий А.Л. Академик Сергей Данилович Сказкин // Новая и новейшая история. 1970. №5. С. 228-235.
3. Киселев М.Ю. Мастера русской историографии: Сергей Данилович Сказкин (1890-1973) // Исторический архив. 2010. №6. С. 62-78.
4. Мастера красноречия: [сборник / сост. Н.И. Митрофанов, Ю.Л. Кириллов]. Москва: Знание, 1991. 144 с.
5. Памяти Академика С.Д. Сказкина. Текст: электронный // Порталус: всероссийская научная библиотека: сайт. URL: <https://portalus.ru/> (Дата обращения: 14.04.2024).
6. Прохоров А.П. Они были главными // Преподавание истории в школе. 2006. № 3. С. 2-5.
7. Сергей Данилович Сказкин / сост. Р.И. Горяева. Москва: Наука, 1967. 85 с.
8. Сказкин Сергей Данилович (1890-1973), историк и педагог, академик // Архив РАН. Ф. 1742. Оп. 1. Научные труды, биографические документы, документы о деятельности, переписка, изобразительные документы, труды других лиц за 1900-е-1981 гг. 10 с.
9. Филиппова О.Н. Сергей Данилович Сказкин – историк, педагог, художник (по материалам архива Российской Академии наук) // Обсерватория культуры. 2013. №4. С. 91-95.
10. Филиппова О.Н. С.Д. Сказкин – ученый и художник // Актуальные вопросы современной науки и образования. Сборник статей V Международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2021. С. 135-142.
11. Филиппова О.Н. С.Д. Сказкин - историк широкого диапазона // Флагман науки. №6 (6). Июль. 2023. С. 134-139.
12. Филиппова О.Н. С.Д. Сказкин - замечательный ученый и педагог // Флагман науки. №6 (6). Июль. 2023. С. 53-58.
13. Филиппова О.Н. Творческий путь академика С.Д. Сказкина // Флагман науки. №6 (6). Июль. 2023. С. 59-64.

© Филиппова Ольга Николаевна (iscusstvo0891@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСКУССТВО ЦЗЯНЬЧЖИ Г. ГАОМИ ИЗ ПРОВИНЦИИ ШАНЬДУН В ТВОРЧЕСТВЕ ХУДОЖНИКА ФАНЬ ЦЗОСИНЬ

Цзинь Фэн

Доцент, Хэйхэский университет;

Аспирант, Дальневосточный федеральный университет
tczin.fen1@dvfu.ru

Федоровская Наталья Александровна

доктор искусствоведения, профессор, Дальневосточный
федеральный университет
fedorovskaya.na@dvfu.ru

THE ART OF THE JIANZHI OF THE CITY OF GAOMI FROM SHANDONG PROVINCE IN THE WORK OF THE ARTIST FAN ZUOXIN

**Jin Feng
N. Fedorovskaya**

Summary: Paper cutting or jianzhi is one of the most famous traditional Chinese decorative techniques that has been common among the Chinese for a long time, Jianzhi of Shandong Province has two varieties: northern style (Binzhou city) and oriental style (Gaomi city). The purpose of this work was to study the art of jianzhi in the work of the Chinese artist Fan Zuoxin, it is established that the master is the heir to the regional tradition of paper cutting, characteristic of the eastern part of Shandong Province, the center of which is the city of Gaomi.

The main methods used in this study are historical-cultural, historical-comparative, formal-stylistic and semiotic, which allow us to show the features of the artist's creative method and its connection with traditional Shandong paper cutting.

The novelty of the research is the analysis of Fan Zuoxin's jianzhi "Eight Immortals" and "Ox-Drawn Cart", which shows that the master uses both traditional jianzhi techniques inherent in the Gaomi style, it is shown how the images of traditional Chinese culture are embodied with the help of traditional technique by a modern master of jianzhi. The uniqueness of Fan Zuoxin's style is demonstrated in a comparative analysis with the masters Lan Fumei (Binzhou, Shandong Province), Zheng Zonglin (Shaanxi Province), He Peihong (Zhejiang Province), Zong Huayang (Anhui Province), a feature of Fan Zuoxin's works is the use of high-density paper, a combination of thin delicate and coarse dense cutting, which corresponds to the traditions of Gaomi.

Keywords: Jianzhi, Traditional Paper Cutting, Shandong Paper Cutting, Oriental Style Jianzhi of Gaomi City, Fan Zuoxin, Lan Fumei, Jianzhi Modern Tradition.

Аннотация: Вырезание из бумаги или цзяньчжи является одной из самых известных традиционных китайских декоративных техник, которая была распространена среди китайцев в течение долгого времени, цзяньчжи провинции Шаньдун имеет две разновидности северный стиль (г. Биньчжоу) и восточный стиль (г. Гаоми). Целью данной работы стало изучение искусства цзяньчжи в творчестве китайского художника Фань Цзосиня, установлено, что мастер является наследником региональной традиции резки из бумаги, свойственной восточной части провинции Шаньдун, центром которой является г. Гаоми.

Основными методами, использованными в данном исследовании, являются историко-культурный, историко-сравнительный, формально-стилевой и семиотический, позволяющие показать особенности творческого метода художника и его связь с традиционной шаньдунской резкой из бумаги.

Новизной исследования является проведенный анализ цзяньчжи Фань Цзосиня «Восемь бессмертных» и «Повозка, запряженная быком» который показывает, что мастер использует как традиционные приемы цзяньчжи, так и свойственные стилю Гаоми, показано, как воплощаются с помощью традиционной техники образы традиционной китайской культуры современным мастером цзяньчжи. Уникальность стиля Фань Цзосиня продемонстрирована в сравнительном анализе с мастерами Лань Фумэй (г. Биньчжоу, провинция Шаньдун), Чжэн Цзунлинь (провинция Шэньси), Хэ Пэйхун (провинция Чжэцзян), Цзун Хуаян (провинция Аньхой), особенностью работ Фань Цзосиня является использование бумаги высокой плотности, сочетание тонкой деликатной и грубой плотной резки, что соответствует традициям г. Гаоми.

Ключевые слова: цзяньчжи, традиционная вырезания из бумаги, шаньдунская вырезания из бумаги, восточный стиль цзяньчжи г. Гаоми, Фань Цзосинь, Лань Фумэй, современная традиция цзяньчжи.

Введение

На протяжении сотен лет китайская декоративная техника вырезания из бумаги цзяньчжи (кит. 剪纸, jianzhi) развивалась внутри традиционной культуры Китая, исследователи прослеживают ее с династии Хань (202 г. до н.э. – 220 г. н.э.). В Древнем Китае с появлением бумажной промышленности культура вырезания бумаги перестала быть уделом избранных и стала распространяться среди простого населения. В Западной династии Цзинь (266-317) вырезание из бумаги стало широко распространяться в народе, а в династиях Тан

(618-907) и Сун (960-1279), помимо применения вырезания из бумаги в народе, оно также было введено при дворе в качестве украшения для императорских жертвоприношений. Во времена династии Юань (1271-1368) искусство цзяньчжи постепенно начало распространяться в европейских странах. Во времена династий Мин и Цин искусство вырезания из бумаги достигло зрелости и достигло своего пика [1].

В связи с глобализацией и интеграционными процессами, стремительно меняющимися Китай, возникает проблема сохранения традиционных техник и их адаптации

в современных условиях. Представляет значительный интерес выявление локальной специфики цзяньчжи, культивируемой разными провинциями, а также изучение творчества современных мастеров, которые, с одной стороны, сохраняют традицию, а, с другой стороны, когда осознанно, а когда неосознанно привносят новые образные, стилевые, технологические приемы.

Одним из таких уникальных регионов Китая, имеющих ярко выраженное своеобразие в искусстве цзяньчжи является провинция Шаньдун, которая имеет длительную историю развития этой декоративной техники. Шаньдунская вырезка из бумаги транслирует народные обычаи Шаньдун и несет в себе уникальные региональные особенности, впитавшие в себя локальные традиции, обычаи, символику свойственную этому региону. Об этом, в частности, пишут Ван И и Сюэ Вэй, проводя анализ художественного наследия и традиции цзяньчжи в провинции Шаньдун [2].

В провинции Шаньдун произведения в технике цзяньчжи делятся по месту расположения, принадлежности к событиям и ритуальным действиям на оконные цветы, цветы фонарей свадебные цветы и т.д. Цзяньчжи используются на праздниках и в жертвоприношениях. Большинство из них являются частью традиционной культуры, используются для того, чтобы отгонять злых духов и молиться о благословениях, некоторые становятся частью благих пожеланий и имеют декоративный эффект.

Исследователи выделяют две основные разновидности цзяньчжи Шаньдун – это северная традиция, сконцентрированная вокруг г. Биньчжоу и восточная традиция, связанная с г. Гаоми. Цель данного исследования – показать специфику современной цзяньчжи из г. Гаоми на примере работ известного мастера Фань Цзосиня.

Стиль Гаоми в работах мастера Фань Цзосинь

Восточная традиция сформировалась в восточной прибрежной зоне Китая, центром стал г. Гаоми. Искусство цзяньчжи также имеет здесь длительную историю существования, оно появилось в Гаоми во времена династии Западная Хань (202 г. до н.э. - 220 г. н.э.). Со времен династии Хань, особенно в первые годы правления династии Мин, из-за частых войн большое количество иммигрантов из Шаньси, Хэнани, Хэбэя, Цзяннаня и других мест собирались в Гаоми, оказывая влияние на народное искусство вырезания из бумаги [3]. Считается, что искусство цзяньчжи достигло своего расцвета во времена династии Цин. Лю Жуй отмечает, что вырезание из бумаги в Гаоми фиксируется с времен династий Мин и Цин [4, с. 54]. Эта техника была интегрирована в обыденную жизнь жителей Гаоми, сами произведения можно

увидеть повсюду. Эти работы просты, красивы, искусно выполнены и обогащают жизнь населения.

К стилю цзяньчжи Гаоми относят деликатное вырезание, преувеличенные формы, сильные обводы, наличие декоративных эффектов. Художники заставляют точки, линии и поверхности дополнять друг друга, включают контраст разреженного и плотного, виртуального и материального [5]. Сохранение традиции вырезания из бумаги в Гаоми – это результат работы знаменитых мастеров техники цзяньчжи Фань Цзосиня, Ли Цзиньбо и Ци Сюэуа. В данной статье рассматривается творчество Фань Цзосиня.

Фань Цзосинь, мужчина, родился в феврале 1944 г., уроженец г. Гаоми, провинции Шаньдун, он научился вырезать из бумаги вместе со своей матерью в возрасте 7 лет и занимается искусством более 50 лет. Обратим внимание на то, что начало творческого пути мастера не является уникальным, практически все мастера цзяньчжи начинали знакомство с этим искусством в раннем детском возрасте и перенимали традицию из рук матери. Это очень символично для Китая и подтверждает внутреннюю жизнь традиционной культуры, которая бытует внутри народной среды.

Фань Цзосинь является самым представительным наследником цзяньчжи из списка национального нематериального культурного наследия [6]. Вырезка бумаги Фань Цзосиня характеризуется сочетанием деликатности южной резки бумаги с грубостью северной резки бумаги. Художник использует разнообразные темы, включая образы животных, растения и людей. В его цзяньчжи, благодаря использованию линий разной длины и толщины, а также взаимодействию с поверхностью блока, происходит сочетание мягкости и жесткости, силы и слабости, чтобы раскрыть ощущение реализма в картине. Например, в работе 1985 г. «Восемь бессмертных» (кит. «八仙», baxian) (Рисунок 1).

Здесь представлены восемь бессмертных святых мужей из китайской даосской культуры (Чжан Гулао, Хань Сянцзы, Те Гуань Ли, Лань Цайхэ, Хэ Сяньгу, Лу Дунбинь, дядя Цао Го и Хань Чжунли), легенда о Восьми Бессмертных возникла еще во времена династии Юань. В китайской истории предостаточно литературных и художественных произведений о фольклоре, в народе существует множество различных поговорок о них, которые передаются из поколения в поколение и часто воплощаются в народном творчестве.

Каждый из героев обладает уникальной характеристикой, которую Фань Цзосинь воплотил в работе. Так, Лу Дунбинь считается самым элегантным из восьми бессмертных, он устраняет насилие, убивает демонов и чудищ. Лу Дунбинь в цзяньчжи держит меч, носит даос-

Рис. 1. Фань Цзосинь «Восемь бессмертных» (кит. «八仙», baxian)[8],
Первый ряд картины слева направо: Лу Дунбинь, Чжун Лицюань, Цао Гошу и Те Гуай Ли,
а второй ряд слева: Чжан Гуолао, Лань Цайхэ, Хань Сянцзы и Хэ Сяньгу.

скую форму, этот меч может изгонять демонов, поэтому является его волшебным оружием (1). Чжун Лицюань, уступающий по славе среди Восьми Бессмертных только Те Гуань Ли, является одним из пяти северных предков даосизма, он держит в руке банановый веер, веер является его волшебным оружием (2). Дядя Цао Го, занимающий третье место в рейтинге Восьми Бессмертных, вошел последним в состав этой группы, у него мягкий и добрый характер, он любит сочинять стихи, не любит славы и богатства, наказывает зло и пропагандирует добро. На нем официальная форма и черная тканевая шапка (3). Ли Тегуй является главой Восьми Бессмертных, его

уникальность заключается в том, что в он использует железные костыли. Ли Тегуй часто носит на спине тыкву, в которой содержится бессмертное лекарство, которое специально используется для лечения болезней и спасения людей, поэтому тыква является его волшебным оружием (4).

Чжан Голао – самый старый бессмертный, любит пропагандировать даосизм, он обладает способностью возвращать мертвых к жизни, может превратить бумажного осла в живого, он перемещается на осле, проезжая тысячи миль в день (5). Лань Цайхэ жил без определенного

Рис. 2. Чжэн Цзунлинь. «Восемь бессмертных» (кит. «八仙») фрагмент Труды собрания в библиотеке Университета Цинхуа

Рис. 3. Хэ Пэйхун. «Пьяные восемь бессмертных» (кит. «醉八仙») фрагмент[9]

Рис. 4. Цзун Хуаян. «Восемь бессмертных» (кит. «八仙») фрагмент [10]

Рис. 5. Фань Цзосинь «Повозка, запряженная быком», цзяньчжи, 1987 г., собрание Национального художественного музея Китая

Рис. 6. Узор солнцеворота

Рис. 7. Зигзагообразный узор

Рис. 8. Цветочный узор

места, считал весь мир своим домом, любил пить и петь, часто попрошайничал во время пения. Он был добрым человеком, когда у него появлялись деньги, он раздавал их бедным. Его волшебным оружием является цветочная корзина, благодаря которой можно управлять погодой (6). Хань Сянцзы – красивый молодой человек с флейтой в руке, держащий в руке нефритовую флейту. Хань Сянцзы часто носит с собой флейту, поэтому флейта стала его волшебным оружием (7). Хэ Сяньгу, ранее известная как Хэ Сюгу, единственная женщина среди восьми бессмерт-

ных, она была мудрой и ловкой с детства, ее волшебное оружие — лотос, поэтому она часто держит цветы лотоса (8) [7].

Бумажная вырезка из бумаги Фань Цзосиня «Восемь бессмертных» объединяет художественные стили разных регионов, картина естественна и умиротворена, а содержание завершено и единообразно [8, с. 14]. Отметим высокие и тонкие линии, сетчатый узор, одежда выполнена плотно, тяжело, а легкие и изящные облака

Рис. 9. Лань Фумэй. «Святой воин Сунь У», 2007, Биньчжоу, провинция Шаньдун, собрание библиотеки Биньчжоу

образуют контраст, подчёркивая главное и второстепенное. Работа в полной мере выражает характеристики вырезания из бумаги высокой плотности с изысканной, сложной композицией, простой формой и тонкими линиями.

«Восемь бессмертных» – это шедевр Фань Цзосиня, который демонстрирует уникальный стиль художника, плавные линии, сложную композицию и сильные трехмерные визуальные эффекты. В цзяньчжи особое внимание уделяется деталям, будь то мимика Восьми Бессмертных, фактура одежды или фоновые узоры, все они яркие и художественно привлекательны для зрителя.

Работы Фань Цзосиня «Восемь бессмертных» сочетают в себе грубоватость севера и деликатность юга, в работе грубоватость выражена в одежде и лицах персонажей, резка плотная, используются большие непрорезанные блоки, и деликатно выражен на облаках, в полной мере выражая уникальный стиль вырезания из бумаги Фань Цзосиня.

Отметим, что тема цзяньчжи «Восемь бессмертных» популярна в Китае, каждый мастер трактует ее в соответствии с авторским стилем и региональными традициями. Например, Чжэн Цзунлинь, художник по вырезанию из бумаги, родился в уезде Цишань провинции Шэньси, и его работы сочетают в себе традиционную форму вырезания из бумаги в Шэньси, работе отражены древние модели и философские идеи китайской нации (Рисунок 2).

Хэ Пэйхун родом из г. Нинбо, провинция Чжэцзян, ее вырезанные из бумаги работы имеют региональные особенности провинции Чжэцзян, с четкими слоями и плавными линиями, и известны своей деликатностью и яркостью. Цзун Хуаян родился в уезде Сусун провинции Аньхой, его навыки резки бумаги изысканны, персонажи реалистичны, изображение тонкое, а работы интегрированы в характеристики вырезания из бумаги в провинции Аньхой (Рисунки 3-4). Стоит отметить, что каждый мастер цзяньчжи в Китае имеет различия в эстетике, навыках, творческих концепциях и стилях вырезания из бумаги. Поэтому очень важно изучать каждый стиль.

В 1987 г. была создана еще одна работа Фань Цзосина, «Повозка, запряженная быком» (кит. «赶牛车», ganniuche).

Деликатное и тонкое изображение повозки и погонщика контрастирует с плотной, грубой техникой вырезания при изображении животного, показывая силу быка. Здесь автор использует красные блоки и тонкие линии для контраста зигзагообразных и гладких поверхностей. Шероховатость быка контрастирует со стройностью фигуры человека и повозки, делая образ более определенным (Рисунок 5)

В этой работе применены геометрические символы, обычно используемые в декупаже (Рисунки 6-8). Прежде всего узор на карете, который в Китае называют узором солнцеворота (свастики) (万字纹, wan zi wen), который символизирует пламя или солнце, что означает мир и удачу. В искусстве резки бумаги высокой плотности этот

символ очень распространен. Во-вторых, зигзагообразный узор на теле коровы и голове фигуры, он показывает разные визуальные эффекты и значения через изменения длины, толщины, плотности, прямолинейности, жесткости и мягкости. При резке бумаги высокой плотности широко используются зигзагообразные узоры, что делает вырезание из бумаги более многослойным и детализированным [11]. Цветы сливы на фигурах, коровах и телегах символизируют упорство, упорство, благородные и сильные качества в вырезании из бумаги и больше используются в вырезании из бумаги.

Сравним изображение быка из работы Фань Цзосиня и лошади из цзяньчжи «Святой воин Сунь У» (кит. «兵圣孙武», bingshengsunwu.) (2007) мастера из г. Биньчжоу Лань Фумэя (северный стиль цзяньчжи провинции Шаньдун) (Рисунок 9). Наряду с общими структурными элементами – зигзагообразном изображении шерсти, цветка на крупе животного, очевидны различия. Северный стиль вырезания Лань Фумэя более грубый, меньше прорезанных элементов, больше цельных блоков, восточный стиль Фань Цзосиня более тонкий по резке, бумага прорезана более детализировано. Тем самым очевидно, что на территории одной провинции существуют разные стили цзяньчжи.

Выводы

Таким образом, провинция Шаньдун является важным культурным центром, где сохраняется и развивается цзяньчжи. Этому способствуют созданные художествен-

ные музеи и центры, где демонстрируется это искусство. Так, в Шаньдуне есть Китайский художественный музей цзяньчжи, Художественный музей Яньтай, Художественный музей цзяньчжи Фань Цзосинь, Выставочный зал народной культуры Шаньдуна и т.д., в которых выставлено вырезанные из бумаги, новогодние картины, изделия ручной работы и т.д. Ценность народного нематериального культурного наследия заключается в том, что его создание является художественным выражением и духовной подпиткой жизни людей в определенный период и регионе, и народная резьба по бумаге Шаньдуна не является исключением.

Вырезание из бумаги Фань Цзосиня известно своим уникальным художественным стилем и глубоким погружением в традицию. Его работы композиционно продуманы и опираются на широкий спектр технологических приемов, который позволяет убедительно изобразить любые объекты. Его техника сочетает в себе изысканность, утонченность и мягкость южной резки из бумаги с грубоватостью и простотой северной резки из бумаги, формируя его собственный уникальный художественный стиль, который характеризуется сильным контрастом между простотой и сложностью и чувством ритма.

Произведения Фань Цзосиня через простые образы передают глубокие смыслы способствуют сохранению и развитию традиционной культуры. Его искусство вырезания из бумаги известно не только в Китае, но и широко признано на международном уровне, став важным мостом между китайской и зарубежной культурами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бао Цзяху. Шаньдунское народное искусство вырезания из бумаги // К миру. 1995.01. С. 42-43.
2. Ван И, Сюэ Вэй. Краткий анализ художественного наследия и значения народной резьбы по бумаге в провинции Шаньдун // Тяньгун. 2021.07. С. 78-79.
3. Ли Сюэцин. Искусство вырезания из бумаги высокой плотности // Мир Лантай. 2010.08. С. 73-74;
4. Лю Жуй. Обзор искусства вырезания из бумаги: тематическое исследование народной резьбы по бумаге провинции Шаньдун // Анализ и обсуждение. 2020.10. С. 53-57.
5. Ван Цзяньюань. Анализ наследия и развития искусства вырезания бумаги гаоми в провинции Шаньдун // Арт Спектакляр. 2023.03. С. 65-67.
6. Фан Цзосинь. Создатель национального нематериального культурного наследия // Энциклопедия Baidu. [Электронные ресурсы] URL: https://baike.baidu.com/item/%E8%8C%83%E7%A5%9A%E4%BF%A1/5256032?fr=ge_ala (дата обращения 14.01.2025)
7. Чжоу Ятин, Чжан Лу. Восемь бессмертных // Изобразительное искусство. 2024.(09). С. 110-115.
8. Ван Сюэ. «Наследник высокоплотной резки бумаги – Fan Zuoxin. Серия «Выдающиеся наследники китайской народной культуры». - Иньчуань:Нинся Народное издательство Нинся. 2008. С. 159 .
9. Хэ Пэйхун. «Пьяные восемь бессмертных» // Энциклопедия Baidu. [Электронные ресурсы] URL: https://mbd.baidu.com/newspage/data/dtlndingsuper?nid=dt_5286740047910364094&sourceFrom=search_a (дата обращения: 06.01.2025)
10. Цзянь Юньчжун, Ли Хуайцзе, Вэй Чэнгуан. «Восемь бессмертных» – вырезанный из бумаги атлас китайского фольклора. -Пекин: Издательство Университета Цинхуа. 2021.06.с.160.
11. Инь Цзиньцю. Исследование инновационного дизайна вырезания из бумаги высокой плотности, основанного на народных праздниках и культуре Восьми Бессмертных-Тематическое исследование Восьми Бессмертных//Шаньдунский институт искусств и ремесел.2024.06. С.15-17.

ВЛИЯНИЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЙ НА РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ АКАДЕМИЧЕСКОГО ПЕНИЯ В КИТАЕ

Чжэньцзюнь Юань

Аспирант, Российский университет дружбы народов
847167117@qq.com

THE INFLUENCE OF EUROPEAN TRADITIONS ON THE DEVELOPMENT OF THE ACADEMIC SINGING SYSTEM IN CHINA

Zhenjun Yuan

Summary: This article examines the influence of European vocal traditions on the system of academic singing in China. In particular, it is indicated that the greatest influence on the system of academic singing in China was exerted by European bel canto singing - thanks to its use, it was possible to improve the system of Chinese academic singing - to work with the diaphragm, to work out the resonant cavities for singing.

Keywords: academic singing in China, bel canto, bel canto singing, Western singing method, traditional singing of China.

Аннотация: В данной статье рассмотрено влияние европейских традиций вокала на систему академического пения в Китае. В частности, указано, что наибольшее влияние на систему академического пения в Китае оказало европейское пение бельканто – благодаря его использованию удалось улучшить систему китайского академического пения – произвести работу с диафрагмой, проработать резонирующие полости для пения.

Ключевые слова: академическое пение в Китае, бельканто, пение бельканто, западный метод пения, традиционное пение Китая.

Традиционное европейское пение во многом связано с использованием системы бельканто. Западный метод пения бельканто, пришедший с развитием оперы, имеет 400-летнюю историю. Навыки пения бельканто оказывают большое влияние на различные аспекты пения, такие, как умение использовать полость для пения, умение воздействовать на диафрагму и стабильный контроль дыхания. Эти навыки можно применять при пении бельканто. В пении бельканто большое внимание уделяется мощному и непринужденному произношению слов, которое немного отличается от правильного произношения в китайской вокальной музыке [6. С.15]. В бельканто певческий звук является круглым и концентрированным, что делает преобразование высоких и низких тонов более унифицированным, а звук более проникающим, и при этом дыхание используется более полно.

Бельканто впервые появилось в Китае в 1930-х и 1940-х годах благодаря иностранным студентам, спонсируемым правительством КНР и иностранным преподавателям вокала. На заре появления бельканто китайцы были малознакомы с этим искусством. При поддержке преподавателей вокала и различных культурных обменов и просветительской работы в Китае изначально сформировалась художественная модель бельканто, которая в определенной степени способствовала развитию бельканто в Китае.

В 1950-х и 1960-х годах известные зарубежные пев-

цы бельканто приезжали в Китай для показательного обучения, в основном объясняя вокальные методы бельканто, методы обучения вокалу и европейские вокальные техники. В то же время они также предложили сделать акцент на закрытом пении, что вызвало новый всплеск интереса к бельканто в Китае и способствовало развитию вокального искусства в КНР [3.С.87]. С момента проведения реформ и введения политики открытости, с ростом культурных обменов, известные зарубежные оперные мастера и певцы-баритон приезжали в Китай, чтобы читать лекции и обучать навыкам и технике пения бельканто, охватывающим все аспекты преподавания вокала, что в определенной степени повысило общий уровень вокальной подготовки в Китае.

Общность бельканто и китайской академической вокальной музыки проявляется, прежде всего, в общности дыхательных позиций. И китайская академическая вокальная музыка, и бельканто подчеркивают плавность дыхания, которая является не только движущей силой вокализации, но и важной основой для пения. При пении необходимо следить за тем, чтобы звук был связным и плавным, произношение четким, а громкость можно было эффективно контролировать, чтобы создать идеальный эффект исполнения. Во-вторых, бельканто и китайская академическая вокальная музыка также имеют определенные общие черты в размещении высокопозиционного звука [1. С.105].

Китайская академическая вокальная музыка в основ-

ном опирается на стиль пения пекинской оперы, в то время как бельканто больше опирается на стиль пения западной оперы. Китайская академическая вокальная музыка указывает, что певческий голос должен быть ровным и свободным, не должен теснить горло. Бельканто также ясно подчеркивает, что при пении нужно открывать горло.

Есть в европейском бельканто и китайской системе вокального пения и определённые различия. Во-первых, они проявляются в разнице в использовании резонансных органов. Бельканто подчеркивает общий резонанс всех резонансных полостей, таких как головная полость, гортанная полость, ротовая полость и носовая полость, и старается обеспечить их одновременное использование, чтобы отразить резонансные преимущества каждой полости и повысить художественную привлекательность [4. С.76]. Что касается техники произношения, то для производства звука в основном используются верхний и нижний вертикальные столбчатые резонансные каналы.

Резонанс китайского вокального искусства относительно прост и легок, в основном включает в себя резонанс ротовой полости, резонанс носовой полости и резонанс головной полости. Эта разница в основном вызвана разницей между использованием полости в академическом пении Китая и пении бельканто. Кроме того, она проявляется в разнице в стремлении к певческому искусству. Бельканто делает акцент на красоте звука и делает акцент на технических достижениях. Оно позволяет достичь чистоты и полноты качества звука, реализовать длительный контроль дыхания, а также представить широкий и гибкий стиль пения. Китайское академическое пение сохраняет традиционные достоинства китайского пения и обладает характеристиками чистого, эвфемистического и элегантного голоса [2.С.110].

Развитие и прогресс в сфере искусства часто опираются на постоянное общение и взаимное обучение. В последние годы, с развитием вокального искусства в Китае и при наличии интеграции китайского и зарубежного музыкального искусства, бельканто постоянно проникает в китайское вокальное искусство. что оказало глубокое влияние на китайское вокальное искусство.

Традиционное вокальное искусство Китая – это в основном опера, которая использует естественный голос в специфическом пении и имеет узкий диапазон голоса, акцентируя внимание на мелодичном и длинном пении, в основном описывающие истории и эмоции, с ярко выраженными восточными особенностями. Ее сложно интегрировать в мировую вокальную культуру. Являясь важным связующим звеном между китайской и западной вокальными культурами, бельканто в Китае также интегрировало западную культуру в вокальное искусство

страны, что оказало определенное влияние на развитие вокального искусства Китая [5.С.121].

В настоящее время в академическом искусстве Китая нет недостатка в бельканто. Бельканто стало художественной основой современной китайской вокальной музыки. Постоянно совершенствовалось национальное вокальное искусство, обогащались и развивались певческие формы, родился коллектив известных исполнителей национального искусства, благодаря чему вокальное искусство Китая достигло международного уровня.

Широкое распространение и развитие бельканто в Китае не только способствовало развитию китайской вокальной музыки, но и оказало огромное влияние на культуру академического пения. Например, с точки зрения эстетического развития звука, академическое пение Китая требует яркого, сладкого, мягкого тембра в эстетике звука. Бельканто преследует полный и яркий тембр, с металлическим тембром и проникновением, свободный и мягкий. Эта системы пения требует, чтобы у певца был полный резонанс в средних, низких и высоких зонах голоса при пении, что дает трехмерный смешанный звуковой эффект. Осознав научную природу бельканто, академическое пение Китая добавило более полное понимание эстетики звука, уделяя больше внимания его плавности [9.С.54].

Эмоции – это основная цель выражения любого вида певческого искусства. При исполнении вокала в Китае важно вызывать эмоции у слушателя, а метод пения бельканто подчеркивает использование голоса для передачи эмоций и достигает цели передачи эмоций через обработку и изменение звука. В Китае академическое пение дополняется уникальным эстетическим искусством традиционного фольклора. В Китае академические певцы уделяют внимание эстетическим нормам «правильного произношения и круглого голоса» и эстетическим характеристикам «звука и эмоций», а также обращают внимание на традиционные эстетические характеристики пения.

Бельканто улучшает вокальные навыки китайских певцов, в основном в части навыков научной вокализации, дыхания, резонанса и расширения певческой позиции. Бельканто пропагандирует комбинированное дыхание грудь-живот, или, точнее, метод нисходящего дыхания диафрагмы с двумя раскрытыми ребрами, с полной поддержкой дыхания и способности к гибкому дыханию. Особенно строги требования к силе мышц талии и живота.

На уроках европейского вокала существуют специальные курсы вокальных дыхательных упражнений, в которых используются некоторые упражнения для укрепления мышц живота, чтобы лучше помочь певцам бы-

стро нарастить певческие мышцы группы, чтобы певцы могли легче контролировать силу своей талии и живота при использовании дыхания [8.С.102]. В отличие от метода грудного дыхания в традиционном пении поддержка дыхания неглубокая, а звук тонкий и слабый. Звук, производимый методом комбинированного дыхания грудной клетки и живота при помощи бельканто, более текучий и эластичный, что компенсирует проблему, которую традиционный метод пения в Китае при поверхностным в дыхании не мог решить, особенно при необходимости длительной задержки дыхания при исполнении произведений.

Таким образом, влияние бельканто на китайское вокальное исполнительское искусство незаменимо, особенно в части интеграции бельканто и китайской национальной местной культуры. С введением бельканто китайское академическое вокальное пение стало играть очень важную роль в вокальных навыках, выражении языка, передаче эмоций, эстетической коннотации и других аспектах. Преимущества бельканто могут быть приняты и интегрированы местным китайским искусством и культурой, и постоянно изучаются для формирования нового национального стиля формы искусства и метода пения. Внедрение бельканто позволило Китаю получить и признать научные вокальные навыки, освоить и понять систему тренировки функций собственного тела и умение гибко использовать дыхание, а также ряд научных систем для постановки голоса, артикуляции, пространственного чувства и лучшего эмоционального выражения, что придало новую силу при подготовке вокалистов Китая и новый национальный художественный стиль [7.С.61]. Именно формирование этого нового вокального певческого искусства с китайской национальной спецификой способствовало развитию китайской вокальной музыки и китайского оперного певческого искусства.

В процессе внедрения современных методик пения бельканто необходимо органично интегрироваться с потребностями развития современного вокального искусства, которое связано с обществом, эстетическими потребностями людей и развитием международного вокального искусства. Например, качество исполнения вокального искусства постоянно улучшается, в этом случае, при наличии современных методов пения бельканто, необходимо постоянно совершенствовать способ пения и качество пения, применять более рационально инновации в сочетании с потребностями аудитории. И только тогда можно еще больше повысить инновационное качество современных методов пения бельканто, чтобы инновационные современные методы пения бельканто могли еще больше удовлетворить эстетические потребности людей. В то же время, это также может способствовать общему развитию вокального искусства в Китае [10. С.15].

С точки зрения певческих методов вокального искусства важно отметить, что существуют современные методы пения бельканто, национальные методы пения и современные методы пения, а развитие различных жанров певческих методов является не изолированным, а взаимовлияющим и взаимозависимым. На самом деле, с развитием вокального искусства в Китае, современные методы пения бельканто, национальные методы пения и современные методы пения оказались в неразрывной связи, они взаимодействуют друг с другом.

В процессе внедрения инноваций в современные методы пения бельканто важно уделять внимание синергии и внедрять инновации в сочетании с фактическим положением национальных методов пения и современных методов пения, чтобы в то же время способствовать инновациям при использовании современных методов пения бельканто, а также способствовать инновациям в использовании других методов пения.

Нужно неизменно стремиться к идеальному звучанию, будь то пение бельканто, которое напрямую выражает стремление к идеальному звучанию, или китайское академическое пение. Как новая концепция, диверсификация вокального пения подталкивает к инновациям в вокальном искусстве в пении и стиле с молниеносной скоростью [3.С.82]. Эта тенденция неизбежна. Мы знаем, что в сегодняшнем многообразном социальном развитии трудно развиваться изолированно. Только при взаимном обучении можно добиться лучшего совершенствования и долгосрочного развития.

Вокальное искусство не является исключением. Появление трансграничного феномена вокального пения нарушило прежнюю концепцию фиксированного режима пения. Это еще одно крещение концепции вокального пения, которое заложило основу для создания и расширения новых форм вокального искусства в будущем. Важно воспринимать новое, разбирать, обобщать и делать выводы о причинах их возникновения, их разнообразных формах, изменениях в техники пения, определять социальные эффекты, которые они произвели, и их влияние на академическое сообщество, чтобы прийти к относительно единому пониманию этого вокального культурного феномена [5.С.133].

В настоящее время методы вокального пения в Китае представляют собой основу для разностороннего развития. Сегодня в Китае существует сочетание вокальных форм пения с национальными особенностями. Например, сочетание китайского национального вокального пения и бельканто, сочетание национального пения и народного пения, сочетание пения китайской оперной музыки и эстрадной музыки, применение пения китайской оперной музыки в национальных вокальных произведениях и др.

Тенденцией вокального пения в начале 21 века стала взаимная интеграция различных методов пения. С быстрым развитием науки, техники и экономики материальная жизнь людей стала богаче, а их духовные потребности – более красочными. Людей уже не удовлетворяют неизменные вокальные формы пения и певческие произведения. Возникновение ситуации «трансграничного пения» [4.С.19] создало новую форму пения, позволив

классическому искусству восполнить многие недостатки современного эстрадного пения. В то же время классическое искусство сочетает в себе силу моды, и эти два направления создали новое и живое искусство и развлечения нового аудиовизуального ряда, который не только привлекает больше слушателей, но и стирает классовые границы на уровне восприятия музыки, достигая эффекта признания как утонченными, так и популярными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ли Жуй. Исследование использования лирических техник бельканто для интерпретации китайских лирических вокальных произведений// Литературная жизнь. Теория литературы, 2015, 17(02): 79-80.
2. Ли Чжэнь. Влияние бельканто на развитие китайского народного пения[J]. Северная музыка, 2015, 35(22) – 31 с.
3. Сун Хэминь, Цзан Сюэцзюнь. Обсуждение смежных вопросов интеграции пения бельканто и китайской местной музыкальной культуры// Голос Желтой реки, 2015, 26(02): 42-43.
4. Чжан Цинин. Дискуссия о влиянии пения бельканто на искусство китайского оперного пения – Пекин, 217 с.
5. Лю Ци. О влиянии пения бельканто на национальное вокальное искусство моей страны// Packaging World, 2021 (9): 88, 90.
6. Цзи Мэнчао. Различные применения бельканто в операх и авторских песнях – Пекин, 2019 – 189 с.
7. Цюань Янь. Исследование влияния пения бельканто на преподавание национальной вокальной музыки в моей стране // Drama House, 2020 (14): 65.
8. Чжан Якунь. Обзор соответствующих исследований «Китайского бельканто» в китайской опере, 2021 (10): 35-39.
9. Янь Сюнсинь. Влияние пения бельканто на вокальное пение традиционных китайских народных песен // Еженедельник северной литературы, 2016, 14(08) – 186 с.
10. Ян Юэ. О процессе китаизации бельканто с точки зрения эстетики – Пекин, 2022 – 160 с.

© Чжэньцзюнь Юань (847167117@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРИМЕНЕНИЕ КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ ДЛЯ АНАЛИЗА ВТОРИЧНЫХ ДАННЫХ В ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Булич Мария Олеговна

Аспирант, Московский государственный университета

им. М.В. Ломоносова

mariya.bulichh@gmail.com

APPLICATION OF QUALITATIVE METHODS FOR ANALYSIS OF SECONDARY DATA IN PSYCHOLOGICAL RESEARCH ABSTRACT

M. Bulich

Summary: This article explores the application of qualitative research methods for the analysis of secondary data in psychology. The focus is on justifying the use of these methods to study subjective experiences and social behavior contexts. The advantages and challenges of secondary qualitative data analysis are highlighted, including access to hard-to-reach respondents and phenomena, as well as the need to consider ethical aspects. Current trends in the use of mixed methods and the expansion of research opportunities through open data sources are discussed. The importance of contextual understanding and data interpretation for improving research quality is emphasized.

Keywords: methodology of psychology, qualitative methods, secondary analysis, ethics of qualitative research, types of secondary data.

Аннотация: В статье рассматриваются особенности применения качественных методов исследования для анализа вторичных данных в психологии. Акцент сделан на обоснование использования таких методов для изучения субъективного опыта и социальных контекстов поведения в ситуации. В ней освещены преимущества и вызовы вторичного анализа качественных данных, включая доступ к труднодоступным респондентам и феноменам, а также необходимость учета этических аспектов. Путем анализа и систематизации имеющихся данных по данному вопросу рассмотрены методологические особенности работы с вторичными данными, возможности, ограничения и рекомендации относительно реализации данного метода в психологии.

Ключевые слова: методология психология, качественные методы, вторичный анализ, этика качественных исследований, типы вторичных данных.

Введение

Качественные методы стали незаменимыми инструментами для получения глубоких знаний и понимания сложных явлений [13]. Они позволяют изучать группы и популяции, выявлять сложно измеримые переменные, а также создавать комплексное, детализированное представление о проблеме [8]. Используя качественные методы, исследователь получает возможность изучать явления в их естественном окружении, пытаться понять или интерпретировать их с точки зрения значений, которые в них вкладывались. Такое исследование предполагает сбор и анализ разнообразных эмпирических материалов — тематических исследований, личного опыта [21], а также опору на такие принципы, как контекстуальная чувствительность, интерпретативность, гибкость методов и рефлексивность [3]. В последние годы также наблюдается тенденция к объединению качественных и количественных методов в так называемые «смешанные» [2], что расширяет возможности исследователя.

Одной из ключевых характеристик качественной методологии является ее трансдисциплинарность, которая способствует интеграции различных исследовательских парадигм [4]. В настоящее время в социальных науках и

науках о здоровье растет интерес к анализу вторичных качественных данных, что открывает новые возможности для изучения чувствительных тем и доступа к труднодоступным группам респондентов [14].

Понятие вторичных данных в научной литературе трактуется по-разному. В зарубежных публикациях встречаются термины *secondary analysis* и *secondary data analysis*, которые в русскоязычной литературе используются как синонимы и переводятся как «вторичный анализ» или «анализ вторичных данных». В некоторых работах вторичные данные определяются как информация, полученная в ходе предыдущих научных исследований [10], однако в более широком смысле вторичный анализ может включать и данные из открытых источников, что расширяет возможности научных исследований и увеличивает спектр решаемых задач [5]. В данной статье эти термины также будут использоваться как синонимы, обозначающие метод исследования, который включает анализ данных, собранных кем-то другим, в том числе и социальные артефакты, такие как газеты, блоги, дневники, письма и электронные письма [9].

В психологической науке вторичный анализ может решать перечисленные выше задачи и открывать новые исследовательские перспективы. Кроме того, появление

современных технологий способствует расширению возможностей анализа вторичных данных. В частности, активно обсуждается применение искусственного интеллекта, включая большие языковые модели, такие как ChatGPT, для обработки и интерпретации качественных данных [7;16], что может позволить получить более точные и усовершенствованные результаты.

В данной статье представлен обзор существующих подходов к вторичному анализу качественных данных в психологических исследованиях и смежных дисциплинах, рассмотрены типы вторичных данных, особенности их обработки, а также выявлены ключевые возможности и ограничения данного метода, что позволит оценить перспективность его использования в психологической науке.

Общая характеристика вторичного анализа качественных данных

Вторичный анализ качественных данных, как говорилось выше, представляет собой систематическое исследование уже существующих данных, собранных в рамках других исследований [10], или, в более широком смысле, это анализ данных, которые были собраны кем-то другим для другой основной цели [12].

Анализ вторичных качественных данных способствует экономии времени на отбор, обработку и сбор данных, а также дает доступ к обширным массивам информации [5]. Он позволяет проводить исследования в различных областях, где затруднено получение первичных данных, валидировать полученные ранее результаты, расширять выборку как с точки зрения численности, так и с точки зрения разнообразия представленных респондентов [6].

При этом данный метод имеет ряд сложностей и ограничений. Например, независимо от того, хранятся ли данные публично в архиве, необходимо учитывать этические соображения, включая ответственность перед участниками и первоначальными исследователями [17].

Таким образом, мы видим потенциальную значимость исследования вторичных данных качественными методами в психологии, которые открывают новые возможности, но при этом важно учитывать их ограничения и понимать методологию качественного исследования относительно специфики вторичных данных.

Методология вторичного анализа данных качественными методами

С точки зрения методологии исследования, вторичный анализ в психологии остается мало изученным вопросом. Для понимания особенностей реализации данного метода исследования обратимся к методологи-

ческим принципам качественного исследования психологии в целом. Одним из них является контекстуальная чувствительность [3].

При работе с текстовым материалом мы можем опираться на идеи культурно-исторического подхода и работы Л.С. Выготского, который говорит о том, что «мысль не выражается в слове, но совершается в слове» [1, с. 534], а также подчеркивает закон динамичности значения: «Слово вбирает в себя, впитывает из всего контекста, в который оно вплетено, интеллектуальные и аффективные содержания» [1, с. 609]. Исходя из общего понимания важности контекста при работе с качественными методами, мы можем говорить о том, что для вторичных данных данный вопрос становится еще более важным. Он вызывает меньше сложностей в тех ситуациях, когда вторичному аналитику доступны аудиозаписи первичных данных, полевые заметки и доступ к первичному исследователю [14].

Если обратиться к процедуре исследования, подготовки и отбора данных, проведению кодирования и выведению обобщений, то, несмотря на некоторые различия в доступе к данным, многие процессы, связанные со вторичным анализом качественных данных, аналогичны процессам первичного анализа [12].

Существует несколько методологических рекомендаций, позволяющих избежать сложностей, связанных со спецификой данных при вторичном анализе: необходимо определять цель и направленность исследования до сбора вторичных данных, при работе с ними важно учитывать характеристики выборки и источники, которые наилучшим образом соответствуют им, а также корректно выбирать подходы и стратегии анализа, сохраняя при этом непредвзятость исследователя [5].

Еще одной важной рекомендацией и особенностью работы с вторичными данными является понимание того, что качество, достоверность и риск непреднамеренного ущерба зависят от типа данных. Участники, добровольно передавшие свои данные в архив или давшие свое согласие, представляют наиболее защищенную группу. Если обратиться к онлайн-источникам, созданным для других целей, то опубликованные и намеренно распространённые данные (например, газетные статьи или посты в блогах) могут представлять меньший риск по сравнению с обычными постами в социальных сетях, которые иногда создаются людьми, не имеющими четкого понимания конфиденциальности [5].

Таким образом, мы видим, что при соблюдении методологии и учете рекомендаций вторичный анализ данных будет соответствовать критериям качественного исследования и предоставит новые возможности и результаты. Затронув важность понимания типа данных

для разработки плана исследования и его реализации, далее мы рассмотрим виды вторичных данных и особенности работы с ними более подробно.

Типология вторичных данных и особенности работы с ними

Когда речь идет о вторичном анализе качественных данных, как упоминалось выше, можно выделить два варианта исследования: вторичный анализ данных ранее проведенных исследований и анализ вторичных данных, полученных из открытых источников, которые не были собраны с целью исследования.

Согласно Дж. Хитону [10], при анализе данных предыдущих исследований можно выделить три типа данных. К первым относятся формальные данные, полученные из государственных или институциональных архивов, которые повторно используются во вторичном анализе. Такие данные хорошо задокументированы и соответствуют этическим и юридическим требованиям для передачи другим исследователям. Ко второму типу относится неформальный обмен данными между исследователями, когда ученые, участвовавшие в сборе данных, могут передавать их другим и также участвовать во вторичном анализе, в отличие от первого случая. К третьему варианту относится использование данных собственных более ранних исследований с целью уточнения полученных выводов или проверки других гипотез [10].

С другой стороны, когда мы обращаемся к современным технологиям и онлайн-данным, мы можем рассматривать их в рамках одной из трёх категорий: данные научных исследований; достоверные текстовые и визуальные данные, которые могут быть использованы для исследований; данные, не связанные с исследованиями. Источниками для первых двух являются библиотеки, архивы и другие хранилища; источниками для третьего являются платформы социальных сетей, любые веб-сайты, которые позволяют комментировать или вносить свой вклад, а также дискуссионные группы или форумы [5].

В исследовании опыта вынужденных мигрантов, проведенном с использованием вторичного анализа общедоступных интервью, предлагаются несколько важных шагов для сбора и обработки такого типа данных: формулировка цели исследования для корректного отбора данных и понимания общей направленности; использование поисковых систем с минимальными фильтрами и персонализированными результатами поиска; при использовании аудио- и видеоинтервью следует выполнять их полноценную транскрипцию. При этом транскрипция должна содержать только вербальные элементы данных, чтобы они были максимально прибли-

жены к реальности. По возможности следует избегать искажения из-за предвзятости исследователей [6].

При анализе вторичных открытых данных мы также сталкиваемся с большим количеством этических вопросов. Так, при анализе расшифровок видео на YouTube поднимается вопрос противоречий, связанных с информированием, обработкой и представлением результатов таких исследований. Например, в качестве описания было выбрано слово «информаторы», а не «участники», поскольку исследование не предполагает возможности диалога. Также накладываются ограничения на выбор материала: исследователь вынужден ограничивать круг своих информаторов только теми, кто решил открыто раскрыть определённую информацию о себе, важную для исследования, и исключать материалы, где не было ясных формулировок [18].

Таким образом, мы видим, что в настоящее время вторичные данные включают в себя широкий спектр информации — от данных других исследований до материалов социальных сетей. Различные типы данных могут требовать особой методологии и подготовки к исследованию, а их анализ имеет ряд возможностей и ограничений, в том числе этических, которые будут изложены в следующем пункте.

Возможности и ограничения вторичного анализа качественных данных

Вторичный анализ данных качественных исследований имеет те же преимущества, что и вторичный количественный анализ. К ним относятся экономия времени на выборку, обработку и сбор данных [5]. Основная сильная сторона использования вторичных данных, особенно для психологических исследований, заключается в возможности проведения исследований на больших выборках, которые выходят за рамки возможностей и ресурсов одного человека или исследовательской группы. Вторичные данные открывают доступ к уязвимым группам, которые могут пострадать при первичном сборе данных, а также к труднодоступным группам, обладающим особыми и редко встречающимися характеристиками или опытом [19].

Несмотря на открывающиеся возможности для исследований в области психологии, вторичный анализ имеет ряд ограничений и дискуссионных вопросов.

Одной из основных сложностей является невозможность исследователя задавать вопросы, возникающие в ходе изучения материала и способствующие лучшему пониманию конкретной ситуации или её интерпретации [20]. Для решения данной проблемы важно комплексно подходить к дизайну исследования и его планированию, в том числе учитывая методологические особенности и

возможные процедуры подготовки и анализа вторичных данных, описанные выше.

Кроме того, как говорилось выше, остаётся дискуссионным вопрос об этичности использования вторичных данных. В целом исследователи вторичных данных в равной степени должны оценивать возможные последствия своей работы, как и исследователи первичных данных, и стремиться не навредить путем постоянного самоанализа и критического подхода к собственной работе [6]. Исходя из этого принципа, исследователь может выбирать различные форматы вторичных данных и методы анализа.

Другой этической задачей является обеспечение конфиденциальности. Хотя наборы данных от других исследований, как правило, не содержат идентифицирующей информации, вторичный исследователь может подвергаться риску непреднамеренного нарушения конфиденциальности, которого первичному исследователю было бы легче избежать из-за меньшей погруженности в контекст. Поэтому требуется особая внимательность к информации для обеспечения защиты частной жизни [22]. При работе с открытыми данными, доступными любому пользователю без ограничений, процесс анонимизации выполняется так же, как при работе с первичными данными [6]. Если мы говорим об этике открытых данных, которые находятся в свободном доступе в интернете, книгах или других публичных источниках, разрешение на их дальнейшее использование и анализ подразумевается, но при этом необходимо признать права собственности на исходные данные [23].

С другой стороны, при анализе данных предыдущих исследований согласие участников и достижение договоренности между вторичными и первичными исследователями являются двумя ключевыми этическими вопросами, которые необходимо учитывать при вторичном анализе [20]. Когда данные формируются в результате личного взаимодействия с участниками, часто предполагающего доверие и обязанность исследователя бережно относиться к данным участников, появляется вопрос о возможности использования таких данных другими лицами в связи с отсутствием осознанного согласия на вторичное использование данных. При этом, если исследователь не знает будущего собранных им материалов и допускает вторичный анализ, то согласие может быть получено с обобщенными формулировками о возможных целях дальнейшего использования, например, что данные будут доступны для исследовательских и учебных целей [11]. Так было реализовано в исследовании венгерских преподавателей, где был использован вторичный анализ: при первом исследовании согласие участников предусматривало возможность повторного использования данных интервью в целях публикации при условии со-

блюдения тех же этических требований [15].

Ещё одним этическим вопросом взаимодействия исследователей в некоторых случаях могут быть репутационные риски исследователей, которые собирали данные. Например, если будут высказывания, критикующие методы работы или условия сбора данных, они могут быть снижены путем сотрудничества при проведении вторичного анализа [17].

Таким образом, мы видим, что вторичный анализ открывает для психологических исследований новые перспективы и возможности, но при этом требует внимательного отношения к выстраиванию методологии, дизайна исследования и этическим вопросам.

Заключение

Вторичный анализ качественных данных является перспективным инструментом современных психологических исследований, позволяя использовать уже существующие материалы для решения новых научных задач. Он открывает доступ к уникальным данным, которые могут быть труднодоступны для первичного сбора или сопряжены с потенциальным риском для респондентов, тем самым открывая возможности для изучения редких или социально чувствительных явлений [5].

Вместе с тем работа с вторичными данными сопряжена с рядом методологических и этических вызовов. Прежде всего, это необходимость глубокого учёта контекста исходных данных, что особенно важно для сохранения их смысловой целостности [14], понимания условий первоначального сбора данных, целей первичного исследования и возможных ограничений их использования. Этические аспекты, такие как конфиденциальность, анонимность и согласие, остаются важнейшими элементами научной деятельности при работе с вторичными данными [22].

При этом важно учитывать методологические и этические особенности, а также различия в работе с открытыми данными и данными предыдущих исследований.

Таким образом, вторичный анализ качественных данных открывает значительные перспективы для психологической науки, позволяя интегрировать существующий исследовательский опыт с новыми методологическими подходами. Однако успешная реализация данного метода требует соблюдения строгих научных стандартов, критической рефлексии и внимательного отношения к этическим аспектам. Дальнейшее развитие методических рекомендаций и обучение исследователей специфике работы с вторичными данными будет способствовать укреплению методологических основ и повышению качества научных исследований в психологии и смежных дисциплинах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л.С. Мышление и речь. — СПб.: Питер, 2023. — 640 с. (Серия «#экопocket»).
2. Мельникова О.Т., Хорошилов Д.А. Методологические проблемы качественных исследований в психологии. — М.: Акрополь, 2020. — 256 с.
3. Мельникова О.Т., Хорошилов Д.А. Методологические принципы качественных исследований в психологии // Вестник Московского университета. Серия 14, Психология. — 2013. — № 3. — С. 4–17.
4. Хорошилов Д.А., Балашова Е.Ю. Качественные методы в социальной и клинической психологии: пролегомены к междисциплинарному диалогу // Социальная психология и общество. — 2018. — Т. 9, № 3. — С. 21–30. DOI: 10.17759/sps.2018090303.
5. Chatfield S. L. Recommendations for secondary analysis of qualitative data // The Qualitative Report [Электронный ресурс]. — 2020. — Т. 25, № 3. — С. 833–842. DOI: 10.46743/2160-3715/2020.4092.
6. Cheong H., Lyons A., Houghton R., Majumdar A. Secondary qualitative research methodology using online data within the context of social sciences // International Journal of Qualitative Methods. — 2023. — Т. 22. — Май. DOI: 10.1177/16094069231180160.
7. Christou P. A. How to use artificial intelligence (AI) as a resource, methodological and analysis tool in qualitative research // The Qualitative Report [Электронный ресурс]. — 2023. — Т. 28, № 7. — С. 1968–1980. DOI: 10.46743/2160-3715/2023.6406.
8. Creswell J. W. Qualitative Inquiry and Research Design: Choosing Among Five Approaches. — Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2013. — 488 p.
9. Crossman A. Understanding Secondary Data and How to Use It in Research [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.thoughtco.com/secondary-analysis-3026573> (дата обращения: 20.01.2025).
10. Heaton J. Secondary analysis of qualitative data: An overview // Qualitative Research. — 2008. — Т. 9, № 1. — С. 35–45.
11. Irwin S. Qualitative secondary data analysis: Ethics, epistemology and context // Progress in Development Studies. — 2013. — Т. 13, № 4. — С. 295–306. DOI: 10.1177/1464993413490479.
12. Johnston M. Secondary data analysis: A method of which the time has come // Qualitative and Quantitative Methods in Libraries. — 2014. — Т. 3. — С. 619–626.
13. Lim W. M. What is qualitative research? An overview and guidelines // Australasian Marketing Journal. — 2024. — Т. 32, № 1. — С. 1–31. DOI: 10.1177/14413582241264619.
14. Long-Sutcliffe T., Sque M., Addington-Hall J. Secondary analysis of qualitative data: A valuable method for exploring sensitive issues with an elusive population? // Journal of Research in Nursing. — 2010. — Т. 16, № 4. — С. 335–344.
15. Mikuska E., Raffai J., Vukov Raffai E. Secondary analysis of qualitative data: Hungarian minority kindergarten pedagogues' perspectives of the new curriculum framework in Serbia // Journal of Childhood Education & Society. — 2022. — Т. 3, № 3. — С. 249–259. DOI: 10.37291/2717638X.202233181.
16. Morgan D. L. Exploring the use of artificial intelligence for qualitative data analysis: The case of ChatGPT // International Journal of Qualitative Methods. — 2023. — Т. 22, № 6. DOI: 10.1177/16094069231211248.
17. Morrow V., Boddy J., Lamb R. The ethics of secondary data analysis: Learning from the experience of sharing qualitative data from young people and their families in an international study of childhood poverty // NOVELLA Working Paper: Narrative Research in Action. — April 2014. — University of Oxford. — URL: https://eprints.ncrm.ac.uk/id/eprint/3301/1/NOVELLA_NCRM_ethics_of_secondary_analysis.pdf (дата обращения: 20.01.2025).
18. Patterson A.N. YouTube generated video clips as qualitative research data: One researcher's reflections on the process // Qualitative Inquiry. — 2018. — Т. 24, № 10. — С. 759–767. DOI: 10.1177/1077800418788107.
19. Sales E., Lichtenwalter S., Fevola A. Secondary analysis in social work research education: Past, present, and future promise // Journal of Social Work Education. — 2006. — Т. 42, № 3. — С. 543–560. DOI: 10.5175/JSWE.2006.200404136.
20. Szabo V., Strang V. R. Secondary analysis of qualitative data // Advances in Nursing Science. — 1997. — Т. 20, № 4. — С. 66–74. DOI: 10.1097/00012272-199712000-00008.
21. The SAGE Handbook of Qualitative Research / Ed. by N.K. Denzin, Y. S. Lincoln. — 4th ed. — Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2011. — 784 p.
22. Thorne S. Ethical and representational issues in qualitative secondary analysis // Qualitative Health Research. — 1998. — Т. 8, № 4. — С. 547–555. DOI: 10.1177/104973239800800408.
23. Tripathy J. P. Secondary data analysis: Ethical issues and challenges // Iranian Journal of Public Health. — 2013. — Т. 42, № 12. — С. 1478–1479.

© Булич Мария Олеговна (mariya.bulichh@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТИПЫ И РАЗЛИЧИЯ СМЕШАННЫХ БРАКОВ

TYPES AND DIFFERENCES
OF MIXED MARRIAGES

D. Kadyrbekov

Summary: In the context of globalization, the proportion of exogamous marriages has increased significantly, gradually becoming the norm in modern society, especially in multi-ethnic countries. The study of mixed marriages becomes relevant for the humanities, requiring the differentiation of relevant concepts. There are several approaches to the typology of interethnic marriages, presented by various authors, differing in the principles of research and the identification of main types. The article analyzes the literature on this topic, identifies key approaches and proposes its own working typology, including main and secondary types of mixed families, and also provides a working definition of mixed marriage, taking into account ethnic, national, religious and racial characteristics.

Keywords: exogamy, globalization, mixed marriages, typology.

Кадырбеков Диас Дамирулы

Аспирант, Российский государственный социальный
университет, (г. Москва)
kaddias1997@gmail.com

Аннотация: В условиях глобализации существенно возросла доля экзогамных браков, становясь постепенно нормой в современном обществе, особенно в полиэтнических странах. Изучение смешанных браков становится актуальным для гуманитарных наук, требуя разграничения соответствующих понятий. Существует несколько подходов к типологизации межэтнических браков, представленных различными авторами, отличающимися по принципам исследования и выделению основных типов. В статье проведен анализ литературы по этой теме, выявлены ключевые подходы и предложена собственная рабочая типология, включающая основные и побочные типы смешанных семей, а также дано рабочее определение смешанного брака, учитывающее этнические, национальные, религиозные и расовые признаки.

Ключевые слова: экзогамия, глобализация, смешанные браки, типология.

В период глобализаций в мире увеличилась доля экзогамных браков. Если в прошлом экзогамия являлась скорее исключением, то в современном обществе постепенно становится нормой. Особенно это заметно в полиэтнических странах, в которых смешанные семьи являются широко распространенным типом союзов. В связи с этим, изучение подобных браков является актуальным вопросом для гуманитарных наук. Углублённое изучение которых, требует разграничения некоторых понятий.

Общее понятие брака, по мнению советского ученого А.Г. Харчев, специализировавшегося на вопросах семьи, это — «великий момент, когда два существа в силу взаимной привязанности и уважения, принимают на себя обязанность жить вместе, нести тяготы жизни разделять общую участь» [1].

Данное определение хорошо характеризует понятие брака. Но для погружения на следующий уровень понимания смешанных браков необходимо определение, охватывающее основные признаки смешанных семей. Например, В. Н. Галяпина дает следующее определение понятия межэтнический брак: «межэтнический брак представляет собой особый тип семьи, поскольку супруги в ней являются представителями разных этносов» [2].

С другой точки зрения межэтнические браки рассматривались в энциклопедии Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, где под межэтническими браками подразумеваются браки, заключаемые между представителями разных религиозных конфессии. [3].

Г.С. Махарова называет межэтническим браком супружеский союз представителей двух национальностей. Схожее определение дает С.В. Корнеева: «межнациональный брак — брак, при котором брачные партнеры принадлежат к разным национальным группам» [4].

Далее, мы рассмотрим авторов, составивших типологии смешанных семей. В.Н. Галяпина выделяла 5 типов межэтнических браков. Данная типология учитывала этнические и конфессиональные различия супругов [5]. Следующим автором, изучавшим данный вопрос стала А.П. Горкина. В социальной энциклопедии под ее редакторством было выделено 5 типов межэтнических браков по принципу распространённости их в России [6]. По такому же принципу схожую типологию создал ученный из Сингапура Риаз Хасан, выделив 3 наиболее популярных типа межэтнических браков в Сингапуре [7]. Ибрашева Л.Р. и Шогина Ю.А представили типологию межэтнических браков, разделяя смешанные браки по культурному признаку [8].

На основе проанализированных определений понятие «смешанный брак» у выше рассмотренных авторов было выведено рабочее определение, в котором: смешанный брак – это союз между людьми, обладающих одним или несколькими различиями по этническому, национальному, религиозному и расовому признаку.

Для лучшего понимания определения «смешанный брак» и разграничения его типов, была разработана, рабочая типологию, в которую вошли 4 основных типов и

11 побочных, формирующихся в результате комбинаций основных типов смешанной семьи.

1. межэтнический брак – союз между представителями двух разных этнических групп. Например, в союз вступают два гражданина РФ, представители русского и татарского этносов.
2. межнациональный брак – союз между гражданами двух разных стран. Например, союз между казахом гражданином РФ и казашкой гражданкой РК.
3. межконфессиональный брак – союз между представителями двух разных религий. Например, союз между осетином-христианином и осетинкой-мусульманкой.
4. межрасовый брак – брак между представителями двух разных рас. Например, мужчиной европейцем и женщиной азиаткой. (любой межрасовый брак по совместительству является межэтнорасовым браком).

Далее для сложных типов смешанных семей мы будем использовать заглавные буквы основных типов. Э – межэтнический, Н – межнациональный, К – межконфессиональный и Р – межрасовый.

5. ЭН (межэтнонациональный) брак – межэтнический брак между гражданами разных стран. Например, татарин-гражданин РК и русская гражданка РФ.
6. ЭК (межэтноконфессиональный) брак – межэтнический брак между представителями разных религиозных конфессий. Например, брак между осетином-мусульманином и русской-христианкой.
7. ЭР (межэтнорасовый) брак – межэтнический брак между представителями разных рас. Например, союз между русским и казашкой.
8. НК (межнацконфессиональный) брак – межнациональный брак между представителями разных религиозных конфессий. Например, казах-христианин-гражданин РФ и казах-мусульманин-гражданин РК.
9. НР (межнацрасовый) брак – межнациональный брак между гражданами разных рас. Например, союз между казахом-гражданином Казахстана и русской гражданкой России.
10. РК (межрасконфессиональный) брак – межрасовый брак между представителями разных религиозных конфессий. Например, брак между казахом-мусульманином-гражданином РФ и русской-христианкой-гражданкой РК. (любой межрасконфессиональный брак по совместительству является межэтнонацрасовым браком).
11. ЭНК (межэтнонацконфессиональный) брак – межэтнический брак между гражданами разных стран, исповедующих разные религиозные взгляды. Например, союз между гражданином РК татаром-мусульманином и гражданкой РФ русской-христианкой.

12. ЭНР (межэтнонацрасовый) брак – межэтнический брак между гражданами разных стран и рас. Например, союз между казахом-гражданином РК и русской гражданкой РФ.

13. ЭРК (межэтнорасконфессиональный) брак – межэтнический брак между представителями разных рас и религиозных конфессий. Например, брак между казахом-мусульманином-гражданином РФ и русской-христианкой-гражданкой РК.

14. НРК (межнацрасконфессиональный) брак – межнациональный брак между представителями разных рас и конфессий. Например, брак между русским-христианином-гражданином РФ и татаркой-мусульманкой-гражданкой РК.

15. ЭНРК (межэтнонацрасконфессиональный) брак – межэтнический брак между гражданами разных стран, рас и конфессий. Например, брак между русским-христианином-гражданином РФ и казашкой-мусульманкой-гражданкой РК.

При работе с типологией необходимо помнить, что любой межрасовый брак является по совместительству и межэтническим, но не любой межэтнический брак является межрасовым. А также, что расовая и этническая принадлежности являются неизменными на протяжении всей жизни. Чего нельзя сказать о религиозной и национальной идентичности. Которые могут быть изменены в течение жизни. В качестве примера рассмотрим два возможных сценария изменения идентичностей. Первый, если один или оба супруга меняли свою религиозную или национальную идентичности. Вторым, если родители одного или обоих супругов так же состояли в смешанном браке.

В подобных случаях рекомендуется проводить индивидуальные дополнительные замеры с целью определения доминирующей религиозной, национальной, расовой и/или этнической идентичностей.

Выводы

В контексте глобализации современного мира наблюдается увеличение доли экзогамных браков, что свидетельствует об изменениях в общественном менталитете и структуре семьи. Полиэтнические страны особенно выделяются в этом аспекте, где смешанные семьи становятся распространенным явлением. Исследование таких браков приобретает важное значение для гуманитарных наук, однако требует четкого определения и типологизации, учитывая разнообразие культурных, этнических, религиозных и расовых особенностей.

Анализ литературы показывает различные подходы к типологии межэтнических браков, представленные различными авторами. В результате сравнительного анализа становится ясно, что существует неоднозначность в ис-

пользовании терминов и понятий, что требует разработки авторского определения и типологии смешанных семей.

Выработанное рабочее определение смешанного брака и типологии семей помогут более точно и систематически изучать данное явление. Особое внимание

следует уделить не только типам смешанных браков, но и изменениям идентичности в течение жизни супругов и их потомков, что может влиять на динамику семейных отношений и социокультурную адаптацию. Такой подход позволит более глубоко понять современные тенденции в структуре семьи и общества в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. Опыт социологического исследования: Дис. ... д-ра филос.наук. Л., 1963. С. 88.
2. Багарян Р.А. Социально-психологические условия устойчивости межэтнического брака: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Тамбов, 2009. С. 18.
3. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона [Электронный ресурс] / Энциклопедический словарь — Режим доступа: <http://www.liderknig.ru/shop/antikvarnye-knigi/sobranijasochinenijj/encyclopedia-dictionary-of-brockhaus-f-a-ephron-and-a-in-43-volumes>. — Загл. с экрана.
4. Корнеева С.В. Межнациональные браки с иностранным партнером в современных условиях российского общества: Социологический анализ: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2006. С. 16.
5. Делова Л.А. Социокультурные факторы межэтнической брачности: Автореф. дис. ... канд.социол. наук. Майкоп, 2001. С. 59.
6. Социальная энциклопедия / Под ред. А. П. Горкина [и др.]. М.: Большая рос. энцикл., 2000. 438 с.
7. Хасан, Риаз. «3: ТИПЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ БРАКОВ». Межэтнические браки в Сингапуре: исследование межэтнических отношений, Сингапур: Издательство ISEAS, 1974, стр. 15–21. <https://doi.org/10.1355/9789814376549-006>
8. Ибрашева Л.Р., Шогина Ю.А. Социология межэтнических отношений. — Казань: Изд-во Казан. гос. технол. ун-та, 2007.

© Кадырбеков Диас Дамирулы (kaddias1997@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТАБИЛИЗАЦИЯ НЕЙРО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ПАЦИЕНТА С ПОМОЩЬЮ МЕТОДИКИ «НЕЙРООБАЯНИЕ»

STABILIZATION OF THE NEURO-FUNCTIONAL STATE OF THE PATIENT USING THE "NEUROCHARM" METHOD

**E. Kursheva
E. Ryzhova**

Summary: The number of patients in clinical practice with impaired neuro-functional state tends to increase. Such conditions can occur in isolation, but can also accompany a number of somatic pathologies (gastrointestinal tract, cardiovascular system diseases). They have a significant impact on the psychological state of the patient and reduce the quality of his life. Existing standards of drug therapy do not always quickly and fully have a positive effect on the therapy of the neuro-functional state.

The most widespread at present is a unique method of neurodynamic recovery, developed by Doctor of Psychology, Yagudin D.R. It is based on the restoration of balance between the psychological and physical components of the body. One of the areas of this method is the «Neurocharm» technique, based on the theory of «mirror neurons». Its effectiveness is actively studied. According to the author, this is the only method that triggers the mechanism of the nervous system, takes it out of the cyclical state and returns a person to the ability to feel and express emotions of joy, happiness, satisfaction, through simultaneous work with the psyche and body.

The number of patients and people willing to undergo and learn this technique is steadily growing.

Keywords: neuroscience, neurodynamic restoration, «Neurocharm», mirror neurons, restoration, facial expressions, wrinkles.

Кюршева Екатерина Александровна

Аспирант, Автономная некоммерческая организация
высшего образования «Славяно-Греко-Латинская
Академия»

Kyursheva@gmail.com

Рыжова Елена Геннадьевна

Аспирант, Автономная некоммерческая организация
высшего образования «Славяно-Греко-Латинская
Академия»

tutchev-gracia@mail.ru

Аннотация: Увеличение количества пациентов в клинической практике с нарушением нейро-функционального состояния, имеет тенденцию к росту. Такие состояния могут встречаться изолированно, но могут и сопровождать ряд соматических патологий (заболевания желудочно-кишечного тракта, сердечно-сосудистой системы). Они оказывают значительное влияние на психологическое состояние пациента и снижают качество его жизни. Существующие стандарты лекарственной терапии не всегда быстро и в полном объеме оказывают положительное влияние на терапию нейро-функционального состояния.

Наибольшее распространение в настоящее время приобретает уникальный метод нейродинамического восстановления, разработанный доктором психологических наук, Ягудиным Д.Р. В его основе — восстановление баланса между психологической и телесной компонентами организма. Одним из направлений данного метода является методика «Нейрообаяние», основанная на теории «зеркальных нейронов». Ее эффективность активно изучается. По мнению автора, это единственная методика, которая запускает механизм нервной системы, выводит из циклического состояния и возвращает человека к доступности чувствовать и проявлять эмоции радости, счастья, удовлетворения, через одномоментную работу с психикой и телом. Количество пациентов и лиц, желающих пройти и обучиться данной методике, неуклонно растет.

Ключевые слова: нейронаука, нейродинамическое восстановление, «Нейрообаяние», зеркальные нейроны, восстановление, мимика, морщины.

Введение

Нейронаука в образовании — это междисциплинарная область исследований на стыке нейробиологии, педагогики и когнитивной науки, она стремится привнести данные о нейронных механизмах обучения в образовательную практику и оценить влияние образования на мозг обучающегося. Одна из целей, стоящих перед этой новой областью исследований, — преодолеть разрыв между растущим объемом знаний о фундаментальных механизмах обучения, получаемых когнитивной наукой и нейробиологией, и применением этих знаний в образовательной среде [1,2]. Такие исследования вносят вклад в создание нейробиологического базиса в гуманитарных науках наряду с последними работами в области контроля эмоций, принятия решений, эмпатии и т.д. [3,4].

Такого рода исследования ведутся в области экономики [5], юриспруденции [6] и даже философии [7].

Нейронаука в образовании также изучает изменения в функционировании мозга вследствие получения образования и нейробиологические механизмы преобразования поведения посредством обучения и воспитания [8]. Возможность использования знаний, полученных нейронаукой, в повседневной учебной и методической работе до сих пор является предметом дискуссий. Скептики высказывают сомнения в актуальности таких знаний для образовательной практики [9,10,11,12].

Однако, накопленный на данный момент времени, объем знаний о нейробиологических основах обучения достаточен для того, чтобы обсуждать их прикладные

аспекты и перспективы использования нейронауки в целях совершенствования методик терапии.

Особую актуальность в терапии нейро-функционального состояния пациента приобретает метод нейродинамического восстановления, разработанный доктором психологических наук, автором уникальной методики "Психология нейродинамического нарушения и психической деятельности", основателем образовательной платформы Yagudinmetod, Д.Р. Ягудиным. Ее новейшим направлением является методика «Нейрообаяния», изучение которой представляется актуальным.

Цель работы

Цель работы- Анализ литературных данных о методике «Нейрообаяние» как одном из перспективных направлений в стабилизации нейро-функционального состояния пациента.

Наибольшую значимость в настоящее время приобретает метод нейродинамического восстановления. Его основа взята у И.П. Павлова, являющегося основоположником материалистического учения о высшей нервной деятельности животных и человека, И.М. Сеченова - основоположника русской физиологической школы, основателя явления торможения в центральной нервной системе и профессора Людмилы Федоровны Васильевой- основателя кинезиологии в России. Многочисленные зарубежные исследования были сосредоточены на проверке клинической эффективности методов нейродинамического восстановления, в частности, их влияния на регуляцию активности симпатической нервной системы и связанных с ними физиологических реакций. Данные работы демонстрируют факт того, что снижение нервного напряжения способствует облегчению болевой симптоматики, улучшению кровообращения и регуляции мышечного тонуса [13].

Текущее состояние знаний подчеркивает факт того, что нейродинамическое восстановление является многообещающим, но недостаточно изученным и используемым в клинических алгоритмах ведения пациентов.

Метод нейродинамического восстановления в России был разработан доктором психологических наук, автором уникальной методики "Психология нейродинамического нарушения и психической деятельности", основателем образовательной платформы Yagudinmetod, Д.Р. Ягудиным. По мнению исследователя, основной задачей нейродинамического восстановления считается восстановление у пациента основных связей между телом и знанием, оказывающее положительное влияние на его психоэмоциональное и физиологическое состояние [14].

Данный метод можно считать новаторским и передо-

вым подходом к лечению у пациентов расстройств психосоматического характера, так как он объединяет в себе и психические, и физические терапевтические компоненты.

Необходимо справедливо отметить, что данное инновационное направление в современной психотерапевтической и медицинской практики имеет большое значение, так как позволяет улучшить качество жизни пациентов, которые страдают от ряда сложных заболеваний.

При разработке методики нейродинамического восстановления Д.Р. Ягудин опирался на научные труды таких знаменитых физиологов, как М.Р. Могендович и И.В. Темкин [15], И.М. Сеченов [16], И.П. Павлов [17]. Эти исследователи внесли существенный научный вклад в понимание основных механизмов в сфере рефлекторных взаимодействий в человеческом организме.

Так, И.И. Павлов в собственных научных трудах доказал физиологическую основу психики и разработал типы высшей нервной системы, что оказало большое воздействие в развитие нейропсихологии [18]. И.М. Сеченов открыл в ЦНС явление торможения [19].

Подавляющее большинство больных с функциональными расстройствами наблюдаются и получают лечение либо у неврологов, либо у врачей общей медицинской практики. Доминирование в клинической картине астении, болевых и вегетативных синдромов, скрытый характер эмоциональных расстройств нередко побуждает врачей использовать в терапии преимущественно соматотропные препараты: гипотензивные и вегетотропные препараты, анальгетики, сосудисто-метаболическую терапию, антиоксиданты, адаптогены и т. д. И только в случае явных эмоциональных расстройств в терапию могут быть включены транквилизаторы. Подобная терапия нередко оказывается неэффективной, подрывая веру больного в возможность излечения и способствуя хронизации процесса.

По мнению Д.Р. Ягудина, существующие результаты исследований и анализ клинических случаев пациентов, позволяют сделать вывод о том, что использование методики нейродинамического восстановления в таких случаях способствует улучшению психоэмоционального состояния.

Многочисленные исследования были сосредоточены на проверке клинической эффективности нейродинамической терапии, в частности, ее влияния на регуляцию активности симпатической нервной системы и обусловленных ее активацией физиологических реакций. Результаты работ свидетельствуют о снижении нервного напряжения, обеспечивающего облегчение боли, улучшение кровообращения и нормализацию регуляции мышечного тонуса [20].

Актуальность использования методики нейродина-

мического восстановления в нейрореабилитации подтверждается такими зарубежными исследователями, как S.K. Sisson, C. Manning, B.C. Baker, C.A. Burnett, C. Morgan, R. Parish [21], R.E. Atkinson, A.R. Wright [22], A.B. Schmid, G. Baskozov, M. Stewart, A.C. Themistocleous, M. Tachrount, E. Sierra-Silvestre [23] и другими.

В то же время все исследователи сходятся во взглядах, что влияние нейродинамического восстановления на симпатическую нервную систему является сложным и не до конца изученным направлением, при этом результаты различаются в зависимости от конкретного используемого метода нейродинамической терапии [24].

Одним из перспективных и уникальных направлений нейродинамической терапии является методика «Нейрообаяние». Она активирует механизмы нервной системы, выводит из циклического состояния и возвращает человеку способность чувствовать и проявлять эмоции радости, счастья и удовлетворения.

Методика позволяет одновременно работать с психикой и телом клиента, что меняет привычные паттерны поведения и создает внутренние опоры личности.

По мнению Ягудина Д.Р., любая эмоция сопровождается движением. Именно на данном постулате базируется суть методики нейрообаяние. Невыраженные эмоции (стресс и другие) через движения создают предпосылки к блокированию их внутри организма.

В последние десятилетия пристальное внимание исследователей привлекают так называемые зеркальные нейроны, которые обнаружены у животных и человека.

К настоящему времени выделены три вида зеркальных нейронов: «двигательные», «коммуникативные» и «эмоциональные», которые отличаются выполняемыми функциями и локализацией. Именно посредством зеркальных нейронов, морщины и напряжение в лице, непрожитые эмоции транслируют в мир состояние человека. Со временем непрожитые и невыраженные эмоции превращаются в рефлекс. Физически это начинает проявляться болями, зажимами, деформациями и ограничением движения [25].

Следует обратить внимание на функциональность сети «зеркальных нейронов» (сеть сознания), что позволяет проследить на практике восприятие человеком значимых эмоциональных стимулов (лицо, движение), которые он автоматически моделирует в своем сознании психическое состояние другого.

Зарубежные авторы M. Bimbi [26] и J.T. Krautheim [27] подчеркивают важность «зеркальных нейронов» с целью полного осознания, восприятия эмоций и эмоционального состояния одинаковых ситуаций разными людьми,

что можно выявить благодаря мимической мускулатуре.

С психологической точки зрения человек начинает жить внутри установок, не проявляя себя. В некоторых ситуациях человек даже с психологической точки зрения, живет чужой жизнью и терпит неудачи, когда пытаемся чего-то добиться. Подавленные эмоции и чувства создают внутренние конфликты, которые реализуются в соматические проблемы со здоровьем. В ряде случаев они сопровождают такие заболевания, как расстройство вегетативной нервной системы, патология со стороны желудочно-кишечного тракта, гипертоническая болезнь и др.

Российские авторы Л.С. Бондарь [28] и В.В. Воловов [29] пишут в своих трудах о лицевой экспрессии эмоции, что имеет сложную анатомо-физиологическую организацию и мозговое обеспечение. Исследователи выделяют взаимосвязанную работу десятков лицевых мышц, лицевого и тройничных нервов, мозговых образований лимбической системы, гипоталамуса, неокортекса, позволяющие образовать морфофункциональные ансамбли в реализации функциональных систем, которые оказывают прямое влияние на выражение чувств и психо-эмоциональных состояний. В работе У.Д. Бабкиной отмечается прямая связь мимики и нейродинамики, автор указывает на сложное нейрофизиологическое обеспечение мимики, при нарушении которого требуется глубокое изучение и практические консультации [30].

Нейрообаяние - это единственная методика, которая запускает механизм нервной системы, выводит из циклического состояния и возвращает человека к доступности чувствовать и проявлять эмоции радости, счастья, удовлетворения, через одномоментную работу с психикой и телом.

Суть методики сводится к коррекции деформаций лица, морщин и напряжения, с одномоментной разблокировкой эмоциональных блоков. Формируется новая трансляция состояния через зеркальные нейроны, развивается эмоциональный интеллект, доступность для человека радости, счастья и удовольствия от жизни.

Использование метода «Нейрообаяния» (Свидетельство о государственной регистрации базы данных №2024623947 от 05 сентября 2024 г), по мнению Ягудина Д.Р., способствует достоверному улучшению показателей по опроснику САН (самочувствие, активность, настроение). Положительная динамика (статистически значимая) зарегистрирована по показателям психо-эмоционального состояния и уровню адаптации организма. При этом повышение уровня адаптации коррелирует со стабилизацией нейро-функционального состояния человека.

Методика «Нейрообаяния» не конкурирует с другими подходами. Она прекрасно дополняет привычные инстру-

менты и усиливает работу специалиста благодаря комплексной и одновременной работе с психикой и телом.

Необходимо справедливо отметить, что данное инновационное направление в современной психотерапевтической и медицинской практике имеет большое значение, так как позволяет улучшить качество жизни пациентов путем стабилизации их нейро-функционального состояния.

Выводы

Таким образом, в процессе проведенного исследо-

вания доказана актуальность и результативность использования методики нейродинамического восстановления, так как она позволяет использовать потенциал человеческого мозга для поддержки, восстановления и лечения пациента.

Дальнейшие научные исследования проблемы нейродинамического восстановления, будут способствовать получению новых новаторских результатов в научной среде, а также разработке новых реабилитационных техник, направленных на лечение пациентов и улучшения качества их жизни.

ЛИТЕРАТУРА

- Goswami, U. Neuroscience and Education: From Research to Practice? / U. Goswami // *Nature Reviews Neuroscience*. — 2006. — Vol. 7, № 5. — P. 406-413.
- Нейронаука, психология и образование: проблемы и перспективы междисциплинарных исследований / С.Н. Костромина, Н.В. Бордовская, Н.Н. Искра, и др. // *Психологический журнал*. — 2015. — Т. 36, № 4. — С. 61-70
- From the Brain to the Field: The Applications of Social Neuroscience to Economics, Health and Law / G. Kedia, L. Harris, G.-J. Lelieveld, L. van Dillen // *Brain Sciences*. — 2017. — Vol. 7, № 8. — P. 94.
- Can Neuroscience Assist Us in Constructing Better Patterns of Economic Decision-Making? / G. Lăzăroiu, A. Pera, R.O. Ștefănescu-Mihăilă, et al. // *Frontiers in Behavioral Neuroscience*. — 2017. — Vol. 11.
- Krueger, F. Toward a Model of Interpersonal Trust Drawn from Neuroscience, Psychology, and Economics / F. Krueger, A. Meyer-Lindenberg // *Trends in Neurosciences*. — 2019. — Vol. 42, № 2. — P. 92-101.
- Chandler, J.A. Neurolaw Today — A Systematic Review of the Recent Law and Neuroscience Literature / J.A. Chandler, N. Harrel, T. Potkonjak // *International Journal of Law and Psychiatry*. — 2019. — Vol. 65, № 1.
- De Brigard, F. Neuroscience and Philosophy / F. De Brigard, W. Sinnott-Armstrong // Cambridge, MA; London, England: MIT Press. — 2022.
- Thomas, M.S.C. Annual Research Review: Educational Neuroscience: Progress and Prospects / M.S.C. Thomas, D. Ansari, V.C.P. Knowland // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. — 2019. — Vol. 60, № 4. — P. 477-492.
- Hirsh-Pasek, K. The Brain/Education Barrier / K. Hirsh-Pasek, J.T. Bruer // *Science*. — 2007. — Vol. 317, № 5843. — P. 1293-1293.
- Howard-Jones, P. Neuroscience and Education: Myths and Messages / P. Howard-Jones // *Nature Reviews Neuroscience*. — 2014. — Vol. 15, № 2. — P. 817-824. <https://doi.org/10.1038/nrn3817>
- Clement, N.D. Neuroscience and Education: Issues and Challenges for Curriculum / N.D. Clement, T. Lovat // *Curriculum Inquiry*. — 2012. — Vol. 42, № 4. — P. 534-557.
- Han, H. Connecting Levels of Analysis in Educational Neuroscience: A Review of Multi-Level Structure of Educational Neuroscience with Concrete Examples / H. Han, F. Soyulu, D.M. Anchan // *Trends in Neuroscience and Education*. — 2019. — Vol. 17, № 100113.
- Kim, H.G. Effects of the Three-Direction Movement Control Focus Complex Pain Program and Neurodynamic Focus Complex Pain Program on Pain, Mechanosensitivity, and Body Function in Taekwondo Athletes with Non-Specific Low Back Pain: A Preliminary Study / H.G. Kim, J.H. Jung, S.U. Bae // *Healthcare*. — 2024. — № 12. — P. 422.
- Ягудин, Д.Р. Метод нейродинамического восстановления как эффективный способ возвращения человеку отфильтрованных нейронов восприятия / Д.Р. Ягудин // *Психология. Серия: Познание*. — 2024. — № 1. — С. 57-59
- Могентович, М.Р. Физиологические основы лечебной физкультуры // *ЛФК и массаж* / М.Р. Могентович, И.В. Темкин // *Лечебная культура и массаж*. — 2006. — Vol. 33, № 9. — С. 61-63.
- Сеченов, И.М. Рефлексы головного мозга / И.М. Сеченов. — М.: АСТ, 2014. — 350 с.
- Павлов, И.П. Физиология. Избранные труды / И.П. Павлов. — 2-е изд., стер. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 402 с.
- Научные труды V Съезда физиологов СНГ, V Съезда биохимиков России, Конференции ADFLIM. — *Acta Naturae* | спецвыпуск Том 1 — Под ред. А.И. Григорьева, Ю.В. Наточина, Р.И. Сепиашвили, А.Г. Габиева, В.Т. Иванова, А.П. Савицкого. 2016. — 244 с.
- Иван Михайлович Сеченов — выдающийся русский физиолог, основатель медицинской психологии как науки / О.С. Ковшова, Л.А. Взорова, Е.Г. Курбатова, И.А. Генералова // *Медицинская психология в России*. — 2016. — №5. — С. 1-1.
- Comparative Effects of Neurodynamic Slider and Tensioner Mobilization Techniques on Sympathetic Nervous System Function: A Randomized Controlled Trial / C. Papacharalambous, C. Savva, C. Karagiannis, et al // *J. Clin. Med.* — 2024. — №13. — P. 5098.
- Practice patterns in the conservative treatment of carpal tunnel syndrome: Survey results from members of the American Society of Hand Therapy / R. Parish, C. Morgan, C.A. Burnett, et al. // *J Hand Ther.* — 2020.
- Wright, A.R. Carpal Tunnel Syndrome: An Update for the Primary Care Physician / A.R. Wright, R.E. Atkinson // *Hawaii J Health Soc Welf.* — 2019.
- Mechanisms of neurodynamic treatments (MONET): a protocol for a mechanistic, randomised, single-blind controlled trial in patients with carpal tunnel syndrome / E. Sierra-Silvestre, M. Tachrount, A.C. Themistocleous, et al. // *BMC Musculoskeletal Disorders*. — 2024.

24. Effects of Neurodynamic Mobilization on Health-Related Quality of Life and Cervical Deep Flexors Endurance in Patients of Cervical Radiculopathy: A Randomized Trial / S. Rafiq, H. Zafar, S.A. Gillani, et al // BioMed Res. Int. – 2022. № 9385459
25. Роль зеркальных нейронов в интерпретации действий и намерений // Вестник Томского государственного университета / Ю.В. Бушов, В.Л. Ушаков, М.В. Светлик // Биология. – 2021. – № 56. – С. 86-107.
26. Simultaneous scalp recorded EEG and local field potentials from monkey ventral premotor cortex during action observation and execution reveals the contribution of mirror and motor neurons to the mu-rhythm / M. Bimbi, F. Festante, G. Coudé // Neurolmage. – 2018. – № 175. – P. 22-31.
27. Intergroup empathy: Enhanced neural resonance for ingroup facial emotion in a shared neural production-perception network / J.T. Krautheim, U. Dannlowski, M. Steines // Neurolmage. – 2019. – № 194. – P. 182-190.
28. Бондарь, Л.С. Физиологические и психофизиологические процессы формирования эмоций / Л.С. Бондарь, К.Б. Богрова // Вестник психофизиологии. – 2018. – № 4. – С. 15-21.
29. Воловов, В.В. Феномен лицевой экспрессии в психологии / В.В. Воловов // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 388. – С. 211-218.
30. Бабкина, У.Д. Физиологические основы восприятия человеком собственного лица (обзор) / У.Д. Бабкина // Журн. мед.-биол. исследований. – 2019. – Т. 7, № 1. – С. 79-91.

© Кюршева Екатерина Александровна (Kyuursheva@gmail.com), Рыжова Елена Геннадьевна (tutchev-gracia@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЖАН-ЭТЬЕН ДОМИНИК ЭСКИРОЛЬ: ПРЕДШЕСТВЕННИК КОРРЕКЦИОННОЙ ПСИХОЛОГИИ

JEAN-ETIENNE DOMINIQUE ESQUIROL: THE FORERUNNER OF CORRECTIONAL PSYCHOLOGY

D. Prichina

Summary: The article provides a general overview of the works and professional results of Jean-Etienne Dominique Esquirol in the context of the development of modern correctional psychology through the prism of a socio-cultural approach. Special attention is paid to the criteria of personal development of people with disabilities from the point of view of the ICF (International Classification of Functioning).

Keywords: correctional pedagogy and psychology, Jean-Etienne Dominique Esquirol, people with disabilities.

Причина Дарья Юрьевна

*Аспирант, Институт коррекционной педагогики;
специалист по социальной реабилитации, Московский
городской центр реабилитации
virtualist@mail.ru*

Аннотация: В статье предлагается общий обзор трудов и результатов профессиональной деятельности Жан-Этьен Доминика Эскироля в контексте развития современной коррекционной психологии через призму социокультурного подхода. Особое внимание уделяется критериям личностного развития людей с ограниченными возможностями здоровья с точки зрения МКФ (Международная классификация функционирования).

Ключевые слова: коррекционная педагогика и психология, Жан-Этьен Доминик Эскироль, люди с ограниченными возможностями.

Введение

Господствующий в современной науке биопсихосоциальный подход лежит в основе всей коррекционной педагогики и психологии, но мало кто связывает его формирование с именами родоначальников европейской психиатрии (Гиппократом, Авлом Корнелием Цельсом, М. Фуко [4], Ш. Лепуа (Ф. Пинелем, В. Гризингером, Б.Ф. Платтером [5]) и, в частности, Жан-Этьеном Домиником Эскиролем, в то время как его творчество сосредоточилось на систематизации психических заболеваний и исследованиях их классификации. Автором обращено внимание, что именно Жан-Этьен Доминик Эскироль заложил основы профессионального психиатрического мировоззрения в Европе, от которого веком позже отделится коррекционная психология как самостоятельная дисциплина, а также показать, что выводы Эскироля остаются актуальными для разработки доменных критериев личностных факторов в МКФ, что до сих пор отмечает Шошмин А.В. [11, с. 344].

Методологический аппарат

Методологический аппарат представлен такими методами как анализ, синтез, сравнение, обобщение справочной и научной литературы.

Эпоха конца XVIII – начала XIX века – это время промышленной революции, перехода к капиталистической формации, а как следствие – развитию массового образования и расцвету философской науки (О. Конт, Г. Гегель) и научных открытий, что способствовало сближению науки с практикой, развитию классификаций (К. Линней),

смещению научной парадигмы в естественно-научную область и появлению подходов «соматиков» и «психиков» в психиатрии и медицине, к которым принадлежал и Эскироль.

Эскироль впервые предложил следующие организационные мероприятия, которые применяются повсюду в психиатрии:

- обходы и запись историй болезни;
- как клиницист в 1825 г. впервые предложил принцип медицинского свидетельства, — документа, по которому незаконно принудительно госпитализировать больного без его на то согласия;
- ввел дефиниции «ремиссия» и «интермиссия», при этом указал на важность измерения веса больных для диагностики и прогностики;
- выявил необходимость учитывать соматические симптомы болезней;
- классифицировал душевные болезни (липемания, мания, мономания, слабоумие, идиотизм).
- образовал первую психиатрическую школу врачей во Франции.

Вышеизложенные научные достижения нашли своё отражение в двухтомном сочинении Эскироля «О душевных болезнях». [1]

В 1832 г. организует первую колонию для душевнобольных. Условия содержания больных (прачечная, специальная мастерская) выгодно отличались от тех, какие предоставлялись запертым в камерах больным, в связи с чем первые показали гораздо большую сохранность психических функций и социальных эмоций.

В 1839 году Эскироль совместно со своим учеником – Эдуардом Сегеном (1812-1880 гг) выпустили совместную работу «Резюме нашей четырнадцатимесячной работы» в которой рассказано о врождённом и приобретённом слабоумии (амения и деменция), идиотии как когнитивном нарушении (отграничено от болезни как состояние, при котором интеллект не развился), обязательном нравственном лечении умственно отсталых детей [3], а также упоминает состояние речи слабоумных и показатели, выражающие эмоциональные качества.

Психопатология и влияние эмоций: Эскироль занимался исследованием психосоматических эффектов: страсти, изменяя эмоциональное состояние человека, влияют на нервную систему и внутренние органы, вызывая как функциональные, так и органические расстройства. Он утверждает, что тело и душа находятся в постоянной связи, и изменение одного из этих элементов неизбежно сказывается на другом. («*De l'influence des passions sur le corps et l'esprit*» - «О влиянии страстей на тело и душу», 1816 г.)

В своей главной работе «*Des maladies mentales*» (№5) (1838) [2] он предложил классификацию, основанную на клинических наблюдениях и описаниях симптомов: впервые проводятся различия между болезнями, связанными с умственными расстройствами (например, безумием), и болезнями, связанными с физическими нарушениями мозга, а также рассмотрена роль наследственности и манифестации психических заболеваний. В труде «О психических заболеваниях, связанных с установлением медицинских, гигиенических и медико-правовых отношений, в двух томах» [2]:

- представлена классификация психических заболеваний и рассмотрены причины их возникновения: биологические, генетические, социальные и психологические факторы (ввёл различие между психическими болезнями с «первичной» причиной (например, наследственными факторами) и «вторичными» (например, результат травм или инфекций).
- определена роль общества в восприятии психических расстройств;
- озвучен призыв к разрушению стереотипов и предвзятости в отношении людей с психическими расстройствами.

Жан-Этьен Эскироль явился одним из первых сторонников гуманистического подхода и предшественников биопсихосоциальной модели в современной коррекционной психологии. Актуальность его идей для современной науки на современном этапе законодательно закреплена в Диагностическом и статистическом руководстве по психическим расстройствам (DSM-5) и в МКБ-10, в частности - классификация психических заболеваний: идеи труда «*Des maladies mentales*» (1838) нашли своё

воплощение в разделении всех видов психических расстройств на различные категории, такие как:

- Ограниченные расстройства, когда человек сохраняет сознание, но страдает от различных психических нарушений (например, депрессии, тревожных расстройств);
- Обострения психозов, при которых наблюдаются более серьезные нарушения восприятия и мышления, например, при шизофрении. Также современной классификацией является МКФ (международная классификация функционирования), в которой приведены современные методы оценки состояния, функционирования и ограничений жизнедеятельности пациентов, мониторинга динамики заболевания и оценки результатов работы реабилитационной команды (чем не сравнение с наблюдением за возможностями каждого пациента и знаменитой фермой Эскироля, где каждый выполнял посильные обязанности?)

Принцип феноменологического (описательного) подхода как выделение сущностных черт прослеживается и в трудах современных коррекционных педагогов, в частности, в диссертации к.п.н. С.В. Волковой («Феноменология фонематических нарушений при афазии у детей старшего дошкольного возраста на этапе восстановительного обучения») [6].

Российская научная школа современной психиатрии закрепила разделение психических заболеваний на органические (которые имеют физическую природу) и функциональные (связанные с нарушениями психической функции), и углубила классификацию психических заболеваний органической природы на: деменции; дефицитарные органические психические расстройства; органические психотические расстройства; органические аффективные расстройства; органические личностные расстройства.[7]

Помимо этого, отголоском идеи Эскироля об разграничении идиотии и умственной отсталости долгое время служила классификация МКБ-9, ныне устаревшая, по которой психиатры долгое время выделяли четыре степени умственной отсталости: легкая (дебильность), умеренная, тяжелая, глубокая (идиотия).

Наследником может также служить этиопатогенетическая классификация Г. Е. Сухаревой. В её основу положены критерии времени поражения и особенностей патогенного воздействия. Все формы олигофрении делятся на три группы: олигофрении эндогенной природы, обусловленные поражением половых клеток родителей; олигофрении, обусловленные внутриутробным поражением зародыша или плода; олигофрении, обусловленные вредностями, воздействующими на ребёнка во время его рождения или в раннем детстве. [8]

Современная патопсихология (Гиндикин В.Я., Семке В.Я., Зейгарник Б.В., Изард К.Э., Исаев Д.Н., Карвасарский Б.Д.) развивает идеи Эскироля о влиянии эмоций, где акцентирована связь между психическими и физическими реакциями тела, необходимость соблюдения психогигиенической культуры и развития превентивной психиатрии.

Эскироль был одним из первых, кто начал активно использовать труд и работу в коммуне как подход в лечении пациентов в психиатрических учреждениях. Максимальную реализацию данный подход переживает уже позже, в эпоху расцвета коррекционной педагогики и специальной психологии – трудах Ж. Итара (воспитание «Айверонского дикаря»), Э. Сегена, Л.С. Выготского, К. Левина, А.Н. Граборова – основоположника советской научной школы олигофренопедагогики, Е.А. Стребелевой – идеолога научной школы дошкольной олигофренопедагогики современной России.

Создание необходимых гуманных условий для лечения жизнедеятельности пациентов с ментальными нарушениями находит своё отражение в концепции инклюзивного общества [9], методе трудотерапии, организации трудового обучения и воспитания обучающихся с выраженными нарушениями интеллекта [10]. Идея Эскироля о значении социальной среды для восстановления психического здоровья и социальной реабилитации имеет особое значение в современном контексте. Коррекционная психология сегодня активно решает проблемы социальной стигматизации и изоляции людей с психическими расстройствами – эти идеи способствовали развитию инклюзивной и реабилитационной психиатрии.

Сегодня, в эпоху молекулярной биологии, исследования наследственной предрасположенности к психическим заболеваниям, таким как шизофрения или депрессия. Примером применения этой идеи в современности является использование генетических тестов, скринингов и анализа для выявления предрасположенности к психическим расстройствам и разработки индивидуальных планов лечения.

Помимо этого, современных диагностических системах (DSM-5 [12], МКБ-11 [13]) различные типы психозов (например, шизофрения, биполярное расстройство с психотическими проявлениями, делириум) рассматриваются отдельно от других заболеваний, что позволяет более точно подходить к лечению и прогнозированию заболевания.

Личностные факторы понимаются автором через личностные достижения, как степень сформированности личности, отдельных её свойств или психических функций, образа взаимодействия с окружающим миром, степени обучаемости и адаптации своего поведения и мышления в соответствии с изменяющимися условиями.

В основе такого определения лежит гуманистический подход и биопсихосоциальная модель Л.С. Выготского.

1) Классификация психических заболеваний: важным аспектом является то, что классификация Эскироля помогла выделить, какие нарушения относятся к интеллектуальным и провести анализ взаимовлияния интеллекта и аффективной сферы [15], что может говорить о том, что эмоции как составляющие мотивационного компонента позволяют оценить степень психического здоровья (в МКФ домен b152 «Функции эмоций»: специфические умственные функции, относящиеся к чувственным и аффективным компонентам мыслительных процессов.

(«Всякой ступени в развитии мышления соответствует своя ступень в развитии аффекта» [15].)

2) Роль метода в лечении психических расстройств. Вопрос снятия проблемы социальной стигматизации и изоляции людей с психическими расстройствами является основополагающим с точки зрения активного вовлечения пациента в процесс адаптации человека с интеллектуальными нарушениями в общественную жизнь и процесс обучения, трудоустройства, а значит является одним из главных факторов, без которого личностное развитие и становление собственного «я» не представляется возможным. Данный пункт позволяет выделить второй и третий критерий личностного развития – обучаемость и адаптивность человека.

4) Эскироль установил принцип коммуникативной направленности коррекционных мероприятий, который до сих пор используется в коррекционной практике, и может быть применен в моей диссертации в качестве третьего критерия личностного развития – критерия вовлечённости человека с интеллектуальными нарушениями в социальное взаимодействие.

Заключение

Анализ творчества Жан-Этьена Эскироля показал актуальность и значимость его идей для развития современной коррекционной психологии. Исследование было направлено на вычленение потенциальных критериев личностного развития лиц, имеющих ментальные и интеллектуальные нарушения.

Основными выводами исследования являются:

1. Жан-Этьен Эскироль – основоположник французской научной школы психиатрии, клиницист, сторонник гуманистического подхода и родоначальник психиатрической статистики;
2. Составил классификацию психических заболеваний, основанную на клинических наблюдениях и описаниях симптомов, разграничил психические болезни и умственную отсталость, выделил идиотию как крайнюю степень интеллектуального дефицита;

3. Принципы обследования и лечения Жан-Этьена Эскироля актуальны в рамках современной парадигмы коррекционной психологии и дефектологии (модель биопсихосоциального подхода);
4. В рамках темы моего диссертационного исследования «Корпоративный анализ критериев личностного развития лиц с интеллектуальными нарушениями» из трудов Жан-Этьена Эскироля могут быть взяты следующие критерии:

- состояние аффективной сферы;
- обучаемость и адаптивность человека с интеллектуальными нарушениями;
- вовлечённость человека с интеллектуальными нарушениями в социальное взаимодействие.

В результате проведённого исследования установлено, что все задачи были решены, а поставленные цели — достигнуты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каннабих Ю. «История психиатрии». Глава четырнадцатая. ЭСКИРОЛЬ, ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. 1. Биографические данные об Эскироле. Доклад Эскироля... // <https://www.psychiatry.ru/lib/53/book/9/chapter/40> (дата обращения: 14.11.2024)
2. Des Maladies Mentales Considerées Sous Les Rapports Medical, Hygienique Et Medico-legal, Volumes 1-2... (Etienne Esquirol) (дата обращения: 14.11.2024)
3. Замский Х.С. История олигофренопедагогики 2 - изд. - М.: Просвещение, 1980. - 398 с. (часть 2, глава 4, с 105 -106)
4. Фуко М. Психическая болезнь и личность / пер. с фр., предисл. и коммент. О. А. Власовой. Изд. 2-е, стереотип. СПб., 2010. 318 с.
5. Замский Х.С. История олигофренопедагогики 2 - изд. - М.: Просвещение, 1980. - 398 с. (часть 2, глава 4, с 8)
6. Волкова С.В. Феноменология фонематических нарушений при афазии у детей старшего дошкольного возраста на этапе восстановительного обучения: дис. на соискание степени канд. пед. наук. — Москва, 2017. — 162 с.
7. Российское общество психиатров: Клинические рекомендации. Диагностика и лечение органических психических расстройств // <https://mzur.ru/upload/iblock/cd6/Organich-psikhich-ras.pdf> (дата обращения: 19.11.2024)
8. Епифанцева Т.Б. и др. Настольная книга педагога-дефектолога // <https://sdo.mgaps.ru/books/K3/M11/p3/6.pdf> (дата обращения: 19.11.2024)
9. Словарь-справочник терминов инклюзивного и специального образования // <https://kao.kg/wp-content/uploads/2022/02/slovar.pdf> (дата обращения: 19.11.2024)
10. Организация трудового и профессионального обучения обучающихся с интеллектуальными нарушениями: методические рекомендации // https://stud.surgpu.ru/media/medialibrary/2023/05/1%09%D0%9C%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B4_%D1%80%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8_%D0%A2%D1%80%D1%83%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B5_%D0%BE%D0%B1%D1%83%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D1%81_%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%83%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%BC%D0%B8_%D0%BD%D0%B0%D1%80%D1%83%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%D0%BC%D0%B8_2.pdf (дата обращения: 19.11.2024)
11. Шомшин А.В. МКФ в реабилитации/ А.В. Шомшин, Г.Н. Пономаренко. — Изд-е 3-е перераб. и доп. — СПб.: ФНЦРИ им Г.А. Альбрехта, 2022. — 344 с. С.39 ISBN 978-5-6042965-9-2
12. Darrel A. Regier, Emily A. Kuhl, David J. Kupfer, перевод: Павличенко А.В. Редактура: Буховец И.И. DSM-5: Классификация и изменения критериев// World Psychiatry 2013, June. № 11. С. 88–94.
13. Международная классификация болезней 10-го пересмотра (МКБ-10)// <https://mkb-10.com/>
14. Эскироль, Жан-Этьен Доминик: список трудов // https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%BB%D1%8C_%D0%96%D0%B0%D0%BD-%D0%AD%D1%82%D1%8C%D0%B5%D0%BD_%D0%94%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D0%BA (дата обращения: 25.11.2024)
15. Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. - М.: Педагогика, 1983. - Т. 5., с. 254.

© Причина Дарья Юрьевна (virtualist@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНЫХ УМЕНИЙ ДЕТЕЙ С ОНР И ЗПР

Талызина Наталья Константиновна

Соискатель, Московский институт психоанализа

n.talizina@yandex.ru

FEATURES OF COMMUNICATION SKILLS OF CHILDREN WITH GENERAL UNDERDEVELOPMENT OF SPEECH AND MENTAL RETARDATION

N. Talyzina

Summary: The article presents the results of the research of the level of formation of communicative skills in children of the senior preschool age with general underdevelopment of speech and mental retardation. 40 children (20 with general underdevelopment of speech and 20 with mental retardation) were examined using the method 'Mittens'. It was found that both groups are characterised by a medium-low level of development of communicative skills, with no statistically significant differences between the groups. Psychological and pedagogical conditions of formation of communicative skills through the prism of the Gestalt-pedagogical approach are considered. The necessity of creating a developing environment with an emphasis on play activity for successful formation of communicative competence in preschool children with disabilities is substantiated.

Keywords: communicative skills, preschool age, general underdevelopment of speech, mental retardation, gestalt pedagogy, play activities, socio-communicative development, cooperation, adaptation.

Аннотация: В статье представлены результаты исследования уровня сформированности коммуникативных умений у детей старшего дошкольного возраста с ОНР и ЗПР. Психолого-педагогические условия формирования коммуникативных умений рассмотрены через призму гештальт-педагогического подхода. С помощью методики «Рукавички» было обследовано 40 детей (20 с ОНР и 20 с ЗПР). Выявлено, что для обеих групп характерен средне-низкий уровень развития коммуникативных навыков, при этом статистически значимых различий между группами не обнаружено. Обоснована необходимость создания развивающей среды с акцентом на игровую деятельность для успешного формирования коммуникативной компетентности у дошкольников с ОВЗ.

Ключевые слова: коммуникативные умения, дошкольный возраст, общее недоразвитие речи (ОНР), задержка психического развития (ЗПР), гештальт-педагогика, игровая деятельность, социально-коммуникативное развитие, сотрудничество, адаптация.

В период дошкольного детства ребенок получает разнообразный опыт, который становится заделом его будущей жизни. Способности ребенка, которые получают соответствующую стимуляцию к развитию в дошкольном возрасте, станут механизмами адаптации в школьный период и продолжат развиваться оптимально [5]. Дети должны научиться таким коммуникативным навыкам, как умение слушать, проявлять сопереживание, быть вежливым, сотрудничать, решать конфликты.

Дошкольное образование порой требует от педагогов и родителей развивать преждевременно академические навыки (чтение, письмо, счёт), что на самом деле не соответствует возможностям психофизиологии ребенка дошкольного возраста. Развивающая деятельность в детском саду, направленная на развитие умений узнавать буквы и цифры, считать, использовать прописи и решать простые задачки в качестве подготовки к высоким требованиям начальной школы, нередко осуществляется в ущерб коммуникативному развитию.

В результате недостаточности развития коммуникации дети, приходя в школу, испытывают сильные труд-

ности в адаптации к новому коллективу: не способны представиться незнакомым детям, завести дружбу, формулировать просьбы, соблюдать правила общения, решать конфликтные ситуации. Такие дети излишне ориентированы на взрослого в ситуации, когда у них возникают трудности со сверстниками, ждут, пока взрослый решит проблемы, с которыми они сталкиваются.

Дефицит социально-коммуникативных умений возможен у всех детей, и при этом всегда существенно возрастает риск социальной дезадаптации. Однако по отношению к детям с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) этот риск становится максимальным ввиду их психологических особенностей и меньших компенсаторных механизмов по сравнению с нормой.

Дети с ОВЗ, по сравнению с детьми с типичным развитием, оказываются более чувствительны к среде, в которой они развиваются и обучаются, и порой им приходится преодолевать больше испытаний в социально-коммуникативной сфере, чем обычным детям. Например, ребёнок, имеющий речевые нарушения, может быть замкнутым и отстранённым, так как он не облада-

ет навыками инициирования и поддержания диалога, эмоциональной саморегуляции, не умеет использовать юмор, самоиронию в ситуации и в целом испытывает трудности в процессе совместной деятельности не только с детьми, но и со взрослыми [1]. В такой ситуации, если взрослые не создадут условий для формирования социально-коммуникативных навыков у детей, возникает порочный круг, что и приведёт к более существенным проблемам в последующей жизни этого ребёнка [2].

Нами сделана попытка рассмотреть формирование коммуникативной компетентности у старших дошкольников с общим недоразвитием речи и задержкой психического развития через концепцию цикла контакта, предложенную в гештальт-терапии (P. Goodman, J. Zinker, M. Катцев, F. Perls и др.) суть которого состоит в том, что, контактируя со средой, на пути удовлетворения своих потребностей человек проходит определенные фазы цикла контакта.

Уровень состояния каждой из фаз связан и определяет возможности коммуникативной компетенции. Каждый ребенок в процессе любого общения неоднократно проходит этот цикл контакта.

«Контакт» – одно из основных понятий гештальт-терапии и гештальт-педагогике. Оно обозначает отношения между человеком и средой. Благодаря своей центральной теории «контакта» гештальт-терапия и гештальт-педагогика оказываются весьма схожи с современной психологией развития.

В гештальт-терапии «контакт» относится ко всем аспектам способов человека устанавливать контакт. Этот термин относится к проживаемому опыту отношений в повседневной жизни в пяти измерениях. Контакт в своем первом измерении означает связанность человека как экзистенциального существа в мире. Контакт в его втором измерении даёт нам понять, есть ли конкретное взаимодействие или нет. В третьем измерении контакт означает придание этому взаимодействию особой формы – стремление к контакту, возобновление, прекращение контакта, возвращение в контакт с другим. Контакт в четвертом измерении – это качество взаимодействия, например, внутренней согласованности или последовательности в отношении к чему-то или кому-то. Возможность встречи с другим, являющаяся пятым измерением контакта, является соприкосновением, личной встречей с чем-либо.

В различных аспектах и измерениях контакта формируются человеческие отношения. Переживание отношений позволяет нам пережить себя как присутствующих в мире в связи с собственным «Я», которое есть не что иное, как результат реляционного опыта. То есть не существует самоощущения без переживания мира: самосозидание и

миросозидание всегда связаны друг с другом [6].

Таким образом, контакт использует субъективную перспективу, которая фокусируется в особые эмоциональные моменты жизни человека в ситуациях коммуникации. Контакт всегда означает целостность отношения к себе, другим и миру. Мы полагаем, что контакт – важнейший аспект развития человека. Только в атмосфере контакта дети могут получить значимый опыт, который будет полезен для развития социально-коммуникативных навыков.

На основании анализа концепции цикла контакта, мы выделили критерии его оценки для детей с ОНР и ЗПР.

- особенности понимания ситуаций социального взаимодействия;
- вступление в контакт с окружающими и характер взаимодействия;
- способность к учету позиции партнера при совместной деятельности;
- владение коммуникативными умениями.

Исследование коммуникативной компетенции детей с ОВЗ мы проводили, основываясь на этом утверждении, получившем признание в науке и практике. Нами были подобраны методики, позволяющие определить уровень сформированности каждой фазы. Для этого мы опирались на четырехфазную модель P. Goodman: «преконтакт», «вступление в контакт», «полный контакт», «постконтакт».

В настоящей статье мы представим результаты констатирующего этапа экспериментальной работы, который проводился с помощью методики Г. Цукерман «Рукавички», направленной на исследование одной из составляющих коммуникативных компетенций, – навыка сотрудничества.

В эксперименте приняли участие две группы детей в количестве 40 человек, из них первая группа – дети 5-7 лет с ОНР (20 человек) и вторая группа – 20 детей с ЗПР.

Для проведения исследования дети разделялись на пары, каждому участнику пары выдавался лист с изображением одной рукавички и три одинаковых для каждого участника пары разноцветных карандаша. Количество пар рукавичек соответствовало числу пар участников. В инструкции детям сообщалось о том, что рукавичку нужно раскрасить так, чтобы в паре получилось две одинаковые рукавички. Рукавички могут быть раскрашены различными способами, но сначала детям необходимо договориться между собой – какие цвета будут использоваться и в каких местах, какие рисовать узоры.

Процедура диагностики осуществлялась в игровом формате.

Задача диагноста в этот момент – осуществлять наблюдение и оценивать сотрудничество детей.

Результат в паре оценивался по степени сходства узоров на рукавичках; процесс раскрашивания в паре оценивался с помощью следующих критериев:

- умение детей договариваться, находить совместное решение, аргументировать свою позицию;
- кооперация по ходу выполнения деятельности: обращают ли внимание на то, что рисует партнёр, придерживаются ли первоначального замысла, как реагируют на изменения;
- оказывают ли дети друг другу помощь, дают ли подсказки;
- эмоциональная окраска совместной деятельности: приносит ли она удовольствие паре, интересна ли обоим.

Исходя из критериев оценивания дети могли получить следующие баллы:

1 балл (низкий уровень): явные различия в раскрашивании рукавичек или вообще нет сходства. В процессе дети не пытались договориться, каждый делал по-своему.

2 балла (средний уровень): сходство частичное – отдельные признаки совпадают, также есть и существенные отличия.

3 балла (высокий уровень): рукавички выглядят одинаковым или имеют высокую степень сходства. Дети сообща выбирают узор для рукавичек, согласуют цветовую гамму, координируют свои действия.

3 балла получили дети, которые вежливо обращались к партнеру, объясняли партнеру свою идею, свои намерения. Говорили спокойно, не настаивая на своем выборе, выслушивали предложения партнёра. Таких детей было 5, из них 3 ЗПР и 2 с ОНР.

Дети, которые вели диалог с партнёром, знали веж-

ливые формы просьбы, но не всегда применяли их, настаивали на своем варианте, если партнёр не согласен, доказывали правильность своего выбора, получили 2 балла. Таких детей было 19 из 40, из них 8 ЗПР и 11 ОНР.

1 балл получали дети, которые не стремились к диалогу с партнёром, не могли и не пытались договориться, не использовали вежливые слова. Таких детей было 15 человек, из них 9 ЗПР и 7 ОНР.

В целях анализа результатов были использованы описательная статистика и U-критерий Манна-Уитни (данные не подчиняются нормальному распределению), чтобы понять, есть ли различия в уровне коммуникативных навыков у детей разных нозологических групп (табл. 1, табл. 2). Для наглядного восприятия данные о том, как баллы распределились по группам, представлены в виде гистограмм (рис. 1).

Таким образом, не было обнаружено значимых различий между двумя группами детей по уровню развития коммуникативных навыков, так как уровень значимости превышает значение 0,05. Исследование показало, что коммуникативные умения, как у детей с ОНР, так и у детей с ЗПР не сформированы или сформированы недостаточно, для них характерен средне-низкий уровень развития.

Вследствие этого у детей с ОНР и ЗПР может повышаться уровень социально-коммуникативной тревожности и избегание ситуаций, где необходимы навыки сотрудничества.

Мы рассмотрели также возможности развития коммуникации у детей при проведении психолого-педагогической работы с ними.

При формировании психолого-педагогических условий образовательного процесса необходимо уделять

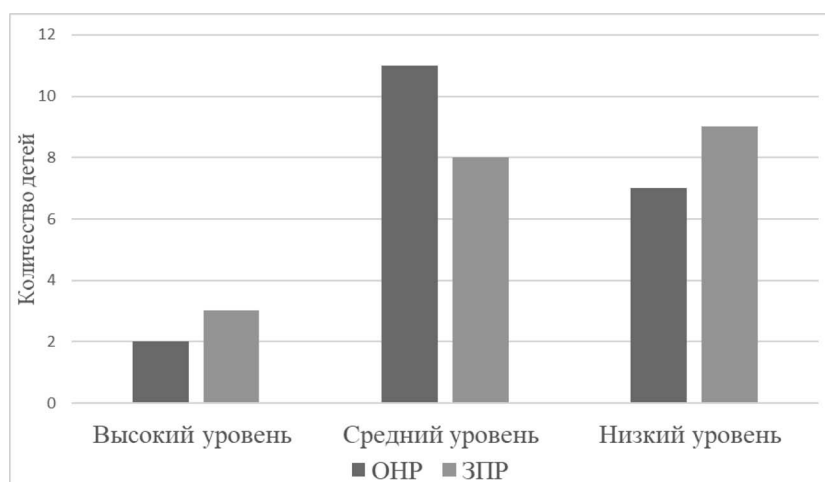

Рис. 1. Распределение количества баллов по группам.

Таблица 1.

Деление групп по уровню выполнения и процент от общего количества.

	ОНР	% ОНР	ЗПР	% ЗПР
Высокий уровень выполнения (3 б.)	2	5%	3	7,5%
Средний уровень выполнения (2 б.)	11	27,5%	8	20%
Низкий уровень выполнения (1 б.)	7	17,5%	9	22,5%

Таблица 2.

Значение средних и стандартного отклонения каждой из групп.

	ОНР	ЗПР
Кол-во детей	20	20
M	1,75	1,7
SD	0,639	0,733

повышенное внимание внедрению сюжетных игр в деятельность детей, развивать у них групповую деятельность, в которой дети могут тренировать навыки кооперации (например, вместе украсить помещение группы и т.п.), демонстрация сюжетов коммуникативных ситуаций в интерактивном формате (мультимедиа, театральные сценки, кукольный театр). Акцент должен делаться не на форсированном развитии академических навыков, а на формировании базовых коммуникативных умений - умения слушать, проявлять эмпатию, быть вежливым, договариваться, решать конфликты. Важно предоставлять детям возможность действовать самостоятельно, осваивать новые формы поведения, учиться на собственных ошибках и анализировать контекст социального взаимодействия. На занятиях следует создавать ситуации, стимулирующие речевую активность и взаимодействие между детьми, при этом не подменяя детскую активность чрезмерным вмешательством взрослого.

Для формирования и коррекции социально-коммуникативных навыков у детей следует использовать метод, который позволяет ребёнку осуществлять коммуникацию различными способами. Один из этих методов – игра. [4]. Так как игра – это ведущий тип деятельности для детей дошкольного возраста, и мотивация детей дошкольного возраста является преимущественно игровой, необходимо учитывать эти обстоятельства при создании психолого-педагогических условий формирования коммуникативных умений [3]. Через игру дети проявляют свои чувства, исследуют отношения, фанта-

зируют и достигают самореализации, игра является их естественным языком. Для многих детей игра обеспечивает контакт с другими, собой и миром даже без использования речи. Игра является эффективным инструментом формирования социально-коммуникативных умений у детей с различными речевыми, когнитивными и поведенческими нарушениями [7].

В процессе данного вида деятельности можно наблюдать за развитием ребёнка, осуществлять психокоррекцию. Оценка детской игры может дать представление о потенциальных возможностях и социально-коммуникативной компетентности. Игра способствует росту интеллектуальных, речевых, моторных и социально-коммуникативных навыков.

Таким образом можно сделать вывод, что проблемы в развитии у детей с ОНР и ЗПР негативным образом влияют на уровень развития коммуникативных навыков, при этом статистически значимых различий между группами не обнаружено. У большинства детей с ЗПР и ОНР выявлены трудности проявления инициативы и поддержания коммуникации. В большинстве случаев дети не испытывали потребности в общении, не стремились к диалогу с партнёром, не могли и часто не пытались договориться друг с другом. Это доказывает, что для эффективного коммуникативного поведения необходим достаточный уровень контактности и мотивации. Для дальнейшего успешного формирования коммуникативной компетентности необходимо создавать развивающую среду с акцентом на игровую деятельность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валявко С.М Особенности мотивации старших дошкольников с ОНР // автореферат кандидата психологических наук: 19.00.10 / Моск. гор. пед. ун-т Ком. образования Правительства Москвы. — Москва, 2006. — 24 с. С. – 4.
2. Валявко С.М. Эмоциональные переживания в ситуации речевого общения у старших дошкольников с нарушениями речевого развития // Системная психология и социология. 2014. №2 (10). – С. 6-14.

3. Лисина М.И. Общение, личность и психика ребенка // Москва: Институт практической психологии; Издательство НПО 'МОДЭК', 1997. – 384 с.
4. Kafak, H.B., Akerdi E.M., Rezaei A. The effectiveness of gestalt group play therapy on improvement of behavioural problems in preschool children // Proceedings of SOCIOINT14 - International Conference on Social Sciences and Humanities. 2014. Pp. 803-809.
5. Khoirunnisa R. Cooperative Games and Problem-Solving Abilities in Preschool Children // Conference: International Joint Conference on Arts and Humanities (IJCAH 2020). Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Vol. 491. 2020. Pp. 436-442.
6. Schübel T. The Gestalt of Gestalt pedagogy // Gestalt Theory. 46 (1). 2024. Pp. 51-62.
7. Thompson J.J. Integrating the Development of Children and Gestalt Therapy // Loma Linda. University Electronic Theses, Dissertations & Projects. 2011. Pp. 40-60.

© Талызина Наталья Константиновна (n.talizina@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOG IN THE FRAME

**L. Trubitsyna
A. Trubitsyn**

Summary: The article is devoted to the study of the influence of the presence of dogs on social perception. Considering dogs and other pets as part of our culture, the author emphasizes the insufficient attention of psychologists to this area, the study of which can make a huge contribution to understanding human relationships and family psychology, in particular. The paper describes the author's experiments to test the influence of the presence of a dog on how its owner is perceived. The results obtained suggest that the development of such studies creates a new direction in the psychology of effective engagement in negotiations, advertising and just communication. The need for future cross-cultural research in this area is emphasized.

Keywords: the relationship between people and pets, the influence of social perception, interspecific partnership, the culture of species partners.

Взаимодействия домашних животных с человеком интересуют специалистов в самых разных областях исследований: этологии [1], философии и социологии [2, 3], психологии [4], антропологии [5]. Люди часто используют собак, не давая им развиваться, не замечая, что они тоже активная часть нашей культуры – культуры не чисто человеческой, но человека и некоторых других видов. Что происходит с отношением собаки и человека сейчас? С одной стороны, развивается система законов, т.е. на правовом уровне собаке отводится некоторое место [6, 7]. Однако, если повнимательнее почитать законы, то мы увидим, что это место очень странное. Либо собака рассматривается просто как животное, без учета ее особого места в человеческой культуре. Либо искусственно ей (якобы в соответствии с религиозными требованиями) отводится место парии. Либо защитники животных начинают чуть ли не требовать отказа от породного разведения и запрета на «эксплуатацию» собак в каких-либо видах совместных занятий. Либо собака рассматривается как вещь, причем вещь опасная [8, 9]. И речь идет о требованиях по ограничению «содержания и применения» этой «вещи». Часто эта вещь сравнивается с оружием. Такое непризнание того, что собака – живое существо, вообще-то, видимо, связано с общим направлением развития (или стоит говорить – деградации) человеческой культуры. Не только в собаке, но и в собственной жизни люди перестают замечать «природную», живую часть. Земля и трава становятся «грязью», их тщательно унич-

СОБАКА В КАДРЕ

Трубицына Людмила Валентиновна

кандидат психологических наук, доцент, Институт клинической психологии и социальной работы ФГОУ ВО РНИМУ имени Пирогова (г. Москва)
trubitsyna.lyudmila2015@yandex.ru

Трубицын Андрей Валентинович

кандидат экономических наук, доцент, Московский социальный университет (МСЭИ)
atrubits2013@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению влияния присутствия собак на социальную перцепцию. Рассматривая собак и других домашних питомцев как часть нашей культуры, автор подчеркивает недостаточное внимание психологов к этой области, исследование которой может внести огромный вклад в понимание взаимоотношений людей и психологии семьи, в частности. В работе дано описание авторских экспериментов по проверке влияния присутствия собаки на то, как воспринимают ее хозяина. Полученные результаты позволяют утверждать, что развитие подобных исследований создает новое направление в психологии эффективного влияния в переговорах, рекламе и просто общении. Подчеркивается необходимость будущих кросс-культурных исследований в этой области.

Ключевые слова: взаимоотношения людей и домашних питомцев, социальная перцепция, межвидовое партнерство, культура разнообразных партнеров.

тожают, покрывая искусственными покрытиями. Дети играют и гуляют на искусственных покрытиях, опавшие листья сметаются вместе с плодородным слоем почвы (наверно, и с насекомыми) и сжигаются и т.д. Стремление к «стерильной» среде приводит к снижению иммунитета, с одной стороны, и к постепенному (но все ускоряющемуся) уничтожению собственной среды обитания.

Эти явления, по-видимому, вытекают из того не слишком удачного направления развития, по которому пошла западная цивилизация, навязывающая это направление всему миру. Сходные явления мы можем заметить и в человеческих отношениях. Забота о детях тоже превращается в заботу о вещи. Вещи, которой надо обеспечить «правильное», «соответствующее инструкции» пользование. А человеческие отношения оказываются менее значимыми. Люди рассматриваются как вполне взаимозаменяемые. Человек-владелец собаки или человек-родитель перестает рассматриваться как человек, он превращается в правильно или неправильно функционирующий предмет, в соответствии с некоторыми «правильными» требованиями. Важно не внимание и интерес друг к другу, а соблюдении правил.

Законы ради обеспечения существования государства, обеспечивающего возможности более-менее безопасного существования своих граждан, превращаются в законы, правила, нормы, отчужденные от людей и не

учитывающие того, что это люди, а не машины. Изучение же того, как мы взаимодействуем с собаками, может нам лучше помочь взаимодействовать с другими людьми и с детьми.

Интересно, что раньше собаки и люди, живя рядом, учились взаимодействовать и понимать друг друга, неосознанно учась понимать языки друг друга. Затем собаки стали рассматривать как объект дрессировки и воспитания. Теперь уже именно собака должна была, входя в человеческую культуру, учиться понимать язык людей. В результате мы до сих пор часто требуем от собак большей воспитанности, чем от людей. Именно собака должна вести себя тихо в толпе, не рычать, не лаять (а сами-то не просто шумно разговариваем, но и «рычим» друг на друга, особенно в толпе), люди стали бояться лая собак, даже радостно-восторженного, приветствующего. Отсюда и анекдотический ответ на вопрос, кто умнее – люди или собаки: «Конечно собаки, они понимают, что мы говорим, а мы не понимаем, что говорят они».

Сейчас появилось много попыток «переводить с собачьего». И снова это делается так, как будто мы живем в разных культурах. Но ведь обычно щенка еще в раннем детстве берут в семью – в семью человеческую. И люди с собаками учатся жить вместе, совершая массу ошибок, но становясь членами одной семьи и одной культуры, а не одной стаи [10]. И если рассматривать отношения в семье с учетом домашних питомцев, она будет выглядеть совершенно иначе, чем без учета их [11].

Собаки живут вместе с людьми уже десятки тысяч лет. Как ни странно, такое постоянное взаимодействие людей и собак все еще очень ограниченно исследуется психологами. Несмотря на то, что существует довольно много исследований влияния присутствия собак и кошек на людей, эти исследования все еще воспринимаются как что-то из области «забавных» и не слишком серьезных фактов, хотя экспериментально не раз показывали влияние собак и кошек на эмоциональное состояние и мотивацию [12; 13], когнитивные функции [14], здоровье, общение и т. д. [5; 15]. Можно сказать, что собаки и кошки (вероятно, и некоторые другие так называемые домашние животные) реально являются частью нашей культуры. Мы считаем, что исследования взаимоотношений с домашними питомцами могут заставить нас обратить внимание на привычные, а оттого остающиеся вне поля зрения ученых, феномены [16].

В психологии наблюдается дефицит исследований на тему влияния присутствия собак на социальную перцепцию, но есть некоторые интересные исследования на эту тему [17, 18]. Так, присутствие собаки помогает заручиться поддержкой незнакомых людей, человеку с собакой даже могут одолжить деньги. Собаки порой помогают хозяевам завести романтические знакомства: люди склон-

ны подходить первыми и знакомиться с людьми противоположного пола, гуляющими с собаками. [5; 19]. Ранее мы показали, что присутствие собаки влияет на общение людей, увеличивая частоту обращения к ее спутнику (хозяину) других людей, повышает мотивацию к общению с ее спутником (хозяином), стимулирует общение [7]. Связано ли это с привлекательностью самой собаки для обращающихся к хозяину, или же наличие собаки влияет на то, как воспринимают ее хозяина другие? Т.е. в чем причина – в том, что люди настроены на общение с собакой, или же в том, что само ее присутствие влияет на то, как воспринимается ее спутник другими людьми?

Для проверки последней гипотезы – о том, что присутствие собаки влияет на то, как воспринимают ее хозяина, мы провели два эксперимента.

В первом мы проверяли влияние присутствия собаки на фотографии на восприятие человека, изображенного рядом с ней.

Исследование влияние присутствие собаки на фотографии на восприятие человека, изображенного рядом с ней

Испытуемыми были 15 студентов первого курса факультета педагогики АСОУ, 12 женщин и 3 мужчины 18-19 лет.

В качестве стимульного материала были использованы 18 фотографий шести незнакомых испытуемым людей, трех мужчин и трех женщин. На каждой фотографии присутствовало по одному человеку в трех различных вариантах: без собаки, с немецкой овчаркой, с мальтийской болонкой. Таким образом на 18 изображениях каждый из 6 человек был изображен 3 раза, между предъявлениями каждого из типов изображений (без собаки, с овчаркой и с болонкой) проходило 7 дней. Чтобы убрать влияние порядка предъявления изображений использовался прием контрбалансировки, т.е. пакеты изображений предъявлялись в разном порядке разным испытуемым.

Для оценки отношения к изображенным в разных условиях людям использовались разработанная в Психоневрологическом институте им. В.М. Бехтерева методика «Личностный дифференциал» [20].

Результаты

Анализ результатов исследования проводился в программе SPSS с помощью критерия Вилкоксона. Несмотря на небольшую выборку были выявлены значимые различия по фактору «Сила» теста Личностный дифференциал между оценками людей с собакой и без собаки (уровень значимости $\alpha \leq 0,05$), а также между оценкой людей с большой собакой (овчаркой) и с маленькой собакой (болонкой). Наличие на фото рядом с человеком большой

собаки как бы «добавляет» ему силы, а маленькой – эту силу снижает. Таким образом, хотя инструкция предлагала оценить человека, реально респонденты оценивали пару «человек и его собака». Однако это исследование показало и недостатки в его организации. Оценки, которые давали мужчинам и женщинам респонденты различались не только по отношению к изображенным мужчинам и женщинам, но и по тому, в какую сторону менялись оценки в зависимости от породы собак рядом с мужчинами и женщинами. Таким образом, требуется более структурированное исследование. Надо отметить, что оценка неподвижных изображений также может слишком значительно отличаться от оценки реального действующего человека. Мы постарались это учесть во втором исследовании.

Исследование влияния присутствия собаки в кадре на оценку социально-психологических качеств выступающего

Мы проверяли гипотезу о том, что присутствие собаки в кадре влияет на оценку социально-психологических качеств выступающего.

Методика «Личностный дифференциал» была дополнена тестом межличностных отношений Лири [20]. Исследование также проводилось на базе Академии социального управления в Москве, испытуемыми также были студенты 19-22 лет, 28 человек. В исследовании было решено ограничиться одной породой собак. Была задействована собака породы йоркширский терьер.

Для эксперимента были подобраны четыре нейтральных текста на одну тематику, которые затем читали на камеру мужчина или женщина, как без собаки, так и с собакой. Испытуемым предлагалось оценить человека на видео. Каждое из видео занимало около 2–х минут. После каждого видео респондентов просили оценить человека, которого они увидели, с помощью двух методик. Дополнительно в конце испытуемых попросили оценить собаку и ответить, какой из текстов запомнился лучше всех.

Полученные результаты подвергались математико-статистическому анализу с помощью Т-критерия Вилкоксона в программе SPSS.

Результаты

Сразу отметим, что в данном случае присутствие собаки в кадре на запоминании текста никак не сказалось, по крайней мере, по мнению респондентов. Возможно, потому, что содержание всех текстов не относилось к области интересов респондентов и было достаточно близким тематически. Однако мы не проверяли реально качество запоминания, а только субъективное мнение о нем.

При сравнении мужчины без собаки и с собакой по методике «Личностный дифференциал» были получены значимые (уровень значимости $\alpha \leq 0,05$) различия по всем трем факторам (оценки, силы и активности). Докладчик мужчина с собакой воспринимался как более привлекательный, сильный и активный. При сравнении мужчины без собаки и с собакой по тесту Лири выявлены значимые ($\alpha \leq 0,05$) различия по следующим типам отношений: подозрительный, подчиняемый, альтруистический, зависимый. Мужчина с собакой оценивался как более альтруистичный, менее подозрительный, менее подчиняемый и менее зависимый в отношении к окружающим.

При сравнении женщины без собаки и с собакой по методике «Личностный дифференциал» были получены значимые ($\alpha \leq 0,05$) различия только по двум факторам – оценки и активности. При этом докладчица с собакой воспринималась как более привлекательная и менее сильная. По тесту Лири были получены значимые ($\alpha \leq 0,05$) различия по следующим типам отношений к окружающим: агрессивный, подозрительный, дружелюбный, альтруистический. Докладчица с собакой оценивалась как менее агрессивная и подозрительная, а более дружелюбная и альтруистичная.

Таким образом, в данном исследовании мы увидели, что наличие в кадре собаки, точнее, йоркширского терьера, приводит к тому, что докладчик воспринимается не просто более позитивно, но ему приписывается и более позитивное отношение к людям. Причем важно заметить, что мужчинам и женщинам приписывается разный набор качеств.

Однако, с учетом первого исследования, можно предположить, что порода собаки будет по-разному влиять на то, как воспринимается ее хозяин и его отношение к людям. Исследование сочетания половозрастных особенностей хозяина и породы собаки может открыть новую страницу в развитии психологии эффективного влияния в переговорах, рекламе и просто общении. При этом, конечно, необходимо будет проводить кросс-культурные исследования.

Все сказанное дает основание говорить о явно недостаточном внимании психологии и психологов к огромной области психологии – психологии взаимоотношения людей и домашних питомцев – в первую очередь, собак, кошек, но возможно, и некоторых других (ранее – еще и коров, лошадей, которые также выступали в качестве партнеров человека по культуре). Сейчас такие их функции как сторож или охотник встречаются реже, более ограничены, в то время как функции собак и кошек как партнеров человека по культуре развиваются, но так и недостаточно осознаются людьми. Но при этом на них завязана значительная часть экономики (можно говорить о развитии индустрии, производящей огромное

количество продуктов и товаров для собак и кошек; от домашних питомцев часто зависит выбор и место проведения отпуска, даже иногда выбор работы; спорт с собаками, как и человеческий спорт, стал объектом большого бизнеса, причем куда более разнообразного, чем конные виды спорта, и т.д., и т.п.).

Психологические исследования в области отношений человека и его партнеров по культуре могут внести огромный вклад в исследования психологии взаимоотношений людей, в исследования и понимание психологии семьи. Введение собаки или кошки в психологическое исследование может коренным образом изменить результаты этого исследования. А так как собаки и кошки присутствуют в жизни людей очень часто, то недоучет этого факта может влиять на возможность достоверных прогнозов в психологии.

Осознание нашей культуры как культуры, включающей разнородных партнеров, помогло бы нам лучше понять и свои «внутривидовые» проблемы. Так, жестокость и нетерпимость по отношению к «чужим», «иным» в отношении собак и представителей других культур – не имеют ли они общие корни в непонимании и страхе? Может, легче учиться понимать «совсем других», от кого не ждешь собственных «правильных» ценностей и взгля-

дов. Осознав, как мы «воспитываем» собак, мы лучше поймем, что мы делаем с детьми. И так далее. Вот такой подход в начале XXI века мог бы способствовать диалогу внутри единой культуры – культуры людей разных национальностей и их партнеров по культуре разных видов.

Кстати, осознание такого партнерства помогло бы осознанно ставить и решать давно уже ставшие актуальными вопросы о культуре взаимоотношений между видами, о законах, способствующих развитию взаимодействия и взаимопонимания, а не только пытающихся «защитить» одних от других в ущерб интересам обоих видов и рассматривающих партнеров по культуре как малоценную вещь или опасное оружие, о бомжах среди людей и собак и т.д.

Понимание партнерства помогло бы осознать разные виды совместной деятельности - от совместной работы до совместного участия в шоу (выставки), занятий спортом и т.д. Пусть партнеры и не равны, но занятия с собакой и проживание собаки в семье – это не просто чудачество, заслуживающее маленького сюжета или передачи для любителей. Это серьезная многосторонняя проблема, имеющая экономические, политические, психологические аспекты, явно недооцениваемые и журналистами, и обществом в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коппингер Л., Коппингер Р. Собаки. Новый взгляд на происхождение, поведение и эволюцию собак. М.: Софион, 2004. 388 с.
2. Вин Клайв Д.Л. Душа собаки. Как и почему ваша собака вас любит. М.: Эксмо, 2019. 272 с.
3. Гийо Д. Люди и собаки. М.: Изд-во «Новое литературное обозрение», 2019. 328 с.
4. Варга А. Я., Федорович Е. Ю. Участие домашнего питомца в жизненном цикле семейной системы // Вопросы психологии. 2010. № 1. С. 56–65.
5. Херцог Х. Радость, гадость и обед. Вся правда о наших отношениях с животными. М.: Карьера Пресс, 2011. 384 с.
6. Мальцева А.Г., Ромель С.А. Домашние животные: проблемы и перспективы развития законодательства в Российской Федерации // Правовая реальность в условиях цифровизации общества. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Хабаровск, 2023. С. 275-277.
7. Быкова Т.А., Мангушева Т.С. Животные как объект правового регулирования: отдельные проблемы междисциплинарного исследования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 5 (154). С. 117-124.
8. Беляцкая А.М. Приобретение и прекращение вещных прав на домашних животных // Новеллы права, экономики и управления 2022. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Гатчина, 2023. С. 10-12.
9. Демченко Ю.Е. Животные как имущество или разумные существа по законодательству России и зарубежных стран // Актуальные вопросы современной науки и образования. Сборник статей XIV Международной научно-практической конференции. В 2 частях. Пенза, 2021. С. 83-88.
10. Boch M., Huber L., Lamm C. Domestic dogs as a comparative model for social neuroscience: advances and challenges // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. 2024. T. 162. С. 105700.
11. Трубицына Л.В., Мошало Е.В. Место домашних животных в психологической структуре семьи // Вопросы психологии. 2019. № 5. С. 57-64.
12. Butteltmann D., Römpke A.-K. Anxiety-Reducing Effect: Dog, Fish and Plant in Direct Comparison // Anthrozoös: multidisciplinary journal of the interactions of people and animals. 2014. Vol. 27, Issue 2. Pp. 267-277.
13. Трубицына Л.В. Исследование влияния присутствия (участия в деятельности) собаки или кошки на эмоциональное состояние, мотивацию и эффективность деятельности человека // Конференциум АСОУ: сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. 2016. № 4. С. 1671-1677.
14. Gee N.R., Belcher J.M., Grabski J.L., Dejesus M., Riley W. The Presence of a Therapy Dog Results in Improved Object Recognition Performance in Preschool Children // Anthrozoös: A Multidisciplinary Journal of The Interactions of People & Animals. 2012, Vol.25, Number 3. Pp. 289-300.
15. Субботин А.В., Рашевская Л.Л. Лечебная кинология. Теоретические подходы и практическая реализация. М.: Макцентр. Издательство, 2004. 158 с.
16. Трубицына Л.В. Роли и функции домашних питомцев (собак и кошек) в современной семье и культуре // Мир психологии. 2023. № 3 (114). С. 172-181.
17. Andics A., Miklósi Á. Neural processes of vocal social perception: dog-human comparative fMRI studies // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. 2018. T. 85. С. 54-64.

18. Correia-Caeiro C., Guo K., Mills D. S. Visual perception of emotion cues in dogs: a critical review of methodologies // *Animal Cognition*. 2023. Т. 26. № 3. С. 727-754.
 19. Gray P.B., Volsche S.L., Garcia J.R., Fisher H.E. The Roles of Pet Dogs and Cats in Human Courtship and Dating // *Anthrozoös: A multidisciplinary journal of the interactions of people and animals*. 2015. Vol.28, Issue 4. Pp. 673-683.
 20. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., 2002. 490 с.
-

© Трубицына Людмила Валентиновна (trubitsyna.lyudmila2015@yandex.ru), Трубицын Андрей Валентинович (atrubits2013@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СЦЕНАРИЕВ УПРАВЛЕНИЯ ВОЗМОЖНОСТЯМИ В КРИЗИС

Хамзина Юлия Сергеевна

Аспирант, Тюменский государственный университет

y_pe@mail.ru

THEORETICAL UNDERSTANDING OF OPPORTUNITY MANAGEMENT SCENARIOS IN CRISIS

Yu. Khamzina

Summary: The article is devoted to the theoretical analysis of opportunity management scenarios in crisis conditions through the lens of the leader's consciousness and actions. Based on philosophical and psychological concepts (Epstein M.N., Leontiev D.A., Brudny A.A., Asmolov A.G., Dotsenko E.L.), three opportunity management scenarios are identified: «Inevitable», «Possible», and «Impossible», corresponding to types of leaders - manager, innovator, and visionary. In the first scenario, «Inevitable», perceptions of available opportunities are generated based on past experience. In the second scenario, «Possible», the individual relies not only on experience but also on probabilities, sometimes very weak ones. In the third scenario, «Impossible», the leader operates on impossibilities. Their choices are not determined by anything; they act based on free will. It is demonstrated how differences in the semantic and ontological spaces of leaders determine their strategies, motivation, and outcomes in overcoming crises.

Keywords: space of the possible, capability management scenarios, types of leaders, opportunity management, opportunity matrix.

Аннотация: Статья посвящена теоретическому анализу сценариев управления возможностями в условиях кризиса через призму сознания и деятельности руководителя. На основе философских и психологических концепций (Эпштейн М.Н., Леонтьев Д.А., Брудный А.А., Асмолов А.Г., Доценко Е.Л.) выделены три сценария управления возможностями: «Неизбежное», «Возможное» и «Невозможное», соответствующие типам руководителей - менеджеру, новатору и визионеру. В первом сценарии «Неизбежное» представления об имеющихся возможностях генерируются на основе прошлого опыта. Во втором сценарии «Возможное» человек опирается не только на опыт, но и на вероятности, иногда на очень слабые вероятности. В третьем сценарии «Невозможное» руководитель работает на невозможностях. Его выбор ничем не детерминирован. Он действует на основе свободной воли. Показано, как различия в семантическом и онтологическом пространствах руководителей определяют их стратегии, мотивацию и результаты преодоления кризиса.

Ключевые слова: пространство возможного, сценарии управления возможностями, типы руководителей, управление возможностями, матрица возможностей.

Введение

Современная экономика, которая характеризуется высокой динамичностью и неопределенностью, регулярно ставит руководителей перед необходимостью преодолевать кризисные ситуации. В таких условиях ключевым ресурсом становится не столько доступ к материальным активам, сколько способность управлять возможностями – трансформировать потенциальные шансы в конкретные действия. Однако эффективность этого процесса во многом определяется особенностями сознания руководителя. В этом процессе важную роль играет рефлексивное сознание, именно оно позволяет перейти от детерминированности к режиму самодетерминации и реализовывать новые возможности через цепочку “возможное – осмысленное – должное – цель – действие” [1].

Для изучения процессов реализации возможностей требуется идентифицировать сценарии управления возможностями и рассмотреть, что происходит в сознании руководителя, почему одни возможности обнаруживаются и реализуются, а другие остаются нереализованными.

Цель данной статьи – провести теоретический анализ управления возможностями в кризисных ситуациях через призму семантики и онтологии руководителя и выделить сценарии управления возможностями в кризис. Результаты работы могут быть использованы для подготовки руководителей к эффективному преодолению кризисов через трансформацию личностных, командных и организационных аспектов деятельности.

Семантика и онтология управления возможностями

Пространство возможного можно мыслить двойным образом - как семантическое и как онтологическое пространство [2]. Семантическое пространство отражает представления философов о *возможном* и раскрывает соотношение между *возможным* и другими модусами бытия – “Действительное”, “Необходимое”, “Потенциальное”, “Вероятное” [3] (рис. 1).

В *действительном* заложена семантика реализованных возможностей, оно наполняет субъект деятельности уверенностью и направляет внимание к новым *возмож-*

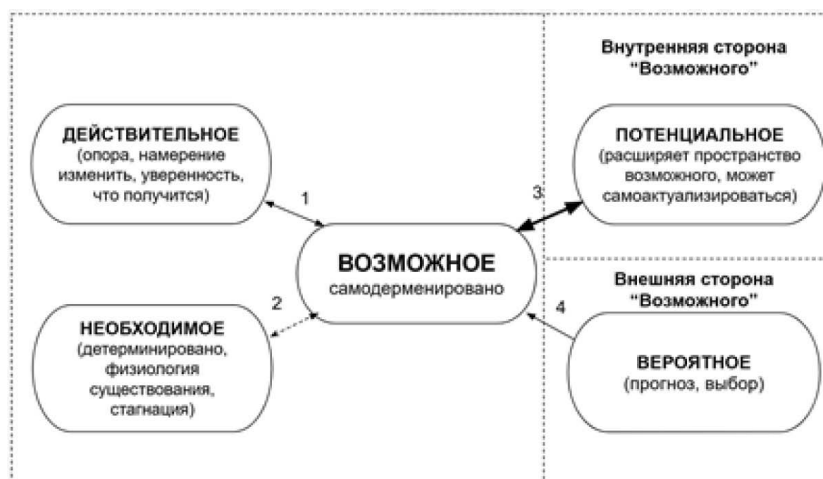

Рис. 1. Семантическое пространство "Возможного".

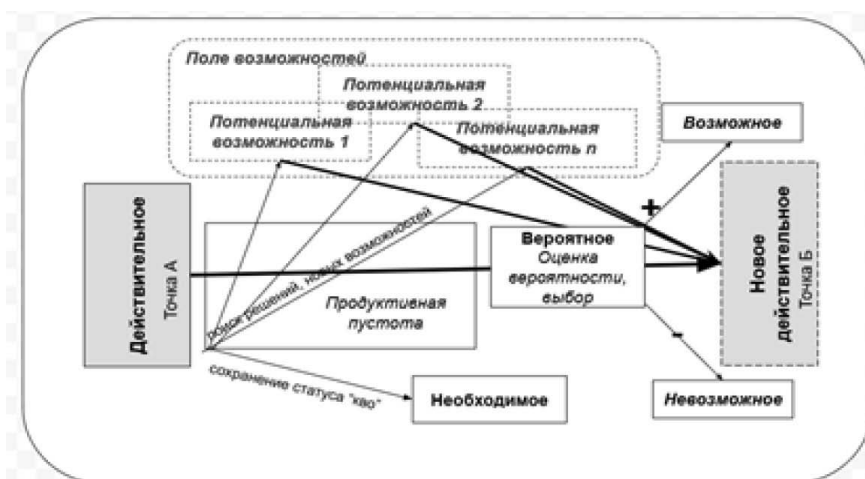

Рис. 2. Онтологическое пространство "Возможного"

ностям. *Возможное* состоит из множества *потенциальных*, которые расширяют пространство в сравнении с *необходимым*, которое это же пространство сужает. *Вероятностное* является внешней стороной *возможного*, показывает, насколько *возможное* может стать *действительным*. Оно играет важную роль в процессе отбора потенциальных возможностей [2].

Опираясь на работы Леонтьева Д.А. о новой "возможностной" теории личности [1] и Брудного А.А. о матрице возможностей [4], мы добавили к семантическому пространству процессы, которые отражают онтологию реализации возможностей (рис. 2).

Представленная схема иллюстрирует механизм выявления возможностей, основанный на динамике человеческой деятельности. В каждый момент времени субъект пребывает в *действительном*, насыщенном уже реализованными возможностями и достигнутыми результатами. Толчком к актуализации новых потенциальных возможностей служит возникновение у субъекта ранее не существовавшей потребности или цели,

что формирует осознание разрыва между актуальным состоянием и желаемым образом «нового действительного».

Как отмечал А.А. Брудный, пространство возможностей принципиально отличается «ветвящимся многообразием, уходящим в бесконечность» [4, с. 95], представляя собой континуум из n -количества потенциальных траекторий развития. Процесс выбора подчинён двойному фильтру: рациональной оценке и вероятностному прогнозу. Согласно позиции Ж.-П. Сартра, человек актуализирует лишь те возможности, которые проходят проверку *внутренней логикой ситуации*: «Возможность, которую я делаю моей конкретной возможностью, способна появиться как моя возможность, только возвышаясь на фоне совокупности логических возможностей, которые содержит ситуация» [4, с. 113]. Сартр говорит о том, что человек свободен в своем выборе, но эта свобода всегда ограничена конкретной ситуацией. Мы не можем выбрать что-то, что противоречит логике ситуации, в которой находимся. Однако именно в рамках этих ограничений человек проявляет свою свободу, вы-

бирая одну из доступных возможностей и принимая на себя ответственность за этот выбор. Срабатывает прагматический критерий: приоритет отдаётся вариантам с максимальной субъективно оцениваемой вероятностью реализации.

Таким образом, механизм сочетает когнитивную работу по осмыслению разрыва, экзистенциальный выбор в условиях многовариантности и прагматический расчёт, обеспечивающий переход от абстрактных потенциалов к конкретным действиям.

Дифференциация сценариев управления возможностями

Пространство возможного руководителя разворачивается в онтологическом пространстве возможного (рис. 2) – как фрагмент его образа мира. Это – онтологическое пространство (реальная жизнь и деятельность в ней), в котором руководитель обнаруживает, оценивает, отбирает потенциальные возможности для превращения ранее невозможного в действительное. Мы обнаруживаем, что руководители используют как минимум три сценария (способов) реализации (развития) возможностей.

В первом сценарии матрица возможностей по Брудному А.А. сужена способом мышления самого человека, прошлым опытом, текущими потребностями самого человека, которые детерминируют его выбор. **Представления об имеющихся возможностях генерируются на основе прошлого опыта.** А значит, многие потенциальные возможности остаются для руководителя недоступными. В первом сценарии руководители ограничивают себя только наличным состоянием и поэтому выбирают *неизменность* по Мадди С. [6] (выбирают прошлый опыт, статус-кво) или остаются в *необходимом* по Леонтьеву Д.А. [1]. Руководители мыслят “Лучше синица в руках, чем журавль в небе”. “Путь наименьшего сопротивления одновременно является и путем наименьшей реализации человеческих возможностей” [1, с. 12]. Назовем первый сценарий управления возможностями - **сценарий “Неизбежное”**, детерминированный прошлым опытом, потребностями. А руководителя - **менеджером**.

Во втором сценарии человек опирается не только на опыт, **но и на вероятности, иногда на очень слабые вероятности.** Такие руководители готовы учиться, развиваться, улавливают новые возможности. Они деятельны и верят в то, что “не боги горшки обжигают”. Эти руководители выбирают *неизвестность* по Мадди С., или *возможное*, истинно человеческий уровень, по Леонтьеву Д.А. Таких руководителей Розин М.В. называет “оппортунистами” [7] (от слова opportunity - возможность) - они открывают возможности не только для себя, но и для своих команд. Назовем второй сценарий управления возможностями - **сценарий “Возможное”**,

детерминирован оценкой вероятностей, а руководителя – **новатором**.

В третьем сценарии руководитель работает на не-возможностях. Его выбор ничем не детерминирован. Он действует на основе свободного конструирования или автономии по Леонтьеву Д.А. [1] Он руководствуется аргументом “почему бы и нет”. Кроме воспроизведения прошлого опыта, развития в пределах вероятного, но возможного пути, они готовы конструировать новое, начинать с нуля. Это и есть высшее проявление предметной самореализации. Опредечение себя, в некотором смысле обессмерчивание себя. Я буду бессмертен, потому что создал то, что другие даже не мыслили, что считали невозможным.

Таких руководителей Розин М.В. называет “визионерами” [7]. Их часто называют сумасшедшими, они рвутся вперед, “горячие”. Они часто выглядят, как неприспособленные, но это потенциал преадаптивности [8]. Они способны делать то, о чем другие не мыслят. У них нет шор, ограничений. Они мыслят “кто, если не я?”, “невозможное возможно”. Они чувствительны к невозможному и этим расширяют свое пространство возможного: “Возможно только то, что мы воспринимаем, как возможное. Незамеченный шанс не становится реальной возможностью, и открытие смысла приводит к огромному расширению того, что возможно для человека” [9, с. 115].

Цивилизация развивается, когда в ней есть чувствительность к иному, чувствительность к невозможному [10]. Руководители, которые действуют по данному сценарию меняют жизни не только свою, своих команды, но и жизни других людей, которые ничего и не знают об их существовании. Назовем третий сценарий управления возможностями - **Сценарий “Невозможное”, детерминированный свободной волей**, а руководителя – **визионером**.

Заключение

В статье рассмотрены семантические и онтологические аспекты управления возможностями, что позволило выделить ключевые механизмы и сценарии реализации потенциала в условиях кризисных ситуаций. Пространство возможного представлено как двойственная конструкция, включающая семантическое и онтологическое измерения. Семантическое пространство отражает философские представления о возможном, его связи с другими модусами бытия (действительным, необходимым, потенциальным, вероятным), а онтологическое пространство раскрывает процессы реализации возможностей через динамику человеческой деятельности.

На основе анализа работ Леонтьева Д.А., Брудного А.А. и других исследователей предложена модель, которая интегрирует семантику и онтологию возможного.

Эта модель демонстрирует, как субъект актуализирует новые возможности через осознание разрыва между текущим и желаемым состояниями. Процесс выбора возможностей не всегда подчиняется двойному фильтру: рациональной оценке и вероятностному прогнозу, что позволяет перейти от абстрактных потенциалов к конкретным действиям. Наблюдаются феномены в которых, выбор ничем не детерминирован и является проявлением свободной воли. В статье выделены три сценария управления возможностями, которые отражают различные стратегии поведения руководителей:

- Сценарий «Неизбежное» – детерминированный прошлым опытом и потребностями, где руководитель ограничивается наличным состоянием.
- Сценарий «Возможное» – основанный на оценке

вероятностей и будущем опыте, где руководитель открыт к новым возможностям и готов к развитию.

- Сценарий «Невозможное» – характеризующийся свободным конструированием и автономией, где руководитель действует за пределами общепринятых ограничений, создавая принципиально новые решения.

Предложенная модель и типология руководителей могут служить основой для дальнейших исследований в области управления возможностями, а также для разработки практических рекомендаций по повышению эффективности управления в условиях неопределенности и кризисов. В настоящее время проводится эмпирическое исследование для верификации выделенных сценариев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонтьев Д.А. Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // Вопросы психологии. 2011. № 1. С. 3–27
2. Доценко Е.Л., Хамзина Ю.С., Шаймарданова Е.В. ЛИЧНОСТЬ РУКОВОДИТЕЛЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ВОЗМОЖНОГО: ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ // Вестник Омского университета. Серия «Психология». – 2022. – № 3. – С. 6-15.
3. Эпштейн М.Н. Философия возможного. – Изд-во «Алетейя», 2001.
4. Брудный А.А. Пространство возможностей. Введение в исследование реальности. – 1999.
5. Сартр Ж.-П. Проблемы метода. М.: Прогресс, 1993.
6. Мадди С.Р. Смыслообразование в процессе принятия решений // Психологический журнал. – 2005. – Т. 26. – № 6. – С. 87-101.
7. Розин М. Стратегия чистого листа: Как перестать планировать и начать делать бизнес / Марк Розин. – 3-е изд., изм. и доп. – М.: Альпина Паблишер, 2023, – 340 с.
8. Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М. Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции // Вопросы психологии. – 2017. – № 4. – С. 3-26.
9. Леонтьев Д.А. К психологии возможного: антропологический, детерминистский, аксиологический и экзистенциальный контексты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2022. – Т. 12. – № 2. – С. 111-121.
10. Александр Асмолов. Homo Complexus: индивидуальность в пространстве невозможного [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=EKAHsMxikNU> (Дата обращения 16.12.2024).

© Хамзина Юлия Сергеевна (y_re@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

САМОРЕГУЛЯЦИЯ ПОДРОСТКОВ И ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Чижова Карина Игоревна

кандидат пед. наук, доцент, Российский государственный
гуманитарный университет
Carina-7@mail.ru

ADOLESCENT SELF-REGULATION AND CHILD-PARENT RELATIONS

K. Chizhova

Summary: The article presents the results of a theoretical and empirical study of self-regulation in adolescence, as well as the relationship of self-regulation with child-parent relations. Differences in teenagers' assessment of parental interaction styles with boys and girls have been revealed. The results of the analysis of the importance of sex differences in adolescence in the development of self-regulation are presented. The article describes the psychological features of self-regulation in boys and girls, as well as analyzes the ability of adolescents to perceive parenting styles of their father and mother.

Keywords: self-regulation, emotional states, child-parent relationships.

Аннотация: В статье представлены результаты теоретико-эмпирического исследования саморегуляции в подростковом возрасте, а также связь саморегуляции с детско-родительскими отношениями. Выявлены различия в оценке подростками стилей взаимодействия родителей с мальчиками и девочками. Представлены результаты анализа значимости половых различий в подростковом возрасте в развитии саморегуляции. В статье описаны психологические особенности саморегуляции у мальчиков и девочек, а также проанализированы особенности восприятия подростками стилей воспитания отца и матери.

Ключевые слова: саморегуляция, эмоциональные состояния, детско-родительские отношения.

Проблематика саморегуляции личности в современных исследованиях представлена достаточно широко. Сегодня саморегуляцию рассматривают как единство физиологии, интеллекта, аффекта и социальных отношений, объединяя естественно-научные экспериментальные и социогуманитарные методы исследования. В психологической науке накоплено достаточно теоретических и практических исследований проблематики саморегуляции личности. Зарубежные ученые саморегуляцию исследуют в контексте волевых качеств личности, мотивации, сознательности. Исследования в области саморегуляции в российской психологии имеют давнюю и богатую историю. Отношение к этой концепции разнообразно, и в его основе лежат идеи таких ученых, как И.М. Сеченов, В.М. Бехтерев, Л.С. Выготский, Б.В. Зейгарник и О.А. Конопкин, В.И. Моросанова. Работы И.М. Сеченова непосредственно указывают на регуляторную природу психических явлений и процессов. В.М. Бехтерев выдвигал идею воли, как механизма, регулирующего психические процессы. Данные концепции развивали Л.С. Выготский и Б.В. Зейгарник, чьи выводы демонстрируют произвольный и сознательный характер саморегуляции [3]. О.А. Конопкин предлагает развернутую концепцию саморегуляции, представляя ее как системный структурный процесс активности человека. В.И. Моросанова саморегуляцию определяет как осознанный процесс внутренней психической активности человека по построению, поддержанию и управлению различными видами и формами произвольной активности, непосредственно реализующей достижение поставленных целей [6]. Она описывает комплекс стилевых особенностей саморегуляции, которые включают в

себя индивидуальные особенности регуляторных процессов, а также адекватность, осознанность, гибкость, надежность и устойчивость.

В современных исследованиях саморегуляции все чаще затрагивается проблема ее развития в подростковом возрасте. В подростковом возрасте саморегуляция выражается при помощи активности подростка, который имеет возможность регулировать свою деятельность, коммуникацию и поведение. В исследовании С.М. Воробьева и соавторов обнаружено, что мальчики более активны в планировании целей деятельности и поведения, у них выше устойчивость планов на будущее и общий уровень сформированности саморегуляции. У девочек планы формируются с ориентацией на мнение родителей, друзей и следованием за групповыми нормами и приоритетами [2].

Личность подростка становится способной регулировать свою внешнюю активность на основе внутренней активности. Поэтому в непредсказуемых и незнакомых обстоятельствах им требуется внешняя регуляторная помощь, которая способствует успешной саморегуляции. Родители могут оказать необходимую поддержку, придерживаясь определенного стиля воспитания [5]. В нашей работе саморегуляция определяется как осознанный системный процесс активности, направленный на достижение целей в различных видах деятельности. Сензитивным возрастом для завершения формирования навыков саморегуляции является подростковый возраст.

Важной средой для развития саморегуляции явля-

ется семенная ситуация, в которой формируется подросток. А.Я. Варга за основу родительского поведения в отношениях с ребенком берет родительское отношение, которое характеризуется системой чувств и поведенческих моделей, восприятием и пониманием характера ребенка [1]. С.Е. Инневаткина и Э.К. Ботова в основе эффективных детско-родительских взаимоотношений рассматривают эмоциональный контакт и сотрудничество [5]. Эмоциональное благополучие является ресурсом для личностного развития и выражается в эмпатии матери и понимании причин состояния ребенка. При этом воспитательные установки отца (симбиоз и кооперация) негативно влияют на интеллектуально развитие девочек, тогда как авторитарная гиперсоциализация влияет позитивно [4]. Поскольку детско-родительские отношения двуполарны, важно понимать не только отношение родителя к ребенку, его стиль воспитания, но отношение ребенка к взрослому. Поэтому целесообразно определять видение взаимодействия в семье со стороны детей [7].

В ходе теоретического анализа научной литературы определен недостаток описания практико-ориентированных исследований, позволяющих определить корреляты саморегуляции подростков разного пола в контексте отношений с родителями. В связи с этим возникает прикладная значимость в проведении исследования, которое направлено на определение особенностей саморегуляции подростков в контексте детско-родительских отношений и выявление взаимосвязи саморегуляции и стиля родительского отношения в подростковом возрасте.

Исследование проведено на базе средней школы, участие приняли подростки в возрасте 13-15 лет: девочки, 50 человек; мальчики, 40 человек. Большинство подростков живут в полных семьях с мамой и папой, а именно 60% девочек и 73% мальчиков. В некоторых семьях девочки (25%) и мальчики (20%) живут только с мамой, но в воспитании ребенка участвуют оба родителя. Для диагностики использовались следующие методики: опросник «Подростки о родителях» (ADOR) Е. Шафер в модификации З. Матейчик, П. Ржичан; «Стиль саморегуляции поведения» (ССП) В.И. Моросановой; методика самооценки психических состояний Г. Айзенка; опросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении Г.С. Никифорова, В.К. Васильева и С.В. Фирсова. Мы предположили специфичность взаимосвязей отношений родителей к подросткам и уровень развития саморегуляции в зависимости от пола ребенка. Кроме того, у мальчиков и девочек будет различаться уровень развития саморегуляции и оценка отношения родителей. В исследовании применялись непараметрические критерии обработки данных: критерий Манна-Уитни и коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Результаты диагностики методов воспитания роди-

телей с точки зрения подростков и сравнение в группах показало, что стиль воспитания подростков у родителей как мальчиков, так и девочек больше приближен к враждебно-подавляющему. Мальчики и девочки испытывают недостаток в позитивном интересе, эмоционально близких отношениях, доверии, поддержки и заботы. При этом достоверно, что мальчики чаще отмечают автономность матери ($p=0,001$) и директивность отца ($p=0,014$), чем девочки. В подростковом возрасте мальчики чаще ощущают диктат матери. Отцы мальчиков чаще стремятся своевременно корректировать их поведение, путем поиска оптимального решения. Девочки в подростковом возрасте чаще отмечают заботу и опеку, поощрение и внимание к ним со стороны матери. Отцы девочек реже уделяют внимание воспитанию морально-нравственных норм поведения, вероятно, перекладывают данные функции на матерей.

Сравнив показатели стиля саморегуляции в группах подростков, мы выяснили, что уровень саморегуляции выше у мальчиков по следующим характеристикам: планирование ($p=0,001$), моделирование ($p=0,001$), программирование ($p=0,012$), оценивание результатов ($p=0,006$), гибкость ($p=0,000$) и общий уровень саморегуляции ($p=0,000$). Так, у мальчиков выше способности осознанного планирования и выдвижения целей, они более гибко реагируют на изменение условий и корректируют программы действий. Тогда как девочки более зависимы от ситуации, они более импульсивны и менее критичны к своим действиям.

Сравнение результатов самооценки психических состояний в группах подростков показало, что у девочек достоверно выше уровень тревожности, фрустрированности ($p=0,001$) и ригидности ($p=0,008$). Таким образом, девочки, по сравнению с мальчиками, чаще расстраиваются из-за неудач, склонны к самокопанию и унынию. Девочки не извлекают из неудач опыт, им сложно менять привычки, они настороженно относятся ко всему новому. Мальчики более уверены в себе, чаще склонны идти на риск, быстрее адаптируются в незнакомых ситуациях.

Сравнение результатов диагностики самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении в группах респондентов показало, что у мальчиков, по сравнению с девочками, выше самоконтроль в эмоциональной сфере ($p=0,001$), в деятельности ($p=0,050$), а также общий самоконтроль ($p=0,012$). Мальчики выше, чем девочки оценивают свои способности к самоконтролю эмоциональных состояний, проявление эмоций в поведении и в общении. Также мальчики выше оценивают свои способности к самоконтролю в прогнозировании, планировании и контроле промежуточных результатов. Девочки менее склонны проверять правильность действий в процессе работы и после ее завершения, уточнять непонятные детали.

Интересны результаты анализа взаимосвязи компонентов саморегуляции и детско-родительских отношений. Выявлены как общие тенденции в воспитании мальчиков и девочек, так и специфичные связи в разных группах респондентов. (Рис. 1.)

Ощущение мальчиками помощи и поддержки со стороны матери, последовательность в применении воспитательных методов положительно сказывается на их саморегуляции в подростковом возрасте (рисунок 1). Мальчики чаще будут проявлять самостоятельность в выдвижении целей и планировании действий для их осуществления.

Дистанцированность матери может сказаться на уровне тревожности девочек, низкой самооценке и адаптивности (рисунок 1). При этом девочки, у которых матери проявляют искренний позитивный интерес будут чаще стремиться к достижению целей и не поддаваться отчаянию в случае неудач. Безоговорочный авторитет отца сказывается на способности девочек к последовательному планированию достижения целей и способности перестраивать планы в зависимости от ситуации. Также самостоятельность девочек выше, когда отцы стремятся прививать им социальные нормы и правила. (Рис. 2.)

Взаимосвязи, представленные на рисунке 2, показали значимость позитивного интереса матерей к девоч-

кам, их активного участия в воспитании детей. Также показана деструктивная роль эмоциональной холодности и отстраненности матерей, их воспитательной некомпетентности. Отметим, что у многих девочек в результате диагностики психических состояний выявлен высокий уровень тревожности, фрустрации и ригидности. Выявленные связи позволяют предположить, что сказывается враждебно-подавляющий стиль воспитания матери. Это может указывать на скрытую форму конфликта в семьях девочек с высоким уровнем тревожности и фрустрации.

Мальчики подросткового возраста, которые ощущают от матери помощь и поддержку, реже будут испытывать страх перед трудностями и избегание неудач. Агрессивность и чрезмерная строгость матерей провоцирует у мальчиков формирование фрустрации, поскольку у мальчиков не было ситуаций достижения успеха. Мальчикам, чьи отцы взаимодействуют с сыновьями строят на позициях силы, сложнее контролировать свои отрицательные эмоции гнева и агрессии в процессе общения. (Рис. 3.)

Определена значимая роль отца в развитии саморегуляции девочек подросткового возраста (рисунок 3). Важное значение имеет теплота и открытость в отношениях, а также лидерские позиции отцов для развития самоконтроля в деятельности и социального самоконтроля, а также саморегуляции у девочек в под-

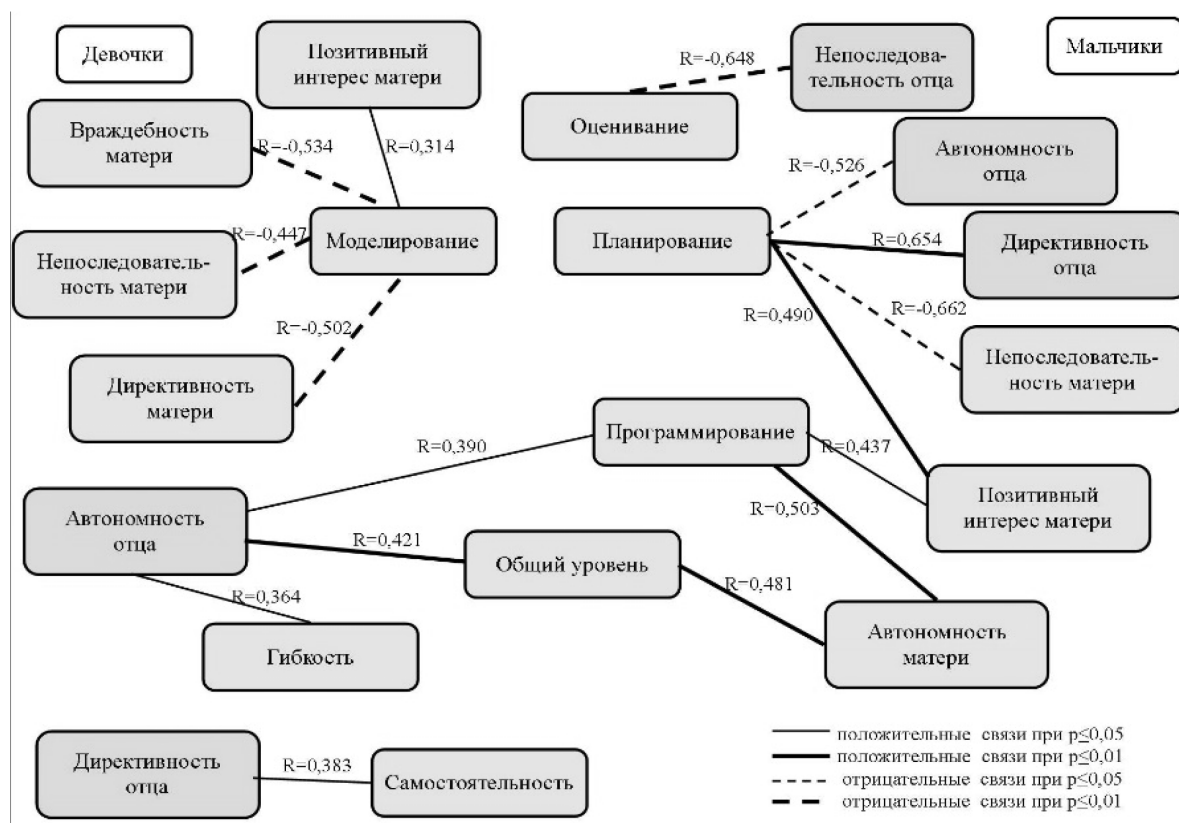

Рис. 1. Корреляционная плеяда стиля саморегуляции поведения и оценки подростками методов воспитания родителей

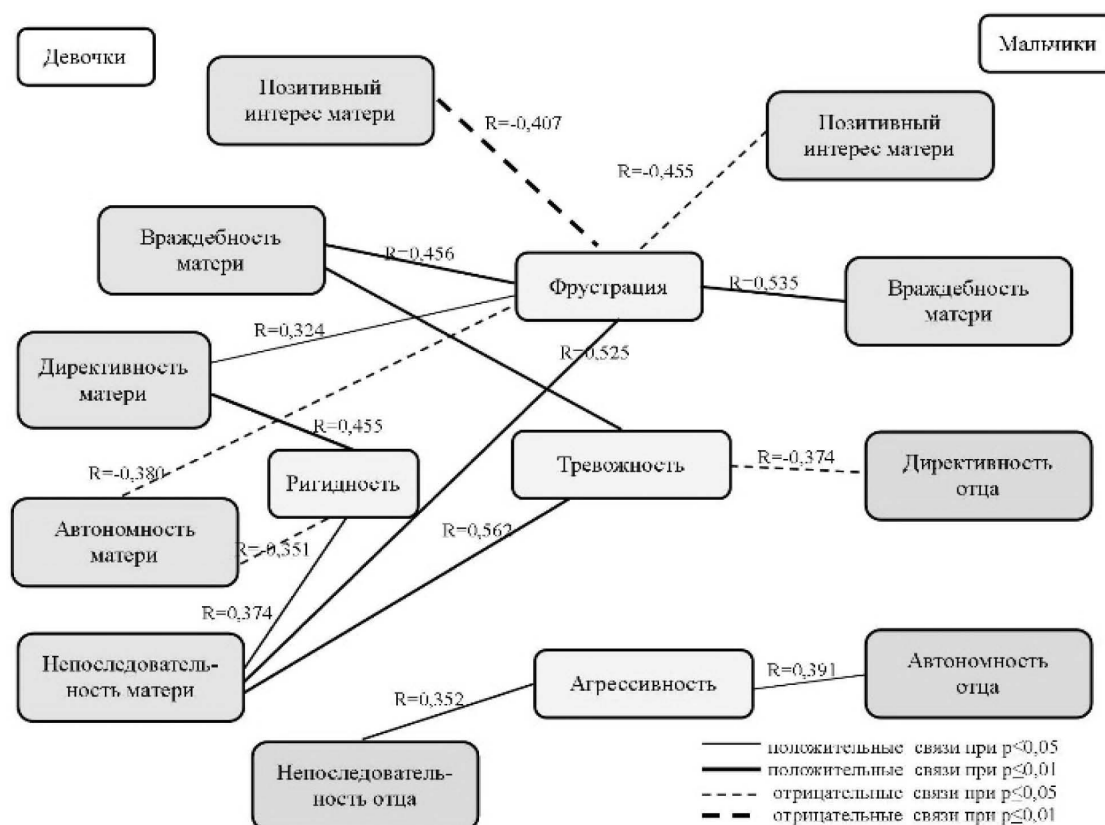

Рис. 2. Корреляционная плеяда самооценки психических состояний и оценки подростками методов воспитания родителей.

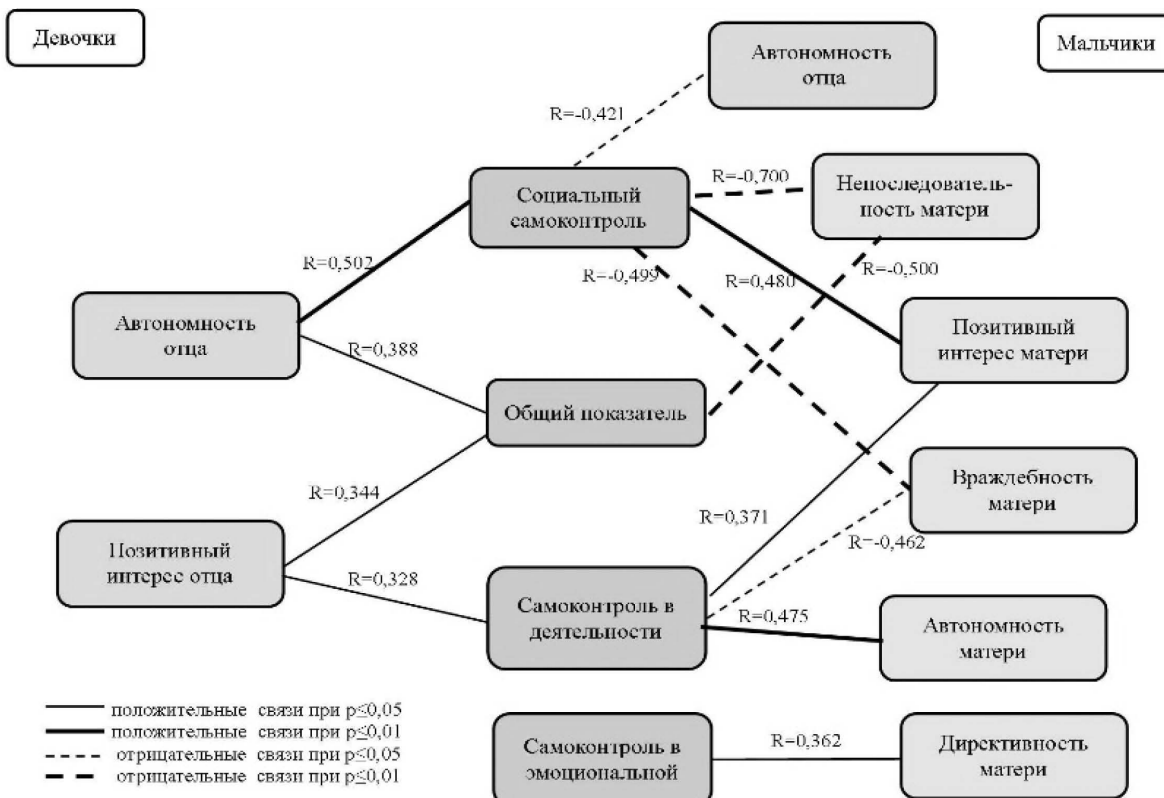

Рис. 3. Корреляционная плеяда самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении и оценки подростками методов воспитания родителей

ростковом возрасте. Отмечается роль отца в морально-нравственном воспитании девочек, что способствует их самостоятельности и четкому пониманию социальных норм поведения.

Мальчики, которые ощущают помощь и поддержку матерей чаще демонстрируют сформированность навыков продумывания действий, контроль результатов своей деятельности. Тогда как у требовательных матерей сыновьям сложно контролировать свое поведение в процессе межличностного и межгруппового взаимодействия, а также оценивать результаты своей деятельности. Автономность и отгороженность матери можно рассматривать как воспитание самостоятельности и предоставление подростку возможности самому планировать свою деятельность и отвечать за ее результаты. Подростки, чьи матери непоследовательны в воспитании, испытывают сложности с выдвижением реалистич-

ных и устойчивых целей и в контроле своего поведения в процессе общения. Формальное отношение к воспитанию мальчиков со стороны отцов сказывается на их низкой социальной адаптации.

В.И. Моросанова [6] предлагала рассматривать осознанную саморегуляцию как «метаресурс» для преодоления негативных и стрессовых состояний. Полученные нами результаты корреляционного анализа показали, что данная особенность саморегуляции больше характерна для мальчиков. Мальчики подросткового возраста, которые освоили приёмы осознанной саморегуляции (планирования, моделирования, контроля и оценки результатов своей деятельности) демонстрируют более высокую самооценку, не теряются перед трудностями, демонстрируют легкую переключаемость с одного вида деятельности на другой, а также легче адаптируются в новой обстановке и сближаются с новыми людьми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варга А.Я. Современный ребенок. Энциклопедия взаимопонимания. – Изд-во: Фонд научных исследований «Прагматика культуры». 2016. – 640 с.
2. Воробьев С.М., Гапонова С.А., Девятьярова И.Н. Особенности компетенции саморегуляции подростков – мальчиков и девочек с нормативным и девиантным поведением // Человек: Преступление и наказание. 2022. № 3. С. 425-434.
3. Выготский Л.С. Собрание сочинений // Проблемы развития психики: собр. соч.: в 6 т. Т. 3 / под ред. А.М. Матюшкина. – М.: Педагогика, 2021. – 369 с.
4. Головей Л.А., Савеныхева С.С., Василенко В.Е. Детско-родительские отношения в стабильные и кризисные периоды детства // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 2. С. 32-43.
5. Косаревская Т.Е., Бекренева Ю.В. Личностные ресурсы саморегуляции поведения // Материалы XXII научно- практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов в 2 томах 2017. – С. 18–19.
6. Моросанова О.А. Осознанная саморегуляция как метаресурс достижения целей и разрешения проблем жизнедеятельности // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2021. № 1. С. 3-37.
7. Чижова К.И. Проблемы детско-родительских отношений подростков в контексте психологического консультирования. // Актуальные социально-гуманитарные исследования и технологии: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции.// – Белгород, 2021.-с.110-116.

© Чижова Карина Игоревна (Carina-7@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛЮБОВЬ КАК ОСНОВА ПРАВА И СПРАВЕДЛИВОСТИ В УЧЕНИИ ИИСУСА ХРИСТА

LOVE AS THE BASIS OF LAW AND JUSTICE IN THE TEACHING OF JESUS CHRIST

E. Vasilyeva

Summary: Love has always been regarded as a deep feeling, a pronounced disinterested attitude of a person to other people. It is not surprising that in his teaching, Jesus Christ paid special attention to love and the power contained in this emotion. Proceeding from this, Jesus formulated his teaching largely on the command of Christians to love their neighbor, regardless of his nationality and social status. Subsequently, this was reflected in the legal system, which was built in the form of commands to believers. It should be particularly noted that the manifestation of love for other people in this aspect acted as a principle of fair relationships between people, when a person is initially perceived from a positive point of view without negative prejudices based on indicators such as his social status.

The purpose of this study is to identify the special role of love in the teaching of Jesus Christ as an important factor under the influence of which the concepts of law and justice were formed. To achieve this goal, the author examines how Jesus regarded the right and what he called Christians to.

Keywords: justice, law, Christianity, Jesus Christ, love.

Васильева Евгения Николаевна

доктор искусствоведения, кандидат юридических наук,
почетный член Российской академии художеств, юрист
коллегии адвокатов «Гриднев, Харитонов и Партнеры»,
(г. Москва)
catarsis394@gmail.com

Аннотация: В своем учении Иисус Христос обратил особое внимание на любовь и сформулировал свое учение основываясь на провозглашенной им заповеди «Возлюби ближнего своего». Проявление любви к другим людям в данном аспекте выступало как принцип справедливых взаимоотношений между людьми, независимо от социального статуса и этнического происхождения человека.

Искупительная жертва Иисуса Христа ознаменовала новую эпоху, в которой любовь к ближнему и праведность должны были стать основополагающими ориентирами в человеческой жизни. Заповеди Христа были тем цивилизационным стержнем, который позволил состояться современному христианскому обществу в том виде, в котором оно существует в настоящее время. Целью данного исследования является выявление особой роли любви в учении Иисуса Христа как фактора, под воздействием которого были сформированы базовые понятия о праве и справедливости.

Ключевые слова: справедливость, право, христианство, Иисус Христос, любовь.

Иисус процитировал Исаию 61:1–2, чтобы объявить, что спасение и искупление наконец-то пришло к израильтянам, пережившим изгнание в Вавилоне. В контексте Исаии мессианские фигуры изображаются как военные цари, сражающиеся за восстановление Израиля. Но в конце чтения этого отрывка Иисус свернул свиток, сел и провозгласил: «Ныне исполнилось писание сие, слышанное вами» (Лк. 4:21).

Этими словами Иисус провозгласил кульминацию пророческой надежды и обещания царя Давида восстановить Израиль и править народом, по справедливости, и праведности. Главная весть Иисуса заключалась в том, что в Иисусе Бог явил Свое Царство и начал править на земле. Служение, смерть и воскресение Иисуса ознаменовали Его как Личность, через Которую Царство Божье будет реализовано. Служение Иисуса среди людей было первым шагом в физическом подтверждении того, что новое Царство уже существует и скоро станет таковым (следующий шаг начнется с воскресением). Другими словами, когда Иисус исцелял

больных, прозревал слепых, очищал прокаженных и воскрешал мертвых, Он предвозвещал Царство Божье, которое является одновременно и настоящей реальностью, и грядущим обетованием. В последней главе (когда Иисус вернется) будет новое небо и новая земля, которыми будет править последний царь Давидов, Сам Иисус (Откр. 21:3). В свершившемся царстве все творение будет «освобождено от рабства тлению» (Рим. 8:21), и «не будет уже ни смерти, ни скорби, ни вопля, ни боли» (Откр. 21:4). Завершившееся Царство Божье – это окончательное исполнение самых сокровенных пророческих чаяний Израиля, прекрасное, процветающее и мирное государство, управляемое справедливым и праведным царем (Ис. 11:7–9).

Большая часть учения Иисуса касалась иудейского закона. Джон П. Мейер утверждает, что Иисус «долго и упорно размышлял о Законе Моисея и пришел к некоторым поразительным, а порой и беспрецедентным заявлениям по этому поводу»¹.

Но Иисус был не просто рассудительным раввином,

1 Meier J. Law and Love, vol. 4 of A Marginal Jew: Rethinking the Historical Jesus.

толковавшим закон². В некоторых случаях Он смело противопоставлял свое учение как Закону Моисееву, так и его толкованию в то время (см., например, Мф. 5:22, 28, 32, 34, 39, 44, касательно убийств, разводов, клятв, справедливого воздаяния и отношения к врагам). Иисус не просто комментировал Закон и делал из него выводы, но провозглашал его истинный смысл.

Евреи во времена Иисуса надеялись на приход восточного мессии или политического деятеля, который освободит их от римского владычества. Иисус отказался играть такую роль.

Справедливость была ключевой темой учения Иисуса. Если не произойдет всеобщего перелома, закон и требуемое им исполнение являются необходимыми средствами для достижения справедливости. Разработка и исполнение справедливых законов – важный способ, с помощью которого христиане могут продемонстрировать свою любовь к ближнему.

Иисус повелел своим последователям любить. Они должны были любить ближних и врагов. Иисус поставил любовь во главу закона. Любовь к Богу и ближнему – первая и вторая величайшие заповеди (Мк. 12, 28–34). Действительно, они являются основой, на которой держится закон (Мф 22:35–40). «Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки» (Мф 7:12).

Как говорит Кальвин, цель гражданского закона от Моисея заключалась в том, чтобы «сохранить ту самую любовь, которая предписывается вечным законом Бога». «Каждая нация может свободно издавать такие законы, какие она считает выгодными для себя. И все же они должны соответствовать вечному правилу любви»³.

Как уже отмечалось, главной заботой Иисуса было сердце. Одним из первых плодов преображенного Иисусом сердца должна быть искренняя забота о бедных.

Многие из самых больших несправедливостей, от которых страдают бедные слои населения в развивающихся странах, обусловлены не содержанием их законов. Их законы запрещают рабство, вымогательство, захват земель, торговлю людьми, детский труд и проституцию, но никто не следит за соблюдением этих законов⁴.

В основе закона должна лежать христианская ценность – любовь. Если наша цель – христианская любовь, следует разработать юридические практики и институты с целью нравственного и духовного улучшения в интере-

сах пострадавших граждан.

Законы формируют хорошие и плохие привычки, которые становятся добродетелями и пороками – хорошими и плохими моральными привычками.

Закон Моисея требовал от евреев любить своих соседей. Он предписывал земледельцам разрешать беднякам собирать урожай на окраинах своих полей (Лев. 23:22), потому что это научит их любить и быть щедрыми к бедным. Требуя прощать и делиться друг с другом, они, вероятно, научат своих граждан любить ближних.

Однако возможности воздействия закона на личность существенно ограничены. Нравственность – это, прежде всего, внутреннее дело, выбор правильных поступков по правильным причинам. Тем не менее, закон может успокоить людей, ограничить контроль над их страстями и дать им возможность ценить добро⁵.

Иисус критиковал «добрых людей», таких как фарисеи и законники, и принимал в друзья отверженных, таких как грешники, блудницы и сборщики налогов, не делая между ними различий. Для праведников наградой было то, чем они наслаждались, – «они получили награду свою» (Мф. 6:5, 16); Иисус подружился с раскаявшимися сборщиками налогов и блудницами и простил их. Иисус не только любил и прощал «плохих людей», он учил, что его последователи должны поступать так же; они должны любить своих врагов и прощать тех, кто их обидел (Мф 5:38–48; 18:21–22).

Как отмечает Джеффри Мерфи, христианская любовь – это «не запрещение наказания как такового, это запрет наказания из ненависти или других мстительных страстей». Иисус призывает к справедливости и любви. Оба понятия имеют отношение к закону, но многие комментаторы находят между ними противоречие. Согласно одному из определений, справедливость дает людям то, что они заслуживают, в то время как любовь приносит им лучшее, независимо от того, заслуживают они этого или нет. При этом Иисус учил, что в личных отношениях любовь важнее справедливости.

Должны ли люди отстаивать свои права, если они столкнулись с несправедливостью? В Нагорной проповеди Иисус обращается к людям, столкнувшимся с судебным разбирательством, и акцентирует внимание на сердце (Мф. 5:25–26).

Мы должны быть благожелательны или доброжелательны (εὐνοοῦν) по отношению к нашим противникам.

2 Loader W. Jesus' Attitude Towards the Law: A Study of the Gospels. Grand Rapids, 1997.

3 Calvin J. Institutes of the Christian Religion. New York, 2001. P. 490.

4 Haugen G. And Boutros V. And Justice for All: Enforcing Human Rights for the World's Poor. Foreign Affairs. № 89. 2010. Pp. 51–62.

5 George R. Making Men Moral: Civil Liberties and Public Morality. New York, 1995, p. 25.

Если мы не можем разрешить споры, то ограничиваем себя и своих противников теми решениями, которые может предложить закон и человеческая система. Иисус не говорит о том, что мы должны просто принимать требования наших оппонентов. Напротив, мы должны помнить о том, что отвечает интересам другого человека, и стремиться к его благополучию. Для этого может потребоваться, чтобы мы не уступали их требованиям⁶.

В Царстве Божьем извинения, прощение и примирение являются предпочтительными способами исправления ошибок. Призыв Иисуса к справедливости и любви к врагам приводит к проблемам как на общественном (коллективном), так и на индивидуальном уровне. Хотя некоторые ученые, в том числе богослов Корнел Уэст, утверждают, что отчаяние и гнев являются ключевыми элементами в борьбе за справедливость, Иисус призывает не поддаваться пламени гнева (Мф 5:22). Гнев дорого обходится обеим сторонам конфликта, а также обществу. Те, кто поощряет гнев, сеют ветер и пожинают бури и ураганы. Действительно, мы сейчас пожинаем это среди тех, кто отравлен гневом и обидой. Призыв Иисуса – исправлять обиды с неизменной любовью⁷.

Иисус учит, что любовь – это основа закона. Любовь

– это критерий, по которому следует судить о законе. Более того, Царство Иисуса – это, прежде всего, изменение сердца, а не применение правил. Это изменение сердца и сопутствующие ему христианские добродетели должны влиять на всю жизнь. Должны ли христиане, занимающие административные должности, иметь один ум дома и в церкви и другой – в офисе и в суде? Это не значит, что легко судить о том, какое значение имеет учение Иисуса для закона. Мы видим в этом вызов, который Иисус бросил своим последователям, занимавшимся вопросами закона.

С одной стороны, справедливость не просто совместима с любовью, но является способом проявления любви к тем, кто несет ответственность за группу. Как сказал Уильям Темпл, справедливость – это «основная форма любви в социальной организации»⁸.

История Иисуса и женщины, виновной в прелюбодеянии подтверждает, христианскую формулировку: «справедливость всегда милосердна»⁹. Расширение свободы, совместимое со справедливостью, должно быть главной целью права. Разумные законы укрепляют характер и позволяют гражданам действовать более свободно в рамках преобладания милосердия над законом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Calvin, J. Institutes of the Christian Religion / J. Calvin. – New York, 2001. – 1734 p.
2. George, R. Making Men Moral: Civil Liberties and Public Morality / R. George. – New York: Oxford University Press, 1995.
3. Haugen G. and Boutros V. And Justice for All: Enforcing Human Rights for the World's Poor / G. Haugen, V. Boutros // Foreign Affairs. – № 89. – 2010. – Pp. 51–62.
4. Loader, W. Jesus' Attitude Towards the Law: A Study of the Gospels / W. Loader. – Grand Rapids, 1997. – 58 p.
5. Meier, J. Law and Love, vol. 4 of A Marginal Jew: Rethinking the Historical Jesus. – 752 p.
6. Murphy J. Christian Love and Criminal Punishment. In: Cochran, Jr RF, Calo ZR, eds. Agape, Justice, and Law: How Might Christian Love Shape Law. Law and Christianity. – New York: Cambridge University Press, 2017. – Pp. 151–165.
7. O'Donovan O. The Desire of the Nations: Rediscovering the Roots of Political Theology. – New York: Cambridge University Press, 1996. – 304 pp.
8. Volf M. Exclusion and Embrace: A Theological Exploration of Identity, Otherness, and Reconciliation / M. Volf. – Nashville: Abingdon Press, 1996. – Pp. 35–54.
9. Willard D. Divine Conspiracy / D. Willard. – San Francisco: Harper, 1998. – 428 p.

© Васильева Евгения Николаевна (catarsis394@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

6 Volf M. Exclusion and Embrace: A Theological Exploration of Identity, Otherness, and Reconciliation. Nashville, 1996. P. 124.

7 Willard D. Divine Conspiracy. San Francisco, 1998. Pp. 147–151.

8 Murphy J. Christian Love and Criminal Punishment. 2017. P. 219.

9 O'Donovan O. The Desire of the Nations: Rediscovering the Roots of Political Theology. New York, 1996. P. 200.

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЭФФЕКТИВНОГО СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ «ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ»

Жаворонкова Галина Анатольевна

Аспирант, Российский университет просвещения
(г. Москва)

zhavoronkova.1974@inbox.ru

FEATURES OF MODERN EFFECTIVE SOCIAL CONSTRUCTION "CREATIVE PERSONALITY"

G. Zhavoronkova

Summary: The article is devoted to the analysis of the formation of ideas about the essence of creativity from antiquity to the present day. The characteristics of the main stages of the formation of the concept of «creativity» are given. If at the initial stages creativity was of a sacred nature and was considered as a divine phenomenon of transition from non-being to being, then in the Middle Ages it began to be interpreted as a divine gift to man and an opportunity for man to atone for his sin. In modern times, it is considered as a link between the world of nature and the world of spirit, that is, as a spiritual beginning and the internal state of the subject of creativity. The article provides an analysis of the views on creativity of Russian psychologists and philosophers G. Skovoroda, N. Fedorov, S.L. Frank, N. Berdyaev, V. Solovyov. Much attention is paid to the analysis of interpretations of «creativity» in the works of I. Kant and Hegel, Nietzsche, A. Bergson, neo-Kantians, and a description of the ideas on the phenomenon of creativity of modernists and postmodernists is given. The article concludes with an analysis of modern ideas of modern ideas of Russian philosophers on «creativity».

Keywords: creativity, divine creation, self-realization of creativity, spiritual essence of creativity, transcendence, deconstructivism, rhizome, alienation of creativity, creativity.

Аннотация: Статья посвящена анализу современных наиболее эффективных способов социального конструирования «творческой личности». Отчуждение рассматривается как противоположность творческой деятельности, а креативность как современная форма отчуждения творчества. Чтобы осуществить преодоление отчуждения творчества в статье обосновывается необходимость в процессе познания перейти от принципа первенства и состоятельности к коллективному творчеству на основе диалоговых форм реального общения, которое рассматривается как пусковой механизм творческого процесса. Анализируется роль знаний в процессе познания и обретения профессиональных навыков в процессе обучения приобщение к научно-исследовательской работе на коллективных началах. В статье обосновывается роль игрового начала как важнейшего элемента любого творческого процесса и формирование духовно развитого индивида средствами обращения к шедеврам классического искусства.

Ключевые слова: отчуждение творчества, творческая личность, креативность, коллективно-диалоговая форма сотворчества, фундамент знания, игровое начало творчества, духовность, нравственные ценности.

Творчество всегда было движущей силой социального развития. Сегодня, когда человечество стоит на пороге глобальных международных преобразований, возникает необходимость создать максимально эффективные способы для проявления творческих потенциалов каждого человека, так как это становится основным резервом радикальных социальных преобразований.

Отчуждение – социальное явление, которое строится на угнетении подлинных сущностных сил человека. Каждая эпоха порождает свои формы отчуждения, поэтому этот социальный феномен всегда привлекал внимание исследователей разных стран. Если К. Маркс глубоко анализирует капиталистическую форму отчуждения труда, то отечественная философия 19-20 веков делает акцент на понятии «отчуждение человека от человека».

Отчуждение проявляет свою сущность на двух уровнях –

социальном (как отрицательное явление, которое проявляется в безразличии к результатам труда) и экзистенциальном (как позитивное явление в виде защитного механизма человека от социальных проблем). Отчуждение как утрата человеком своей сущности – это прямая противоположность творческой деятельности как сущностной характеристики человеческого бытия и общества.

Творческие достижения – это всегда новая ступень прогрессивного восхождения общества. Но в условиях информационной среды формируется новая форма отчуждения творчества – креативность. Если творчество – это создание нового путём выхода за пределы реальности, то креативность – всего лишь оригинальность комбинирования того, что уже есть.

Чтобы общество осуществляло истинное развитие необходим переход на более высокий уровень разви-

тия – к «отчуждению отчуждения», от креативного к подлинному творчеству и создание эффективных способов формирования «творческой личности».

Сегодня в процессах обучения, образования, спортивного и профессионального мастерства выделение лучших обучающихся является принцип соревновательности за первенство. Но этот принцип способствует культивированию качеств индивидуализма и эгоцентризма. Ментальные основания православного мировоззрения основаны на коллективном начале. Не случайно в обычаях и традициях русского народа лежит принцип соборности, основанный на единении физических и духовных сил коллектива и девизе: «всем миром». Принцип коллективизма порождает сочувствие, солидарность, взаимопомощь, и в своей сущности является антиподом индивидуализма, который культивирует эгоцентризм. Однако, следует отметить, что принцип коллективизма не исключает проявления индивидуальных особенностей каждого его члена. Но индивидуальная неповторимость индивида в условиях коллективной деятельности дополняется качеством эмоциональной отзывчивости и взаимопомощи. В условиях коллективного творчества происходит свободное разделение ролей, и каждый член группы вносит свой вклад в общее дело. При распределении ролей он сам выбирает участок работы, который с его точки зрения он может максимально с пользой выполнять. В этом случае осуществляется совместное дополнение каждым членом группы общего результата.

Здесь учитель и учащийся проявляют себя как со-творцы, где миссия учителя – способствовать умению учащихся анализировать нужную информацию и развивать его интуитивные возможности выбирать наиболее продуктивные варианты решения проблемы, только направляя процесс творчества, а члены коллектива сами определяют свою роль в совместном процессе. При этом один из членов группы должен взять на себя ответственность стать лидером, но на основе добровольного согласия всего коллектива.

В процессе сотворчества члены коллектива вступают в диалог, который начинается с обращения к Другому. Как говорил М. Бубер: «...Я обращён к Человеку как к своему Ты» [3, с.35]. Обращаясь к Другому, индивид интересуется его внутренним миром и верит в то, что Он меня поймёт и ответит взаимностью.

Обращаясь к другому члену коллектива, индивид как бы пытается дополнить свою ограниченность, своё незнание уникальностью этого другого со-товарища по деятельности.

Диалог можно охарактеризовать как процесс конструирования себя другим человеком, когда Я нахожу его в себе, а себя в нём. А при этом в диалоге другой член

коллектива достраивает меня, добавляет мне свои знания в процессе сотворчества. Я не являюсь единственным источником творческой активности, так как моя творческая Я начинается в процессе общения со своим вторым Я. Таким образом, творческое движение Я начинает осуществляться в процессе диалога с Другим.

Характерной особенностью диалога является насыщение его силой общения, когда оба субъекта диалога не просто взаимодействуют друг с другом, а каждый субъект наполняется энергией Другого, становясь более сильным. Диалог обладает энергией коммуникации, то есть энергией диалога, получая которую субъекты творчества начинают по-новому перерабатывать полученную информацию, то есть творить. Поэтому можно утверждать, что диалог является пусковым механизмом творческого процесса. Эту диалогическую природу творчества отмечает Г.С. Батищев: «Нет на свете более творческого дела, нежели межсубъективное общение...Творчество по самой своей сути коммуникативно» [2, с. 261].

Коллективно-диалоговая форма со-творчества должна соединять задание педагога с мотивацией поиска его решения и степени готовности учащихся для его реализации.

Огромную роль в формировании творческой личности играет постижение ею системы фундаментальных знаний, так как только на их основе индивид получает возможность отбирать нужную информацию и отбрасывать ту, которая будет только уводить в сторону от исследований. Только при сочетании знаний и коллективно-диалоговой формы обработки текущей информации как отдельным членом коллектива, так и их совместного отбора в процессе общения можно наиболее эффективно решить творческую проблему.

Фундаментальные знания – это знания, накопленные человечеством на протяжении всей его материальной и духовной деятельности. Особенность этих знаний – это их систематизация и концентрированность, так как они как наиболее ценные и значимые отобраны поколениями человечества на протяжении веков. Эти знания практически не стареют, но одновременно обладают качеством дополняться новыми элементами, но которые предварительно проходят отбор на их необходимость для укрепления фундаментальности знаний.

Сегодня, однако, появляются попытки заменить в вузах системы фундаментальных знаний современными конъюнктурными учебными курсами. Так, например, философию как фундаментальное, отобранное веками знание о мире и его сущностных особенностях, убирают из процесса познания, заменяя её курсом «критическое мышление». О каком «критическом мышлении» может идти речь, если студенты ещё не сформировали свои взгляды? Их видение мира основано только на интуи-

ции. Такие учебные практики чреваты утверждением дилетантизма вместо глубинного познания формирующего истинные мировоззренческие установки, на основе которых можно определить фейковую информацию.

Для формирования творческой личности и обретения ею профессиональных навыков в процессе обучения необходимо приобщать её к научно-исследовательской работе, которая способна зародить на всю жизнь тягу к творчеству, так как порождает обретение смысла жизни и чувственное безразличие к своей деятельности, а также свою практическую нужность для общества и других людей.

Игра – это первая форма познания человеком мира [4]. Поэтому игра является наиболее действенным способом обучения и сопровождает человека на протяжении всей его жизни, хотя на каждом этапе формы игрового начала меняются, но не изменяется сама сущность игры.

Игровое начало – это важный элемент любого творческого процесса. Особое значение игра имеет в детстве, когда начинается вхождение ребёнка в социальные отношения и проявляются его потенциальные задатки. От рождения до 6-7 лет он осуществляет адаптацию к окружающей среде путём её чувственного восприятия. Существует утверждение, что первые три года проявляются индивидуальные особенности ребёнка, а затем происходит или её подавление социальной средой, или её дальнейшее развитие [1]. До трёх лет материальный и духовный миры осваиваются ребёнком изолированно. В единую систему они складываются в 3-6 лет, когда основной формой деятельности ребёнка становится игра.

В игре дети начинают заменять реальные предметы и события символическими заместителями-знаками, наделяя их смыслом и свободно их используя. Играя, ребёнок расширяет формы своего общения и личное пространство, что становится толчком для обретения навыков в проигрывании новых ролей. При этом возможность обретать новые роли ребёнок может как в реальной игре, так и виртуально в мечте или фантазии.

В раннем детстве осуществляется формирование мотивации поведения, так как умственное напряжение ребёнка ориентировано на результаты игры. Но постепенно его деятельность приобретает специализацию, и он начинает фокусироваться на конкретных предметах и ситуациях. Таким образом, деятельность ребёнка постепенно начинает переключаться с кратковременных восприятий объектов к постоянному.

В раннем возрасте ребёнка следует знакомить с народными сказками, которые в доступной форме помогают социализации и знакомят с общечеловеческими ценностями,

с которыми ребёнок начинает себя или ассоциировать, или отторгать. Сказочные персонажи в это время должны быть использованы в игре с целью его осознанной адаптации к среде. В детских яслях воспитатели также должны использовать сказочный материал использовать для подвижных игр детей и их настольных работ.

В 6-7 лет у ребёнка формируются связи между внешним материальным миром и внутренним идеальным его восприятием, когда он определяет цели своей деятельности. При этом его действия абсолютно свободны. Именно в такой свободе фантазии проявляются зачатки творческой интуиции.

Игра и обучение – основные формы деятельности детей дошкольного возраста. Но если в процессе обучения ребёнок приобретает знания путём усилия над собой, то в игре он действует свободно и раскованно. Обучение – это труд, который привлекает своим результатом, а игра – эмоциональная отдушина, дополняющая знания.

В игре можно делать то, что нельзя осуществлять в реальности. Но обучение в виде игры приносит серьёзные результаты.

Начиная с детства, индивид определяет способы оперирования с идеальными объектами как с пазлами из которых уже взрослый конструирует новые объекты, превращаясь в интеллектуальную игру, которая в сочетании с научной информацией способствует созданию новых научных идей. Новые идеи возникают в сознании творческой личности в результате использования элементов игры путём отбора в своей идеальной модели одной игровой комбинации среди вариантов решения проблемы, создавая новую информацию.

Одна из характерных особенностей игры – максимальная поглощённость ею, когда личность вдохновляется самим процессом.

В процессе игры индивид может выходить за пределы игровой ситуации, находя новые подходы аналогично состоянию трансцендирования личности в процессе творчества, когда выявляются новые смыслы и ценности. Таким образом, можно сделать вывод, что игра – это одновременно и способ, и процесс, и результат трансцендирования. Так, Т. Кун, характеризуя игру, утверждал: «в мире игры с человеком случается вдохновение, озарение, просветление и другие формы духовного и мистического опыта» [5, с. 29].

Таким образом, личность, втянутая в творческую игру, осуществляет её с огромным удовольствием, так как реализует свои интересы. Творческий индивид захвачен самым поиском наиболее оптимального результата игровой деятельности.

Но главная задача современной непрерывной системы обучения и образования связано с формированием духовно развитого индивида. Хотя вопрос, каким образом осуществить эту задачу – до сих пор остаётся нерешённой проблемой. С нашей точки зрения эту задачу можно решить, прежде всего, путём систематического знакомства с классическим искусством, начиная с детских ясель и детского сада, продолжая в школе и в вузе. А во взрослом возрасте – в процессе общения со средствами социальной информации, и, прежде всего, с телевидением и с интернетом.

Почему именно разные формы классического искусства? Потому что классика в отличие от массового искусства многозначна, так как она раскрывает разные смыслы и вызывает разные эмоциональные реакции в разное время для разного возраста, в разных ситуациях. В отличие от классического искусства, массовое искусство – одноразово и кратковременно. К нему существует привыкание и быстро рождается безразличие.

Но необходимо классическое искусство представить также в системе, то есть для каждого возраста разработать такие произведения музыкального, литературного и художественного искусства, которое с наибольшей полнотой будет понятны детям и быть связанными в единую взаимодополняемую систему. Аналогично необходимо выстраивать знакомство с классикой для разного школьного возраста. А в ВУЗах вводить курсы истории искусства.

Классическое искусство – это самый эффективный способ формирования духовной личности, так как она основана на общечеловеческих духовных ценностях и

чувственном безразличии к ним.

Кроме того, классическое искусство – это разновидность фундаментальных знаний, но если знания развивают сознание человека, то искусство формирует душу. А совместно – он участвует в конструировании личности, способной включиться в творческий процесс, получая от этого истинное наслаждение.

Задача современного общества средствами обучения и образования способствовать обретению индивидом желания постоянно самоконструировать и саморазвивать себя.

Духовность – это высший уровень человеческого бытия, проявляющий себя в постоянном самосовершенствовании. Духовность идеальна, так как сознание индивида способно выходить за пределы реальности в надприродный мир и выражать это состояние внутриличностными переживаниями [6].

Нравственные ценности – основа духовности, так как отражают сущностные универсальные законы мироздания в условиях социальной действительности. Нравственные ценности отражают сопричастность людей друг другу, их солидарности, ответственность друг за друга, а также свободное бескорыстное подчинение нравственному долгу.

Таким образом, формирование духовной личности, нацеленной на творческий поиск – это основной показатель развития общества и гарантия утверждения подлинного гуманизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баркова Л.А. Феномен материнства как духовная ценность современного российского общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 2018. – 23 с.
2. Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. СПб.: Рус. христиан. гуманитар. ин-т, 1997. – 463 с.
3. Бубер М. Я и Ты. – М.: АСТ, 2024. – 189 с.
4. Клепацкий В.В., Некрасов С.И., Некрасова Н.А. Игровое начало в науке: монография. – М.: Модуль К., 2019. – 88 с.
5. Кун Т. Структура научных революций. – М.: АСТ, 2020. – 316 с.
6. Некрасова Н.А., Некрасов С.И. Духовность: сущность и проявление: монография. – М.: Полиграф-сервис, 2014. – 130 с.

© Жаворонкова Галина Анатольевна (zhavoronkova.1974@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ГЕРМЕНЕВТИКА ТЕХНИКИ И ПРОБЛЕМА ЯЗЫКА В ФИЛОСОФИИ ХАЙДЕГГЕРА

Москвитин Валерий Александрович

Аспирант, преподаватель, БГТУ «ВОЕНМЕХ»

им. Д.Ф. Устинова (г. Санкт-Петербург)

moskvitin_va@voenmeh.ru

THE HERMENEUTICS OF TECHNOLOGY AND THE PROBLEM OF LANGUAGE IN HEIDEGGER'S PHILOSOPHY

V. Moskvitin

Summary: This article examines the dialectical interaction between the hermeneutic understanding of technology and the linguistic aspects of existence through the lens of Heidegger's philosophy. The central question is how technology, understood as a way of revealing being, relates to language, which serves as a medium in our perception and interpretation of reality. According to Heidegger's conception, technology is not merely a utilitarian toolkit; rather, it expresses fundamental aspects of being that manifest in linguistic structures and cultural contexts. Language, possessing the function of a bearer of meanings and interpretive possibilities, defines the boundaries of our perception of technological phenomena and their roles in human existence. The aim of this study is to analyze the relationship between technology and language within the context of Heidegger's philosophy, emphasizing technology as the language of being and its role in shaping contemporary ontological and existential concepts. Through hermeneutic and etymological approaches, the analysis delves into key concepts of Heidegger's philosophy, including «Gestell» and «techne». This enables a deeper understanding of how technology transforms not only our relationship with the world but also the very language itself, impoverishing it and reducing it to functional descriptions. A critical analysis of contemporary technocratic discourse is complemented by an attempt to identify opportunities for restoring a «genuine» language capable of expressing the existential complexity of human interaction with being. Therefore, it is essential to investigate how hermeneutics aids in understanding this complex synthesis and how Heidegger's interpretation of language shapes our perception of technical processes and their impact on existential dimensions. Engaging with this issue opens up the possibility of a deeper awareness of the challenges facing humanity in the context of the technological transformation of the epoch.

Keywords: Martin Heidegger, technology, Gestell, language of being, technocratic discourse, hermeneutics, techne, revealing truth, existential philosophy, philosophy of science and technology.

Аннотация: В статье рассматривается диалектическое взаимодействие между герменевтическим осмыслением техники и языковыми аспектами бытия через призму философии Хайдеггера. Центральный вопрос заключается в том, как техника, понимаемая как способ раскрытия сущего, соотносится с языком, который служит посредником в нашем восприятии и интерпретации реальности. Согласно хайдеггеровской концепции, техника не сводится к утилитарному инструментарию; напротив, она выражает фундаментальные аспекты бытия, проявляющиеся в языковых структурах и культурных контекстах. Язык, обладая функцией носителя смыслов и интерпретативных возможностей, определяет рамки восприятия технических феноменов и их роли в человеческом существовании. Целью исследования является анализ взаимосвязи между техникой и языком в контексте философии Хайдеггера, с акцентом на технику как язык бытия и её роль в формировании современных онтологических и экзистенциальных представлений. Используя герменевтический и этимологический подходы, проводится анализ ключевых понятий философии Хайдеггера, включая «постав» и «техне». Это позволяет глубже понять, как техника преобразует не только наше отношение к миру, но и сам язык, обедняя его и сводя к функциональным описаниям. Критический анализ современного технократического дискурса дополняется попыткой выявить возможности восстановления «подлинного» языка, способного выразить экзистенциальную сложность взаимодействия человека с бытием. Таким образом, важно исследовать, как герменевтика помогает понять этот сложный синтез, и как хайдеггеровская интерпретация языка формирует наше представление о технических процессах и их влиянии на экзистенциальные измерения. Погружение в эту проблематику открывает возможность более глубоко осознать вызовы, стоящие перед человечеством в условиях технологической трансформации эпохи.

Ключевые слова: Мартин Хайдеггер, техника, постав (Gestell), язык бытия, технократический дискурс, герменевтика, техне, раскрытие истины, экзистенциальная философия, философия науки и техники.

Несмотря на то, что корпус литературы, посвящённой Мартину Хайдеггеру, уже давно достиг впечатляющих масштабов, его философская мысль остаётся трудноуловимой и сопротивляется завершённости и окончательным интерпретациям. Хайдеггеровская мысль, как отмечают исследователи, «не успокаивается, хотя и кружит вокруг одного и того же», указывая на её бесконечное развертывание в пределах базовых вопросов бытия.

Вместе с тем, сложная методология Хайдеггера нередко становится ловушкой: исследователи подвержены искушению перенять его язык, методы и даже терминологию, тем самым упуская из виду такие ключевые элементы его подхода, как беспредпосылочность и предпонимание. Эти принципы играют решающую роль в адекватном осмыслении его наследия. Однако, несмотря на методологические трудности, изучение философ-

ского наследия Хайдеггера предлагает нечто большее, чем просто интерпретацию его трудов — оно открывает горизонты, позволяющие по-новому взглянуть на основы бытия, языка и техники.

Хайдеггеровская мысль предлагает радикальный пересмотр подхода к технологическому знанию. Техника в понимании Хайдеггера — это не просто инструментарий, но способ раскрытия сущего, связанный с культурными и языковыми структурами. Наука, в свою очередь, формирует свои категории в рамках тех же герменевтических процессов. Философия Хайдеггера предоставляет ключ к пониманию взаимосвязи между техникой, наукой и человеческим бытием, раскрывая, как технологические достижения влияют на экзистенциальные и этические аспекты жизни.

В итоге, наследие Хайдеггера бросает вызов современным подходам к изучению науки и техники, приглашая исследователей не только к аналитическому осмыслению, но и к переосмыслению самих оснований человеческой деятельности в эпоху технологической трансформации. Его философия требует не просто интерпретации, но активного включения в вопросы о смысле и целях научно-технического прогресса, сохраняя при этом живую и бесконечную открытость мысли [4].

В философском «лингвизме» XX века ключевым постулатом стало представление о структурном единстве мира и языка. Эти два элемента — мир и язык — взаимно определяли направления развития философских традиций того времени. Однако подходы к этому единству существенно разнились: аналитическая философия шла от языка к миру, тогда как феноменология, напротив, начинала с проблем мира и через них выходила к осмыслению языка. Это методологическое расхождение привело к различным последствиям, затронув как методы исследования, так и содержание философских выводов.

Отправные точки этих двух традиций определяли не только вектор, но и конечные результаты их философского генезиса. Феноменологическая концепция мира, которую Хайдеггер развивал уже в ранних своих трудах, рассматривала мир как медиально-трансцендентальную реальность, имплицитно задавая уникальное понимание языка. Это понимание резко контрастировало с тем, что предлагала аналитическая философия, для которой язык стал отправной точкой и ключом к интерпретации мира. В свою очередь, аналитическое понимание языка формировало характерное представление о мире как когнитивно-доступной структуре, разложимой на логико-языковые элементы. Однако такая стратегия обращения к миру в рамках аналитического подхода оказалась неспособна раскрыть радикальную природу бытия, которую стремилась исследовать феноменология.

Эти различия приобретают особую значимость в контексте философии науки и техники. Феноменологический подход, исходящий из мира как первичной данности, позволяет увидеть технику не просто как совокупность инструментов, но как медиум, через который раскрывается бытие. В то же время аналитическая философия, ставящая язык в центр исследования, рассматривает технику с позиции её формальной структуры и функциональности.

Хайдеггеровское понимание языка и мира показывает, что техника не просто служит человеческим целям, но и формирует саму возможность осмысления реальности. Технические устройства, процессы и системы становятся своеобразным языком, через который человечество взаимодействует с сущим. Однако язык — в хайдеггеровском смысле — является не просто инструментом, а носителем смысла, который задаёт рамки человеческого существования [3].

Герменевтика в своём традиционном понимании сосредоточена на исследовании устной и письменной речи, а также на интерпретации знаковых систем. Тем не менее, в эпоху, которую Хайдеггер охарактеризовал как «метафизическую», обращение к языку с герменевтической точки зрения сталкивается с серьёзными ограничениями. Основная причина этого заключается в том, что ещё с времён Аристотеля язык рассматривается как *aroprhansis*, то есть как «высказывание» — инструмент для обозначения сущего, а не как носитель или источник глубинных смыслов. В контексте философии техники стоит задуматься о том, как технология, являясь расширением языка, может трансформировать наше восприятие и интерпретацию действительности, предвосхищая необходимость переосмысления языковых структур и их роли в нашем бытии. Технология становится не просто инструментом, а средством, которое в значительной мере определяет способ нашего взаимодействия с миром и его смыслом.

Редукционистский взгляд на язык подчеркивает его функциональную роль, игнорируя его более сложную онтологическую и культурную природу. В связи с этим данный подход приводит к упрощённому пониманию технологий как лишь инструментов, несущих заданные функции. Однако, как утверждает Хайдеггер, техника не сводится только к утилитарному применению; она выступает в качестве формы раскрытия бытия. Отсюда вытекает необходимость рассмотрения того, как язык, воспринимаемый в его редукционистском аспекте, ограничивает наше восприятие технических феноменов и их места в человеческом опыте. Язык, который должен служить связующим звеном в понимании технологии, оказывается недостаточно мощным для выражения более глубоких отношений между человеком и миром техники. Это подчеркивает необходимость пересмотра герменев-

тического подхода для более полного осознания того, как техника формирует наши представления о сущности и значении бытия.

В то же время в неметафизических традициях можно встретить примеры герменевтики, которая обращается к языку как к смыслообразующей структуре. Так, индийская грамматическая традиция на протяжении веков сосредотачивалась на этимологических исследованиях, придавая значение не только словам, но и звукозначимости санскрита, даже несмотря на то, что проведённые этимологии порой носили спекулятивный характер. Особенно примечательна методика *evambhūtanaya*, разработанная в джайнистской философии, которая исследует тонкие связи между звуковой структурой и её смысловым содержанием. Эта традиция демонстрирует, как язык может быть не просто средством передачи информации, но и глубинной основой, формирующей бытие и понимание мира, подчеркивая его онтологическую значимость и роль в процессе смыслообразования [7].

Ещё более показательной в этом отношении является герменевтическая практика каббалистических школ, где язык осмысливается как средство, раскрывающее скрытые пласты реальности. Такие методы, как гематрия, темура и нотафикон, наделяют буквы и звуки сакральной значимостью. Гематрия соотносит буквы с числовыми значениями, позволяя интерпретировать тексты через числовую символику. Темура создаёт новые смыслы посредством перестановки букв, а нотафикон раскрывает глубинное значение фраз через акронимы или другие комбинации букв, выстроенные на основе толкуемых текстов [7].

Эти герменевтические подходы демонстрируют, что язык может быть рассмотрен не только как средство коммуникации, но и как инструмент структурирования и интерпретации реальности. В этом аспекте философия языка пересекается с философией науки и техники, поскольку обе дисциплины стремятся понять, как формы репрезентации (знаки, символы, формулы) определяют наше отношение к миру. Например, в науке технические символы и математические выражения выполняют функцию, схожую с гематрией или нотафиконом, выявляя скрытые закономерности и создавая новые когнитивные горизонты.

Хайдеггеровское понимание языка как «дома бытия» открывает перспективы для переосмысления технологий не просто как инструментов, но как символических и культурных систем, через которые осуществляется раскрытие сущего. Если герменевтика языка в традиционном метафизическом контексте была невозможна, то её восстановление в неметафизических парадигмах предлагает радикально новый способ осмысления научного и технического прогресса. Техника, как и язык, становит-

ся не просто способом манипуляции реальностью, но и пространством, в котором рождаются смыслы, формирующие наше отношение к сущему и определяющие перспективы человеческого существования в технологическом мире.

Философская герменевтика Хайдеггера представляет собой грандиозный проект, нацеленный на раскрытие человеческого существования через его причастность к бытию, при этом язык занимает центральное место в этом процессе. Основным инструментом такого анализа Хайдеггер делает понимание, которое он трактует не как эпистемологическую категорию, но как фундаментальный онтологический модус. В «Бытии и времени» он подчеркивает, что понимание является основой существования, заявляя: *Dasein* (человеческое бытие) «всегда уже понимает себя из своей экзистенции, из возможностей быть самим собой» [8].

В отличие от традиционного гносеологического подхода, сосредоточенного на познании и логике, Хайдеггер предлагает экзистенциальную онтологию, исследующую не познание человека, а самые основы его бытия и возможности существования, что приводит к разработке фундаментальной онтологии (*Fundamentalontologie*). Эта онтология радикально отличается от предшествующих метафизических подходов: она строится на основе нового философского метода, который выходит за пределы фиксированных сущностей и вместо этого фокусируется на особом отношении между человеком и бытием.

В фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера бытие раскрывается через призму человеческого существования, ибо сущность бытия неотделима от вопроса о том, кто есть человек. Бытие, согласно Хайдеггеру, простирается за пределы очевидного, охватывая также сокровенное и имплицитное. В этой перспективе мыслитель призывает к радикальному пересмотру самого смысла бытия, используя метод глубокого вопрошания, который выходит за рамки привычной рациональной логики. При этом язык выступает не просто средством выражения, но и инструментом постижения глубинных смыслов, становясь посредником между человеком и бытием.

Для Хайдеггера *Dasein* представляет собой уникальную форму человеческого бытия, в которой центральное место занимает концепция бытия-в-мире. Он подчеркивает, что *Dasein* «всегда уже и всегда ещё понимает себя в момент своего существования». Это понимание не является чем-то фиксированным; оно олицетворяет собой процесс — непрерывное движение к раскрытию своего бытия, которое Хайдеггер трактует как «экзистенциальное бытийное устройство, открывающее пространство практического умения быть». В этой связи понимание становится тем механизмом, через который *Dasein* по-

стигает свою сущность, связываясь с миром и реализуя своё существование [6].

Хайдеггер показывает, что понимание — это не просто когнитивная способность, а основной способ существования. Без способности понимать своё место в мире и свои возможности быть, *Dasein* теряет саму возможность существования как онтологической сущности.

Герменевтика Хайдеггера имеет глубокие импликации для науки и техники, особенно в эпоху технологического господства. Понимание, как онтологический модус, позволяет пересмотреть роль техники не как утилитарного набора инструментов, а как способа раскрытия бытия. Современные технологии становятся своеобразным «языком» бытия, через который человек взаимодействует с сущим, формирует и трансформирует своё экзистенциальное пространство.

Технические устройства и научные концепции можно рассматривать как инструменты понимания, которые, подобно герменевтическим методам, открывают новые горизонты человеческого существования. Однако Хайдеггер предупреждает о риске утраты связи между техникой и экзистенциальным пониманием: в мире, где техника сводится к функциональности, она может замкнуть человеческое бытие в рамках утилитарного мышления, исключая возможность радикального вопрошания.

Язык является одним из ключевых понятий, определяющих существование общества. Именно благодаря языку общество обретает свою идентичность и целостность. Социальность человека проявляется через его способность мыслить и выражать свои мысли посредством языка. В рамках социальной философии язык воспринимается как неотъемлемая часть общественной жизни, как феномен, который пронизывает все аспекты социального взаимодействия. Гуманитарные науки традиционно исследуют различные аспекты языка и речи, рассматривая их как объекты анализа. Однако Мартин Хайдеггер предлагает иной подход к пониманию языка. Вместо того чтобы рассматривать язык как объект изучения, он стремится раскрыть его сущностные характеристики, исследовать его глубинные корни и истоки. По мнению Хайдеггера несмотря на то, что многие дисциплины, такие как лингвистика, логика и психология, активно изучают язык, они не могут проникнуть в самую суть этого феномена. Для Хайдеггера язык не просто инструмент общения, а самостоятельная и независимая сила, которая может даже выступать в роли субъекта. Он акцентирует внимание на связи языка с бытием, подчеркивая его роль в формировании и выражении самого бытия.

Хайдеггер рассматривает язык как начало всего сущего, утверждая, что бытие невозможно без языка. Только через язык бытие становится доступным для вос-

приятия и осмысления. Этимологический анализ слов, по мнению Хайдеггера, помогает выявить их первоначальные смыслы и таким образом глубже понять природу бытия. В своих трудах Хайдеггер часто обращался к исследованию происхождения слов, стремясь раскрыть их изначальное бытийное содержание.

По Хайдеггеру, язык и речь представляют собой неотъемлемые аспекты бытия, особенно в контексте понимания *Dasein* — человеческого существования в мире. Его известное высказывание «Язык есть дом бытия» подчеркивает, что человек находит своё истинное обитание в языковом пространстве, которое выступает как основа для понимания своего существования. Мыслители и поэты, согласно Хайдеггеру, действуют в роли хранителей этого языка, осуществляя открытость бытия и придавая ему словесное выражение. Этот процесс позволяет бытию проявляться и становится возможным благодаря языку, который функционирует как мост между миром и человеческим существованием.

В рамках философии техники данный анализ поднимает важные вопросы о том, как техника может влиять на наше восприятие языка и, следовательно, на наше понимание бытия. Техника, как средство, может как обогащать, так и ограничивать наши возможности выражения и осознания бытия.

Хайдеггер радикально переосмысляет сущность языка, утверждая, что язык не просто принадлежит человеку; напротив, именно язык «говорит» через человека. Немецкая фраза *Sprache spricht* («Язык говорит») ярко иллюстрирует его концепцию языка как активного и самосущностного явления. В этой перспективе человек не выступает в роли носителя или создателя языка, поскольку язык имеет первостепенное значение по отношению к человеку. В языке происходит самооткрытие бытия. Хайдеггер утверждает: «Язык по своей сути не является ни выражением, ни деятельностью человека. Язык говорит», что подчеркивает превосходство языка над антропоцентрическим пониманием. Эта точка зрения открывает новые горизонты для осмысления отношения между языком, бытием и человеком, предлагая более глубокое понимание онтологической роли языка в процессе раскрытия мира.

Хайдеггер обращает внимание на интерессубъективный характер языка. Язык является медиатором, превращающим частное в общезначимое, индивидуальное в объективное. Это качество языка проявляется в общении, объединяющем нескольких говорящих в коллективное осмысление мира. Язык создаёт единство, формируя структуру реальности, которая становится значимой благодаря языковому выражению [5].

Переосмысляя язык как активный субъект, Хайдеггер

подводит нас к вопросу о роли языка в науке и технике. Современные научные и технические системы используют свои «языки» — математические формулы, алгоритмы, символы, которые формируют новые способы интерпретации мира. Как и в случае с естественным языком, эти символические системы не просто описывают реальность, но активно её создают.

Это означает, что техника является не просто утилитарным инструментом, но своеобразным медиатором бытия, через который формируется современная онтология. Алгоритмы, коды, инженерные конструкции — всё это становится языковыми структурами, в которых раскрывается бытие технологического мира. Однако, следуя логике Хайдеггера, мы должны осознать, что эти структуры неизбежно ограничивают наше восприятие, задавая определённые рамки для понимания реальности.

Мартин Хайдеггер погружается в исследование техники, стремясь постичь её сущностную природу, которая превосходит узкое восприятие техники лишь как орудия или средства достижения целей. Мыслитель настаивает на том, что подлинное понимание нашей связи с техникой требует выхода за пределы повседневных представлений, которые сводят технику исключительно к вопросам использования, контроля или уклонения от неё.

Хайдеггер подчёркивает: сущность техники не сводится к чему-то, что можно охарактеризовать как «техническое» в узком смысле. Это означает, что попытки определить технику исключительно через её инструментальную функцию не позволяют уловить истинной природы технического прогресса. Такое понимание он называет антропологическим, поскольку оно подразумевает доминирование человека над техникой, стремление к контролю и управлению ею.

Философ утверждает, что все попытки установить «власть духа» над техникой не только неизбежно завершаются неудачей, но и свидетельствуют о глубоком непонимании её истинной природы. Он полагает, что любая попытка свести технику к роли лишь инструмента становится неотъемлемой частью самого технического процесса и, следовательно, не способна достичь своих намерений. Таким образом, стремление подчинить технику духу оборачивается парадоксом, ведь оно лишь укрепляет существующие технические структуры, не осознавая, что сама техника уже обладает своей внутренней логикой и автономной динамикой.

В контексте философии науки и техники, утверждение Хайдеггера о том, что техника не может быть полностью подчинена человеческому волеизъявлению, находит отклик в современных дискуссиях о влиянии технологий на общество. В этом заключается сложность взаимоотношений между человеком и созданными им системами,

а также необходимость более глубокого осмысления этих отношений для гармоничного сосуществования.

Хайдеггер, подчеркивая ограниченность и производный характер инструментального понимания техники, не отрицает его «права на существование». Он признает, что инструментальное определение техники имеет свою долю правды, что подразумевает, что верное всегда фиксирует в наблюдаемом объекте элементы, соответствующие его назначению. Однако такая фиксация, несмотря на свою точность, не раскрывает истинную природу явлений. Истинное понимание техники возможно только тогда, когда мы углубляемся в её сущность, и именно в этом процессе происходит событие истины. Следовательно, простое, корректное утверждение не делает его истиной. Истина, в свою очередь, позволяет нам установить подлинные отношения с тем, что затрагивает нас своим существованием.

Таким образом, инструментальное определение техники, хотя и верное, ограничивает наше восприятие её глубинной природы. Для того чтобы приблизиться к этой сущности, необходимо преодолеть поверхностное понимание и стремиться к более глубоким истинам. Хайдеггер применяет метод, при котором «обычное» антропологическое восприятие техники как лишь средства не отвергается, а получает более глубокое онтологическое обоснование. Когда речь заходит о том, является ли техника инструментом человеческой деятельности, Хайдеггер отвечает утвердительно, но на вопрос о том, исчерпывается ли её сущность только инструментальным характером, он резонно отвечает отрицательно. Сущность техники заключается в нечто более глубоком, чем её функциональная роль, что требует от нас переосмысления её места в философии. Это позволяет нам увидеть технику не только как набор инструментов, но и как мощный фактор, формирующий наше понимание бытия и отношений в современном мире.

Техника не есть просто средство в руках человека; она — путь к проникновению за завесу неизвестного. Осознавая это, мы видим: техника превосходит рамки обыденного инструментария и открывает перед нами измерение истины. Таким образом, техника тесно переплетается с процессом обретения истины. Она служит полем для её воплощения и проявления.

В контексте техники, как пространства реализации истины, всё сущее приобретает особый статус — «наличие». Это понятие становится центральным, описывая особую форму существования объектов, которые прошли через процесс технического раскрытия. В состоянии наличия они перестают быть просто объектами внешнего мира и становятся частью открытого бытия. Техника не является инструментом, подчиненным воле человека; она — способ существования, путь к истине, который ве-

дет сущее из состояния сокрытости к свету явленности.

Техника в философии Хайдеггера — это не просто предмет размышлений об её инструментальных возможностях или роли в жизни человека. Это стремление проникнуть в самую суть техники как особого модуса бытия-в-мире. Хайдеггер акцентирует внимание на том, что «сущность техники не является чем-то техническим». Поэтому, чтобы постигнуть истинную природу техники, недостаточно лишь пользоваться ею, восторгаться её успехами или стремиться избежать её влияния. Подобный подход удерживает нас в плену технического, независимо от того, приветствуем ли мы технику с радостью или же стремимся отвергнуть её.

Инструментально-антропологический подход, трактующий технику лишь как набор инструментов для достижения определённых целей, не в состоянии постичь глубинное различие между сущностью техники и её техническим проявлением, представляющим собой множество устройств и действий. Для обозначения сущности техники Хайдеггер вводит понятие постав (Gestell). Постав — это особый способ раскрытия истины (или «непотаянного»), который определяет техническое отношение человека к бытию [1].

Это видение придаёт первостепенное значение функциональности и практичности технических устройств, игнорируя более глубокие онтологические аспекты, которые лежат в основе самого понятия техники.

Данная перспектива не позволяет уяснить принципиальное различие между сущностью техники — её внутренней природой, которая включает в себя не только функциональные характеристики, но и её способности формировать человеческие отношения, восприятие и бытие — и её техническим проявлением, которое состоит из множества устройств и действий. Это проявление может изменяться с течением времени, в то время как сущность техники остаётся глубоко укоренённой в нашей культуре и способах мышления.

Понимание техники только в её инструментальном аспекте порождает представление о ней как о безличной, нейтральной силе, которую человек может контролировать. Однако такое представление игнорирует то, как техника влияет на человеческие ценности, окружение и сами процессы познания. Она не только служит инструментом, но и формирует наше восприятие мира и определяет условия существования, способствуя созданию новых форм общения, культуры и знания.

Но понятие постава выходит за рамки простого описания технического взаимодействия с миром. Это способ бытия самого человека в технической эпохе, где он сам становится ресурсом — «человеческим ма-

териалом», необходимым для функционирования технических систем. Постав формирует определённое самопонимание, свойственное современному человеку: в условиях технической эпохи человек перестаёт быть лишь творцом и потребителем техники, превращаясь в её функциональную часть.

Мартин Хайдеггер рассматривает технику как нечто гораздо более глубокое, чем просто набор инструментов или технологий. В его понимании техника является дарованной человеку способностью раскрывать потаенное, открывать мир в его сущности. Это раскрытие происходит через процесс, который философ называет «постав» (Gestell). Этот термин, хотя и связан с обычным немецким словом, обозначающим такие объекты, как ткацкий станок или жернов, приобретает у Хайдеггера совершенно новое значение. Подобно тому, как Платон переосмыслил греческое слово «эйдос» (вид) в понятие «идея», обозначающее невидимое чувственным глазом, Хайдеггер наделяет Gestell уникальным философским содержанием.

Gestell, или «постав», в интерпретации Хайдеггера представляет собой способ, которым истина выводится из состояния потаенности. Это процесс раскрытия бытия через усилие человека, призванного выявлять скрытое в действительности. Хайдеггер утверждает, что граница между потаенным и непотаенным не фиксирована, а обусловлена способностью человека различать их. Для философа бытие иррационально, и его сущность не может быть исчерпана рациональным познанием. Он ссылается на древнегреческих мыслителей, подчеркивая, что самое сущностное и фундаментальное часто остается скрытым дольше всего, несмотря на свою изначальность. Таким образом, техника становится одним из путей, который направляет человека к этому раскрытию.

Хайдеггер видит в технике не только инструментальный способ взаимодействия с миром, но и судьбу человека. Под судьбой он понимает не принуждение, а дар, открывающий путь к подлинной свободе. Следовать этому пути — значит услышать «Зов бытия», который направляет человека через Gestell. Этот зов не является внешним воздействием или принуждением; напротив, он открывает перед человеком возможность быть свободным, следуя своей сущности.

Gestell, как пишет Хайдеггер, не принадлежит человеку. Это часть бытия, находящаяся вне его и направляющая его действия. Человек отвечает этому зову своим техническим отношением к миру, что делает технику неотъемлемой частью его существования. Таким образом, техника выступает одновременно как судьба, заданная бытием, и как способ, посредством которого человек реализует своё отношение к окружающему миру.

Интерпретация Gestell через понятие энтелехии, предложенное Аристотелем, позволяет раскрыть его философский смысл более полно. Энтелехия, в аристотелевском понимании, представляет собой активный принцип, цель в себе, который превращает потенциальное в актуальное. Аналогично этому, Gestell является возможностью техники в её бытийном измерении, а техника — её актуализацией. Если рассматривать технику через призму энтелехии, она становится не просто реализацией функциональных задач, но воплощением более высокого целеполагания, направленного на раскрытие мира.

Наука, подобно технике, является способом раскрытия потаенного, но делает это через математизацию и объективизацию. В современном мире наука и техника становятся взаимозависимыми: наука предоставляет законы и теории, которые техника превращает в практические приложения. В этом процессе они вместе формируют образ современного человека, который воспринимает мир как ресурс, подлежащий эксплуатации и управлению.

Однако Хайдеггер предупреждает о рисках такого подхода. Техника, будучи даром бытия, способна замкнуть человека в утилитарном отношении к миру, лишая его связи с метафизической сущностью бытия. Этот вызов требует нового способа мышления, который способен выйти за пределы утилитаризма и восстановить связь между техническим прогрессом и духовными основаниями человеческого существования.

Хайдеггер связывает технику с метафизическим пониманием бытия, утверждая, что современная техника представляет собой «завершённую метафизику». Это связано с тем, что техника исходит из классической западной концепции бытия как наличия (Vorhandensein). В рамках этой традиции, начиная с Платона, бытие сущего воспринималось как объективное присутствие, доступное для познания и манипуляции. Современная техника, реализуемая через «поставляющее производство», делает всё сущее доступным для контроля и использования. Таким образом, техника воплощает идеал западной метафизики, в которой мышление редуцируется к созерцанию сущностей, а бытие — к объекту.

Возникает вопрос: кто осуществляет «поставляющее производство», выводящее сущее в состояние наличия? На первый взгляд, ответ прост: человек как субъект. Однако Хайдеггер предостерегает от возвращения к инструментально-антропологическому подходу. Хотя человек участвует в производстве, он не контролирует саму непотаённость, в которой раскрывается действительное. Это указывает на то, что техника формирует не только наш способ работы с миром, но и наш способ мышления, определяя горизонты того, что мы можем видеть и осознавать.

Современные научные теории и технические системы работают через те же механизмы, что и «постав»: они делают мир доступным, определяя его как ресурс для анализа, манипуляции и эксплуатации. Наука, например, преобразует природные явления в модели и данные, которые можно измерять и контролировать. Технические устройства, в свою очередь, не только реализуют эти модели, но и формируют нашу реальность, задавая рамки возможного взаимодействия с ней.

В то же время Хайдеггер предупреждает, что такой подход таит в себе опасность: человек, воспринимая мир исключительно как объект для эксплуатации, теряет способность к иному, более глубокому восприятию бытия. Техника не должна редуцироваться к инструменту, а наука — к средству; их роль состоит в раскрытии бытия в его подлинной сложности. Хайдеггер учит видеть в технике не только функциональность, но и возможность диалога с бытием, который выходит за рамки утилитарного и прагматического подходов [2].

В своем произведении «Вопрос о технике» (1954) Мартин Хайдеггер предлагает глубокое осмысление природы техники, которое выходит за рамки традиционного инструментального подхода. Он отвергает общепринятую концепцию техники как нейтрального средства, полностью под контролем человека. Философ подчеркивает, что техника представляет собой нечто более весомое, чем лишь набор инструментов; она служит способом раскрытия более глубоких уровней бытия, через который истина становится осязаемой. Хайдеггер утверждает, что мы попадаем в самый глубокий плен техники, когда воспринимаем ее как нечто нейтральное [8].

Для Хайдеггера техника представляет собой особую форму отношения к миру, способ «раскрывания» (Entbergen), которое определяет, как человек взаимодействует с реальностью. Это раскрывание имеет двойственный характер. С одной стороны, техника извлекает и преобразует скрытое, что приводит к появлению новых ресурсов, объектов и возможностей. С другой стороны, она изменяет саму сущность того, что раскрывается. Например, современная техника преобразует природу, превращая её в объект, предназначенный для использования. Хайдеггер иллюстрирует это на примере Рейна: гидроэлектростанция превращает реку из природного феномена в поставщика гидравлической энергии, встроенного в производственную систему. В результате Рейн теряет своё культурное и природное значение, существуя лишь как часть технической инфраструктуры.

Этот пример демонстрирует, как техника меняет не только внешний облик мира, но и восприятие человеком природы. Вместо того чтобы видеть в Рейне нечто самобытное и величественное, человек воспринимает его лишь как ресурс, подчиненный техническим систе-

мам. Это изменение восприятия имеет глубокие экзистенциальные последствия: техника становится не просто инструментом, но новой средой обитания человека, определяющей его отношение к миру и самому себе.

Хайдеггер подчеркивает, что техника в современной эпохе задает новую картину мира. Она формирует способ мышления, при котором всё сущее воспринимается как ресурс, как «стоимость» (Bestand), предназначенная для использования. В этом отношении техника не является пассивной: она активно конструирует реальность, задавая рамки человеческого опыта. Например, туристическая индустрия превращает тот же Рейн в объект визуального потребления, лишая его метафизического значения, воспетого в гимне Гельдерлина. В результате мир утрачивает свою сакральность и становится объектом эксплуатации и эстетической утилитарности.

Вопрос о технике в философии Хайдеггера напрямую перекликается с проблемами науки и её роли в современном обществе. Современная наука, как и техника, не просто раскрывает мир, но делает это через объективизацию и математизацию сущего, что сближает её с «поставляющим производством» техники. Наука выявляет и формулирует законы природы, но при этом неизбежно включается в технические системы, превращая свои открытия в инструменты. Это слияние науки и техники создаёт новый тип рациональности, при котором истина подчиняется целям эффективности и функциональности.

Хайдеггер рассматривает технику как один из способов раскрытия бытия, который не сводится к простой инструментальности. В его философии техника обретает статус «поста» (Gestell), выступающего в качестве формы, через которую осуществляется процесс выявления скрытого — потаенного. Техника становится не просто средством, но языком, через который бытие говорит с человеком. Этот язык, однако, двусмыслен: он может как помогать в раскрытии истины, так и заслонять её, увлекая человека в гонку утилитарного производства.

Хайдеггер отмечает, что техника обладает особым языком, коренящимся в её сущности. Этот язык «говорит» через структуры производства, потока ресурсов и механизмов преобразования. Однако его послание становится однобоким: вместо того чтобы служить осмысленному раскрытию мира, оно подчиняет всё производственно-поставляющему дискурсу. Техника заявляет о себе как о средстве овладения природой, преобразуя её в ресурсы, готовые к использованию. В этом языке утрачивается глубина — исчезает тот опыт, в котором истина открывается как сокрытое, требующее созерцания и внимания.

Современная техника изменяет сам язык, в котором человек мыслит и взаимодействует с миром. Она формирует «технократический» дискурс, в котором доминируют термины, связанные с эффективностью, произ-

водительностью и контролем. Этот язык способствует обеднению восприятия, заменяя сложность мира его упрощённым функциональным описанием. Человек перестаёт видеть в технике инструмент для диалога с бытием и воспринимает её исключительно как средство решения практических задач.

Такое изменение языка затрудняет доступ к более глубокой сущности техники. Оно ограничивает способность человека задумываться о её двусмысленной природе, в которой переплетаются раскрытие и сокрытие истины. Чем больше язык техники превращается в утилитарный код, тем сильнее становится разрыв между техническим прогрессом и духовным развитием человека.

Язык не только отражает наши представления о технике, но и формирует их. Упрощённый технократический дискурс, в котором техника — это лишь совокупность устройств, меняет наше отношение к ней. Мы перестаём видеть технику как часть диалога между человеком и бытием и начинаем воспринимать её исключительно как объект, подлежащий эксплуатации. В таком подходе техника перестаёт быть способом раскрытия потаённого и становится средством подчинения мира.

Хайдеггер предлагает искать «подлинный» язык, который способен восстановить утраченный баланс. Этот язык должен быть созерцательным, обращённым к истокам техники как техне, означающей в древнегреческом понимании не только ремесло, но и искусство, связанное с поэтическим раскрытием истины. В этом контексте техника становится не просто набором инструментов, а формой диалога, в котором человек и бытие взаимно раскрывают друг друга.

Вопрос о технике в философии Хайдеггера рассматривается как метафорическая звёздная конstellляция, в которой крайности — опасность и спасение — находятся в непосредственной близости друг к другу. Он утверждает, что угроза, исходящая от техногенного производства, способного затенять истину, одновременно содержит в себе спасительные свойства. Данные свойства могут быть распознаны лишь в том случае, если мы откажемся от утилитарного подхода к технике и обратим взор к её глубинной сущности, которую Хайдеггер рассматривает как язык бытия. Эта смена перспективы позволяет увидеть, что техника не является лишь набором инструментов, но представляет собой сложный феномен, способный как угнетать, так и открывать горизонты понимания. Именно здесь техника становится судьбоносным испытанием для человека. Она требует не только овладения, но и мышления, которое способно увидеть её в более широком контексте. Этот контекст выходит за пределы производственно-поставляющего языка и возвращает нас к истокам техники как способа раскрытия истины.

Однако вглядывание в сущность техники открывает перед нами возможность услышать её подлинное послание. Эта возможность требует нового языка, который сможет выразить сложность и многообразие человеческого взаи-

модействия с миром. Таким образом, хайдеггеровская философия науки и техники становится не только критикой современного технического мышления, но и попыткой найти новый путь к диалогу между человеком, техникой и бытием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дёмин И.В. Человек техники. М. Хайдеггер и Ф.Г. Юнгер об экзистенциальном смысле техники // Terra Linguistica. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-tehniki-m-haydegger-i-f-g-yunger-ob-ekzistentsialnom-smysle-tehniki>
2. Демин И.В. Экзистенциально-онтологическое обоснование техники в философии М. Хайдеггера // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2010. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekzistentsialno-ontologicheskoe-obosnovanie-tehniki-v-filosofii-m-haydeggera>
3. Инишев И.Н. Хайдеггер и философия языка // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2008. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/haydegger-i-filosofiya-yazyka-1>
4. Перехода М.А. Феноменологический метод М. Хайдеггера // Экономика и социум. 2016. № 6-2 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomenologicheskii-metod-m-haydeggera>
5. Попова А.В. Язык в философии М. Хайдеггера и Л. Витгенштейна в контексте осмысления интернета // Вестник ЧелГУ. 2021. № 8 (454). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-v-filosofii-m-haydeggera-i-l-vitgenshteyna-v-kontekste-osmysleniya-interneta>
6. Талалаева Е.Ю., Пронина Т.С. Понимание как универсальная герменевтическая среда в философии Мартина Хайдеггера и Ханса-Георга Гадамера // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 2(36). С. 118-123. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylosophy/2020/02/2020-02-14.pdf>
7. Фалёв Е.В. Герменевтика языка в философии М. Хайдеггера // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 10, ч. 2. С. 191-194. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2014_10-2_46.pdf
8. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. — М.: Республика, 1993. — 447 с. — (Мыслители XX в.). URL: https://imwerden.de/pdf/heidegger_vremya_i_bytie_1993.pdf

© Москвитин Валерий Александрович (moskvitin_va@voenmeh.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ США: РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Панова Юлия Владимировна

Соискатель, Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарева (г. Саранск);
старший преподаватель, Сибирский государственный
университет телекоммуникаций и информатики
(г. Новосибирск)
julechka_82@mail.ru

CIVILIZATION IDENTITY OF THE USA: REALITY AND PROSPECTS

Yu. Panova

Summary: The article covers the civilization identity of the USA and its influence on the national identities of other states as well. The comparative analysis of the existing civilization theories has been conducted and it was proposed to research the civilization world picture from the position of S.N. Eisenstadt's theory of multiple modernities. This theory allowed to analyse the peculiarities of American identities inside the society and also the impact of the USA civilization identity onto the other societies. The prospects of the counterstand to the global "universal" western civilization have been demonstrated.

Keywords: civilization, identity, globalization, westernization, theory of multiple modernities.

Аннотация: В статье рассматривается цивилизационная идентичность США, а также ее влияние на национальные идентичности других государств. Проведен сравнительный анализ существующих цивилизационных теорий и предложено исследовать цивилизационную картину мира с позиции теории множественности модернов Ш. Эйзенштадта. Данная теория позволила проанализировать особенности проявления американской идентичности внутри своего общества, а также воздействие цивилизационной идентичности США на другие социумы. Продемонстрированы перспективы противодействия глобальному влиянию «универсальной» западной цивилизации.

Ключевые слова: цивилизация, идентичность, глобализация, вестернизация, теория множественности модернов.

В настоящее время одной из актуальных тем, поднимаемых в социально-политических кругах, является развитие цивилизационных процессов в мировом сообществе. Все чаще обсуждаются вопросы цивилизационной идентичности стран и государств, а также участие во всеобщем цивилизационном развитии. Безусловно, что данная проблема не теряет своей актуальности и по причине того, что любые социальные, политические или экономические процессы проходят под эгидой глобализации, которая затрагивают все сферы мирового сообщества. Таким образом, во все более глобализирующемся мире идут дискуссии по поводу того, приравнивается ли понятие «цивилизация» и цивилизационные процессы к современности и соотносится ли оно с современным обществом, с одной стороны. С другой точки зрения, рассматривают тождественность цивилизации и культуры, поскольку цивилизация в любом ее преломлении несет в себе культурно-исторический компонент – в таком случае наряду с глобализационными процессами возможно сохранение и преумножение и традиционных ценностей.

Современный философский словарь дает следующее определение цивилизации, представляя его как понятие, «сложившееся в конце XVIII в. в Западной Европе и к настоящему времени ставшее способом ценностной самоидентификации современного человечества в его

отношении к природе, социуму и культуре»¹. Данное понятие позволяет нам поднять следующую проблему – относится ли понятие «цивилизация» лишь к западной культуре, в частности к американской, которую мы рассматриваем в данной статье, и является ли оно, таким образом, эталоном для остальной мировой общности, обладая параметрами, которых должно придерживаться современное общество. Закономерно возникает и следующий вопрос – имеют ли место быть различные цивилизационные идентичности, имеющие право на существование и способные задавать тон всеобщему мировому развитию.

Чтобы разобраться в поставленной проблеме считаем целесообразным рассмотреть цивилизационные подходы, предложенные разными теоретиками как отечественной, так и западной мысли. Одним из представителей данной группы ученых является А. Тойнби, изложивший в своем труде «Постижение истории» концепцию формирования новых цивилизаций. Такие формирования происходят при возникновении в ходе истории различных событий или проблем, именуемых вызовами, на которые общность индивидов вынуждена давать ответ. При таком подходе Тойнби выделил цивилизации, возникшие в разные исторические периоды. Безусловно, что данный подход объясняет возникновение многих цивилизаций, особенно при воздействии

¹ Современный философский словарь. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/modern/articles/416/civilizaciya.htm> (дата обращения: 08.02.2025).

внешних источников, например, таких как внешняя экспансия, однако применительно к современному этапу, аналогичным образом испытывающему вызовы самого разного толка, мы скорее можем говорить не о формировании новых цивилизаций, а о трансформации существующих и их приспособлении к изменяющимся условиям существования.

Один из основателей цивилизационного подхода был и О. Шпенглер. В его представлении цивилизация представляет собой конечную стадию любой культуры. В связи с этим, мыслитель полагает, что западная цивилизация переживает упадок, поскольку находится на пике своего культурно-исторического развития. Тем не менее, мы вновь придерживаемся того мнения, что западная цивилизация скорее находится на стадии трансформации, нежели близка к распаду. Так, многие философы, политологи, историки, среди которых П. Бьюкенен, Ф. Фукуяма, Т. Читтам и др. дискутировали на тему краха Запада, однако современный исторический этап демонстрирует нам иное положение вещей.

В «Социальной и культурной динамике» П. Сорокина выделены три типа культуры, а также четыре стадии, через которые должна пройти та или иная культура, чтобы могла сформироваться новая. Для осуществления данного процесса важен трансформационный период перехода от стадии увядания одной культуры и появлению следующей, что становится возможным благодаря различным флуктуациям внутри общественной системы, которые могут выражаться в виде войн, революций и других общественно-политических потрясений, способствующих тому, чтобы система начала реагировать. Так, приобретенная США независимость в войне 1775-1783 гг. способствовала дальнейшему развитию страны во многих сферах. Аналогичным образом, гражданская война, будучи самой кровопролитной войной в США, явилась в свое время мощным стимулом и толчком для совершенствования всей общественно-политической системы США.

Н.Я. Данилевский выделял десять культурно-исторических типов, формирование которых происходит по определенным законам в ходе исторического развития. Более того, им также была поднята проблема противостояния западной и восточной цивилизаций, а также тождественности европейской цивилизации общечеловеческой, на что у философа имеется своя собственная критичная точка зрения. Так, Данилевский придерживается мнения, что Европа представляет собой лишь часть Азии и по этой причине она «не может противопоставляться своему неоднородному целому без нарушения всех правил логики»².

Одним из фундаментальных трудов, раскрывающих тему противопоставления цивилизаций, является работа С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций», в которой он раскрывает причины такого противостояния, основными из которых являются культурно-исторические и экономические. Более того, автор поднимает вопрос о возможности существования универсальной цивилизации, и такой ему представляется западная. Относя США к западной цивилизации, Хантингтон затрагивает тему столкновения между идеями мультикультурализма, господствующими на Западе и собственно «американским идеалом», поскольку, по его мнению, такое противостояние может привести к прекращению существования западной цивилизации, и американской ее ветви, в частности, т.к. мультикультуралисты «бросают вызов стержневому элементу «американского идеала», заменяя права личностей правами групп, определенных в значительной мере в терминах расы, этнической принадлежности, пола и сексуальной ориентации»³.

На другом полюсе подхода о противостоянии цивилизаций находится позиция Ш. Эйзенштадта, предложившего теорию множественности модернов, согласно которой на современном историческом этапе, помимо западной цивилизации существуют и другие общности, обладающие своей культурой. Для того чтобы понять представление современного мира, необходимо разобраться в том, что представляет собой каждая отдельная культура. Более того, цивилизационная теория Эйзенштадта подразумевает сохранение странами собственных культурных традиций в ходе глобализации. Закономерно возникает вопрос – возможно ли это при навязываемой вестернизации, преимущественно со стороны Соединенных Штатов. Так, сами США, придерживаясь политики глобализма, на протяжении многих десятилетий пропагандируют американизацию во многих сферах, поскольку глобализм является частью их собственной внешнеполитической деятельности.

На наш взгляд, предлагаемая Эйзенштадтом теория не лишена реального осмысления и может быть применена для анализа современного цивилизационного развития, которое на протяжении последних десятилетий шло под перманентным влиянием западного мира. Сам автор теории не отрицает глобального влияния Запада, хотя и акцентирует внимание на том, что вестернизация и модернизация не являются тождественными понятиями. При этом корни формирования современных сообществ лежат в европейских традициях, где «были установлены паттерны коллективной идентичности, формирующие восприятие индивидуальных сообществ, особенно их восприятие себя как современных»⁴. Такое

2 Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. – С. 89.

3 Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003. – С. 504.

4 Eisenstadt S.N. Multiple Modernities. - New Brunswick; London: Transaction publ., cop. 2002. - P. 10.

положение вещей, безусловно, имело влияние на доминирование западной цивилизации, в частности, американской на формирование цивилизационной идентичности других государств.

Так, согласно теории Эйзенштадта сами США старались придерживаться своих сложившихся традиций, несмотря на распространение политики глобализма. Более того, представляется актуальным раскрыть степень американского влияния на общую цивилизационную парадигму.

Общеизвестно, что США провозгласили себя оплотом демократических свобод, возведя понятие свободы в особую идеологическую ценность, которой она продолжала оставаться продолжительное время. Под эгидой следования принципам свободы, правящие круги стали навязывать и поведение сначала внутри своего социума, а позже и за его пределами. Так, социально-политическая свобода породила чрезмерную политкорректность, в частности, в отношении гендерной свободы, которая стала пропагандироваться политической элитой США и за пределами страны. Последствия такого перекоса гендерной свободы мы можем наблюдать как в самих США, так и в других странах, в частности в европейских. Несмотря на информационную пропаганду, такой элемент западной цивилизации не прижился во многих странах, например, в России. Так, можно сделать вывод о том, что в данном аспекте теория Эйзенштадта возымела действие и многие страны сохранили свою традиционную гендерную идентичность.

Однако нам бы хотелось раскрыть сущность проводимой внешнеполитической деятельности США, пытающихся насаждать собственные проамериканские ценности и выдавать их за общепринятые, глобальные ценности, тем самым утверждая, что именно они являются «стержневым» государством в общемировом масштабе, а также универсальной цивилизацией по определению С. Хантингтона. С этой целью правящими кругами США используются средства, как «мягкой», так и «твердой» силы. В качестве мягкой силы долгое время выступало голливудское кино, однако, с появлением различных социальных сетей и платформ для общения, средства «мягкой» силы постепенно трансформировались и переместились на виртуальное поле информационного противостояния.

Что касается применения «твердой силы», то буквально вся мировая общественность наблюдает за ее

проявлениями, приобретающими в последние десятилетия крайне деструктивные, а зачастую и агрессивные формы. Общеизвестно, что правящая элита США не единожды вмешивалась во внутренние дела других стран, а зачастую и становилась инициатором военных столкновений на территории различных государств. Причины такого внешнеполитического поведения объяснялись либо угрозой национальной безопасности и цивилизационной идентичности США, либо желанием оказать посильную помощь в решении локальных конфликтов других государств, каким, к примеру, была интервенция США при поддержке НАТО в Ливию. Тем не менее, истинные причины такого вторжения, также как и в ряд других ближневосточных государств имели под собой иные цели – прежде всего, усилить свое политическое и экономическое влияние в данном регионе, а также ослабить влияние своих основных геополитических противников – России и Китая. Более того, подобные действия позволяли насаждать черты своей цивилизационной идентичности другим странам, тем самым постепенно устанавливая монополярный мир, в котором превалирующее влияние имела бы одна цивилизация – западная, в ее преобладающем американском преломлении.

Однако в настоящее время такой цивилизационной тенденции оказывается посильное противостояние в виде ответной реакции России на происходящие события. Представители российской правящей элиты пытаются повернуть цивилизационную парадигму в сторону многополярного мира, где государства будут иметь право голоса и решения в мировых социально-политических и экономических вопросах. Такое положение вещей демонстрирует нам проявление и практического применения теории Эйзенштадта, когда в глобализирующемся современном мире большое количество различных стран и государств будут консолидироваться для общего решения возникающих проблем и задач, при этом сохраняя свою цивилизационную и национальную идентичности. Полагаем, что вектор по установлению многополярного мира становится все более фиксированным и находит поддержку у большинства представителей мирового сообщества, несмотря на сопротивление Запада. Сложившаяся ситуация отражает современную цивилизационную картину мира, предполагающую право на существование различных цивилизационных идентичностей, ввиду взаимодействия на правах солидарности и открытости различных государств, а не преобладание, вопреки желанию Запада, одной «универсальной» для всех цивилизационной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бьюкенен, П. Смерть Запада / П. Бьюкенен; пер. с англ. А. Башкирова. - М.: АСТ, 2003 (Тип. изд-ва Самар. Дом печати). - 444 с.
2. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский; сост., послесловие и комментарии С.А. Вайгачева. - М.: Книга, 1991. - 574 с.
3. Сорокин, П. Социальная и культурная динамика / П. Сорокин; пер. с англ., вст. статья и комментарии В.В. Сапова. - М.: Астрель, 2006. - 1176 с.

4. Тойнби, А. Постигание истории: Пер. с англ. / А. Тойнби. - М.: Прогресс, 1991. - 736 с.
5. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма; пер. с англ. М.Б. Левина. - М.: АСТ, 2015. - 259 с.
6. Читтам, Т. Крах США. Вторая гражданская война. 2020 год [Электронный ресурс] / Т. Читтам. - 1996. - Режим доступа: https://royallib.com/book/chittam_tomas/krah_ssha_vtoraya_gragdanskaya_voyna_2020_god.html (дата обращения: 24.05.2019).
7. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. Ю. Новикова. - М.: АСТ, 2003. - 603 с.
8. Eisenstadt, S.N. Multiple Modernities / S.N. Eisenstadt. - New Brunswick; London: Transaction publ., cop. 2002. - 267 p.

© Панова Юлия Владимировна (julechka_82@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ РАЗВИТИЯ ТЕХНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Шустов Александр Федорович

Д. филос. н., профессор, Брянский государственный
аграрный университет
shustovaf@mail.ru

THE PROBLEM OF SOCIAL ASSESSMENT OF THE DEVELOPMENT OF TECHNICAL ACTIVITIES

A. Shustov

Summary: The article considers complex criteria for the social assessment of the development of technical activity as an opportunity for its optimal development, in order to avoid the consequences of its negative impact on nature, society and man.

Keywords: technical activity, technical facility, comprehensive assessment, technology, culture, social assessment.

Аннотация: В статье рассмотрены комплексные критерии социальной оценки развития технической деятельности, как возможности оптимального ее развития, с целью избежать последствий ее негативного влияния на природу, общество и человека.

Ключевые слова: техническая деятельность, технический объект, комплексная оценка, техника, культура, социальная оценка.

Для философского анализа интерес представляет комплексная социальная оценка, раскрывающая соответствие предмета, его внутренних и внешних свойств запросам и потребностям социального субъекта. Данная оценка представляет собой, многогранную структуру, включающую в себя: а) оценочное отношение, объективных свойств объективных свойств объекта с материальными или духовной потребности субъекта, б) оценочное суждение, выраженное в понятийных формах сознания как результата оценочного отношения субъекта к свойствам и характеристикам объекта.

Такая оценка сочетает в себе знание об объекте, его ценности для социального субъекта со знанием о самом субъекте, его интересах и потребностях. Адекватность социальной оценки заключается в степени ее соответствия интересам и потребностям социального субъекта. Социальная оценка развития технической деятельности должна носить не разовый, а систематический характер, как на этапе технического творчества, и в ходе постоянного функционирования технических объектов. Результаты этой оценки должны информировать общество о негативных последствиях функционирования технических объектов, а также указывать на возможные подходы их создания и функционирования.

Социальная оценка представляет собой область междисциплинарных исследований направленных на выявление негативных последствий развития технической деятельности. Оценка техники есть система философских размышление над сущностью техники и технической деятельности, опирающаяся сложившуюся норм систему и ценностей представляющую собой определенную иерархию.

Предметом социальной оценки технической деятельности выступает динамическое ее развитие и его возможные последствия этого развития. Получения нового технического знания и его использование для создания современных технологий, технических объектов не являются достаточными в случае оценки технической деятельности. Качественно новым становится раскрытие сущности технического развития как необходимого процесса изменения сущностных аспектов техники, направленных на глобальные изменения в обществе и природе. Сущность такого понимания сформулирована Ж. Бодрийяром: «Люди и техника, потребности и вещи взаимно структурируют друг друга – к лучшему или к худшему» [1, с.137].

Как пишет Зиферле Р.П.: «Критика техники оказывается столь же древней, как и сама техника. Из истории почти всех высоких культур до нас дошли голоса, в которых можно уловить скептическую настроенность по отношению к технике и пользе изобретений, или ... техника рассматривается в демонически зловещем свете» [2, с. 257].

Процесс социальной оценки техники и технической деятельности в социокультурном контексте зарождается в философии 20 века. Так, О. Шпенглер говорит о «предательстве техники», которая из орудия, послушного человеку, превратилась в самостоятельную область действий, развитие которой угрожает природной среде. Другие, как К. Ясперс, обвиняют современную цивилизацию в том, что технические средства в ней служат массовому уничтожению людей и человекоубийству. Э. Мунье, например, видит в развитии техники и в индустриализации источник социальной дезинтеграции.

Более развернутую социальную оценку развития техники дает Ж. Эллюль, который вскрывает пороки современной технической цивилизации: разрушение природной среды обитания человека и ее замещение техносферой, в которой отпадает необходимость и возможность что-то осмысливать и оценивать, поскольку здесь осуществляется диктат технической рациональности и нет свободы выбора; тотальную технизацию всей человеческой культуры, которая становится одномерно и рационально ориентированной, выполняя лишь «конформирующую роль»; порабощение человека техникой во всех сферах социальной действительности [3, с.148].

При этом понятие «техника» трактуется им предельно широко – как вся совокупность формально-рациональных методов деятельности, связанных с современной наукой и обеспечивающих достижение эффективного результата в любой сфере деятельности. Это превращение техники в универсальную социальную технологию делает ее особо опасной для современного мира, так как в жестких границах технической системы невозможна иная логика, иное мировоззрение, цели и задачи, кроме тех, которые диктуются техникой.

Методологический подход, который мы разделяем, предложил Э. Агацци для выхода из сложившейся ситуации социального-культурного восприятия образа техники. Он пишет: «Обе эти позиции ошибочны: несомненно, наука и технология суть благо, но не безусловное благо, и невозможно отрицать, что по мере своего развития, особенно в последнее время, они повернулись к нам рядом негативных сторон. Это не оправдывает предложение притормозить их развитие, и не столько ввиду его невыполнимости, сколько потому, что развитие науки и технологии не происходят совершенно автоматически. Его осуществляют человеческие существа, а значит, они в принципе допускают целесообразную ориентацию и направленность» [4, с.5].

Мы не разделяем мысль о том, что во всех проблемах современности винить только технику и техническую деятельность, мы также далеки и от мысли во всем на нее полагаться, считая ее воплощением только добра или только зла. Зло входит в мир только через человека, его поступки, волю, как и добро, утверждается в мире благодаря ему... И носителем ответственности за продукты технической деятельности может быть только человек.[5] Необходимо ясно понимать, большое количество проблем, вставших сегодня перед человечеством, можно разрешить, только путем дальнейшего развития технической деятельности, опирающейся на постоянную социальную оценку ее результатов.

Социальная оценка должна опираться на комплексный, многоплановый характер и включать в себя учет и прогнозирование не только технических, экономиче-

ских, но и экологических, социальных и эстетических свойств и характеристик.

К социальным критериям относятся следующие: 1) создание качественно новых условий труда и его безопасности при эксплуатации технических объектов; 2) механизацию условий труда, повышение его творческого характера; 3) охрана окружающей среды, создание лучших условий для жизнедеятельности людей.

Экономические критерии следующие: 1) уменьшение трудоемкости при изготовлении технического объекта и рост производительности труда при его эксплуатации; 2) экономическая эффективность при производстве и эксплуатации технических объектов; 3) ускорения внедрения новых технических средств, способствующих повышению производительности труда.

Эстетическая оценка предполагает: 1) достижения гармонии содержания и формы в проектно-конструкторских решениях; 2) развитие эстетических характеристик внешних параметров объекта; 3) выявление оригинальности и новизны и при реализации технической идеи.

Социальная оценка технической деятельности предполагает следующую иерархию приоритетов: 1) влияние техники на всю социальную жизнь в целом; 2) воздействие техники природную среду; 3) решение социальных потребностей человека; 4) гармоническое единство технического и социального развития страны; 5) оптимальное соотношений между техникой, человеком и культурой.

При создании технических объектов контроль направлен на выполнение его технических функций. Без учета большого круга культурных и социальных процессов и уже в ходе его функционирования начинают проявлять негативные моменты, которые не учитывались в ходе его первоначального замысла.[6]

Единство знаний о многообразии культурных и социальных аспектов в развитии технической деятельности необходимо осуществлять осуществляться на этапе индивидуального сознания при проектировании и создании технических объектов. Такая взаимосвязь личностного и общественного контроля основа повышения социальной эффективности развития технической деятельности. Так как такое единство способно на ранних этапах упреждать негативные влияния при создании новых технических средств и нахождение наиболее оптимальных проектных решений.

Решающим обстоятельством позволяющим судить о соответствии оценочных суждений действительности, являются основания самой оценки, т.е. знания, которые незримо присутствуют в любом оценочном суждении. Если основанием оценочного суждения выступают эмпи-

рические знания или эмоции, то такие суждения обусловлены недостаточно глубоким осознанием социальным субъектом своих интересов и потребностей. Поэтому невозможно говорить здесь о научности оценки.

Специфичность задачи компетентной оценки техники демонстрирует нам опыт П. Вейнгарда, который попытался определить «критерии релевантности». Создавая ситуацию конкуренции систем знания и возможность доминирования их по отношению друг к другу, Вейнгард, чтобы объяснить преобладание одной системы над другой, предлагает прибегнуть к критериям релевантности. на Основании которых возможно и сознательное регулирование производства, и выбор форм знания. Идея основывается на том, что в любом обществе существуют такие критерии, как «истина», «благополучие», но они по-разному интерпретируются, в зависимости от наличного знания, ресурсов и культурного развития. Так, например. А Хунинг считает: в настоящее время «экономическое благополучие не является больше критерием релевантности» [7, с. 402].

Ключевая задача современной философии техники заключается в разработке норм, целей, ценностей и их приоритетов при создании новых технических объектов [8, с. 156]. Это способствует формированию новой парадигмы развития технической деятельности, опирающейся на гуманистический потенциал ее становления. Что способствует переходу к новому качеству ее роста, где приоритетную роль будет играть критерии культуры, а также в корне изменится содержание, формы и методы образования. В современном обществе все отчетливее проявляется кризис культуры, вызванный социально-техногенным развитием [9, с. 105], что лишает техническую деятельность необходимой социокультурной регуляции.

Современные формы развития технической деятельности тесно взаимосвязаны с многообразием сторон общественной жизни и оказывают значительное влияние на ее составляющие элементы, что ее развитие нуждается в общественной социальной оценке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр Ж. Система вещей. - М., 1999. С.137
2. Зиферле Р.П. Исторические этапы критики техники //Философия техники в ФРГ М.,1989, с.257.
3. Эллюль Ж. Друга революция //Новая технократическая волна на Западе. - М., 1986.-С.148
4. Аггаци Э. Моральное измерение науки и техники. - М.,1998.-С.5
5. Шустов, А.Ф. Социальная составляющая в структуре технической деятельности как возможность контролируемого ее развития / А.Ф. Шустов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – 2021. – № 11. – С. 92-95.
6. Шустов, А.Ф. Техническая деятельность как элемент культуры / А.Ф. Шустов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – 2023. – № 5. – С. 30-32
7. Хунинг А. Инженерная деятельность с точки зрения этической и социальной ответственности//Философия техники в ФРГ. - М., 1986.- 402
8. Свидерский, А.А. Генезис ценностно-нормативной системы взаимодействия общества и природы / А.А. Свидерский. – Брянск: Брянский государственный аграрный университет, 2023. – 173 с.
9. Свидерский, А.А. Кризис ценностей в информационно-техногенном обществе / А.А. Свидерский // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – 2024. – № 7. – С. 103-107.

© Шустов Александр Федорович (shustovaf@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Avdeeva Ya. – Graduate student, Lomonosov Moscow State University

Bulich M. – PhD student, Lomonosov Moscow State University

Chizhova K. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Russian State University for the Humanities

Fedorovskaya N. – Doctor of Art History, Professor, Far Eastern Federal University

Filippova O. – art critic, Leading specialist of the department of acquisition of personal funds of the Russian State Archives of Scientific and Technical Documents

Jin Feng – Associate Professor, Heihe University; PhD Student, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University

Kadyrbekov D. – Postgraduate student, Russian State Social University, Moscow

Khamzina Yu. – PhD student, Tyumen State University

Kisatova S. – Lecturer, Pavlodar Pedagogical University named after Alkey Margulan

Kursheva E. – Graduate student, Autonomous Non-profit Organization of Higher Education "Slavic-Greek-Latin Academy"

Lu Yongxiang – Associate Professor, Heihe University

Moskvitin V. – Postgraduate, lecturer, BSTU "VOENMEH" named after D.F. Ustinov (Saint-Peterburg)

Panova Yu. – Degree candidate, Ogarev Mordovia State University (Saransk); Senior teacher, Siberian State University of Telecommunications and Information Science (Novosibirsk)

Our authors

Petrova S. – Academy of marketing and socially-information technologies, Krasnodar

Prichina D. – postgraduate student, Institute of Correctional Pedagogy; specialist in social rehabilitation, Moscow City Rehabilitation Center

Ryzhova E. – Graduate student, Autonomous Non-profit Organization of Higher Education "Slavic-Greek-Latin Academy"

Shustov A. – doctor of philosophy, Professor, Bryansk State Agrarian University

Skopa V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Talyzina N. – Applicant, Moscow Institute of Psychoanalysis

Trubitsyn A. – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Moscow Socio-Economic Institute (MSEI)

Trubitsyna L. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Pirogov Russian National Research Medical University (Moscow)

Vasilyeva E. – Doctor of Art History, PhD in Law, Honorary Member of the Russian Academy of Arts, Lawyer at the Gridnev, Kharitonov and Partners Bar Association Moscow, Russia

Xie Hui – Professor, Heihe University

Zhavoronkova G. – graduate student, State University of Education (Moscow)

Zhenjun Yuan – Postgraduate student, Peoples' Friendship University of Russia

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).